

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА**

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 4

Том 1. Филология

Санкт-Петербург
2013

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Научный журнал

№ 4 (Том 1)'2013
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор.

Редакционный совет:

Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
С. Г. Гренъе, доктор филологических наук, профессор (США);
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Н. К. Данилова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
Л. В. Дербенёва, доктор филологических наук, профессор (Украина);
О. Н. Морозова, доктор филологических наук, доцент;
М. К. Пезенти, доктор филологических наук, профессор (Италия);
М. В. Ягодкина, доктор филологических наук, доцент.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-36
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2013
© Авторы, 2013

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

Михайлова М. В.

Образ человека-пастыря в произведениях митрополита Даниила7

Макаревич О. В.

Интерпретация идей западноевропейской христологии
в творчестве Н.С. Лескова 1870-х – 1890-х годов13

Шинкарева Н. Ю.

Генезис лирики Н.А. Павлович: рецепции А.А. Блока24

Агеева Ю. П.

Особенности анализа прозаических микроциклов
(на примере микроцикла А. Веселого «Домыслы»)33

Балашова Е. А.

Птица-тройка Игоря Чиннова44

Осьмухина О. Ю., Махрова Г. А.

Специфика жанра романа альтернативной истории
(на материале отечественной прозы 1990-х – 2000-х гг.)50

Шкурат Л. С.

Мотив пути в романе Ю. В. Бондарева «Берег»59

Трифонова А. В.

«Птичьим языком»: поэтика звука в поэзии Иосифа Бродского63

Сидоров О. Г.

Периодическая печать в культуре этноса71

Дробышева М. Н.

Далматинско-Дубровницкое Возрождение – от истоков до расцвета81

Борецкая У. А.

Отличительные особенности жанра английской народной баллады90

Макарова И. С.

Образы лотоса и лилии в мифологических системах Востока и Запада99

ЛИНГВИСТИКА

Лебедева Т. Е.

К проблеме определения литературного языка древнейшего периода107

Котова Ю. В.

Актуальность изучения языкового выражения оптимизма/пессимизма
для теории языка114

Мохаммадиан суге М.

Предложно-падежные конструкции с предлогом *от*,
выражающие объектные отношения, в современной русской речи121

Чугунекова А. Н.

Пространственные послелогои как средство выражения
пространственных отношений в современном хакасском языке
(в сравнении с алтайским и шорским языками)128

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

Барина И. А.

О некоторых закономерностях построения
и осознания текста разговорной речи 139

Тактарова А. В.

Эффективность речевого поведения журналиста
(на материале статей Д. Губина) 146

Филиппова И. Н.

Вербальная избыточность и недостаточность в одноязычии
(на материале русского языка) 155

Ушкалова М. В.

Типы каламбура в публичной речи 162

Бачалиашивили О. В.

Аргументация как речевое действие в судебном дискурсе 169

Максимова Т. В.

Гастрономическая метафора в разных типах дискурса 176

Радюк А. В.

Коммуникативные стратегии как способ манипулятивного
речевого воздействия в английском деловом дискурсе 181

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Топка Л. В.

Ситуация «Пожелание»: классический и прототипический подходы
к исследованию 191

Каменский М. В.

Автоматизированный анализ корпуса текстов как методологическая основа
построения и верификации когнитивно-функциональной модели
дискурсных маркеров 200

Меновицкова Ю. В.

Образная репрезентация феноменологических когнитивных структур
в тексте сказки 208

Волкова Я. А.

Феномен хамства в деструктивном общении 215

Дронь Д. Ю.

Оценка умственных способностей человека
в английском языковом сознании 222

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

Корзинина А. А.

Исследование чешско-русских литературных взаимосвязей
на современном этапе и место в них А.А. Фета 227

Мальцева Т. В.

Ребенок и православная вера в книге И. Шмелева «Лето Господне» 237

Сведения об авторах 246

Contents

THE STUDY OF LITERATURE AND FOLKLORE

<i>Mikhaylova M.</i> The Image of a Pastor in the Works of Metropolitan Daniel.....	7
<i>Makarevich O.</i> Interpretation of Ideas of Western Christology in the Works of N.S. Leskov 1870 – 1890s	13
<i>Shinkareva N.</i> Genesis of N.A. Pavlovich’s Lyrics: Receptions of A.A. Blok.....	24
<i>Ageeva Y.</i> Special Aspects of the Interpretation of Prose Microcycles (as Exemplified by Microcycle A. Veseliy «Wild Guesses»)	33
<i>Balashova E.</i> Troika-bird by Igor Chinnov	44
<i>Osmukhina O., Mahrova G.</i> Specific Genre of Alternative History Novel (on Russian Prose Material in 1990-2000s).....	50
<i>Shkurat L.</i> The Motif of the Way in the Y.V. Bondarev’s Novel “The Riverbank”	59
<i>Trifonova A.</i> «The Language of the Bird»: the Poetry of Sound in Joseph Brodsky's Poetry	63
<i>Sidorov O.</i> The Periodical Press in the Ethnos Culture.....	71
<i>Drobysheva M.</i> Dalmacia-Dubrovnik Renaissance – from the Beginnings to the Golden Age	81
<i>Boretckaia U.</i> Distinctive Features of English Folk Ballad	90
<i>Makarova I.</i> Images of Lotus and Lily in the Mythological Systems of East and West.....	99

LINGUISTICS

<i>Lebedeva T.</i> The Problem of Old Russian Literary Language Definition.....	107
<i>Kotova Yu.</i> The Topicality of the Research of Optimism/Pessimism Verbal Expression for the Theory of Language.....	114
<i>Mohammadian s. M.</i> Prepositional–case Constructions with Preposition <i>om</i> , Expressing Object Relations, in Modern Russian Language.....	121
<i>Chugunekova A.</i> Spatial Postpositions as Expressive Means of the Spatial Relations in the Modern Khakass Language (Compared to the Altai and Shor Languages).....	128

THE THEORY OF DISCOURSE AND LINGUISTIC STYLES

Barinova I.

On Some Regularities of Text Formation and Realization
in Colloquial Speech 139

Taktarova A.

The Verbal Behavior of Journalist (Based on the Articles by Dmitry Gubin) 146

Filippova I.

Verbal Redundancy and Shortage in Monolingual Communication
(Based on Russian) 155

Ushkalova M.

Types of Pun in Public Speech 162

Bachaliashwili O.

The Argument as Speech Action in Creation of a Judicial Discourse 169

Maksimova T.

Gastronomical Metaphor in Different Types of Discourse 176

Radyuk A.

Communicative Strategies as Means of Manipulative Verbal Impact
in English Business Discourse 181

COGNITIVE ASPECTS OF LINGUISTIC CATEGORIZATION

Topka L.

Situation of «Wishing»: Classical and Prototypical Approaches
to the Investigation 191

Kamensky M.

Automated Analysis of Corpora as a Methodological Basis of Creation
and Verification of the Cognitive-functional Model of Discourse Markers 200

Menovshchikova J.

Representation of Phenomenological Cognitive Structures
in the Text of Fairytale 208

Volkova Ya.

The Phenomenon of Boorishness (“Hamstvo”) in Destructive Communication 215

Dron D.

Evaluation of a Person’s Intellectual Abilities in the English Language 222

INFORMATION AND SURVEYS

Korsinina A.

Study the Czech- Russian Literary Relationship at the Present Stage
and Place in it A. Fet 227

Maltceva T.

Child and the Orthodox Faith in the Book of I. Shmelev “Leto Gospodne” 237

About authors 246

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

УДК 82-52

Михайлова М. В.

Образ человека-пастыря в произведениях митрополита Даниила

В статье рассмотрена концепция образа пастыря в произведениях публициста и богослова XVI века митрополита Даниила: его предназначение, цели его служения, качества, которые следует взращивать в себе истинному пастырю, взаимодействие пастыря и пасомых им людей.

The article investigates the conception of a pastor in the works of Metropolitan Daniel who was a publicist and theologian of the 16th century. Metropolitan Daniel dwells on such categories as the image of a pastor, he ponders on the calling of a pastor, the purposes of his service. The author also describes the qualities which a righteous pastor should cherish in himself. Besides Metropolitan Daniel touches upon the cooperation of a pastor and his flock.

Ключевые слова: образ пастыря; спасение человека; духовное наставление; паства; качества истинного пастыря; духовное исправление.

Key words: the image of a pastor; the salvation of a human being; spiritual instructions; the flock; the qualities of a righteous pastor; spiritual reformation.

Образ человека, представленный в русской литературе XVI века, весьма многогранен и интересен для изучения. Авторы этой эпохи задавались вопросами: для чего человек живет? Какие цели в жизни ему следует перед собой поставить? Как достичь этих целей? Как жить благочестиво и праведно и как взаимодействовать с окружающими людьми? Академик Д.С. Лихачев писал, что «человек всегда составляет центральный объект литературного творчества» [2, с. 3]. Рассматривая произведения одного из выдающихся авторов русской литературы XVI века митрополита Даниила, можно отметить, что в своих посланиях или, как называет их сам автор, наказаниях (подчеркивая, таким образом, их поучительный характер) митрополит Даниил много рассуждает о человеке-пастыре, его жизни, правильном поведении и благочестивом образе жизни. Пастырь, по мнению митрополита Даниила, помогает человеку в общении с Богом в этом мире, полном соблазнов, где происходит постоянная борьба добра со злом, где человеку на его пути духовного становления постоянно встречаются различные препятствия.

XVI век – это эпоха антропоцентризма, в этот период «доминирующей стала проблема личности, личного спасения путем обожения человека – восстановления его потерянной духовной природы» [3, с. 108] (Курсив

автора. – М.М.). Человек находится в центре внимания, он пребывает в процессе достижения спасения. И на данном этапе ему важна, а часто и необходима помощь духовного наставника, пастыря, который поможет человеку на этом нелегком пути, истинный пастырь способен как направить человека в нужное русло духовного развития, так и не дать сбиться с праведного пути человеку, уже на него вступившему. Именно поэтому митрополит Даниил уделяет столь пристальное внимание образу человека-пастыря в своих сочинениях, поскольку людям той эпохи требовалось наставление и духовная помощь в достижении ими высшей цели существования – спасения и вечной жизни в Боге.

Предписания, обращенные к человеку-пастырю, можно кратко суммировать следующим образом: человеку всегда необходимо соблюдать заповеди Божии, читать и соблюдать предписания святоотеческих преданий, человеку нужно каяться и стараться сохранять свою веру во всей чистоте и непорочности, проявлять любовь к Богу и своему ближнему, безграничную любовь ко всем, в том числе и к заблудшим, наставлять людей, часто посещать храмы Божии и искренне молиться и поститься, смирять себя и свою плоть. Истинный пастырь не может и не должен ненавидеть грешников и еретиков, митрополит Даниил уверен, что еретики способны обратиться к истинной вере посредством кротости и любви, поэтому пастырю необходимо молиться за них и обращать их к истине любовью, милостью. От пастыря митрополит Даниил требует постоянной бдительности и постоянного учительства. Самая важная добродетель пастыря и его прямая обязанность – это проповедь слова Божия, научение и наставление пасомых истинам веры и нравственности.

Одна из главных задач пастыря – научить людей «богоразумению, и благочестию, незлобию, и нелихоманию, и еже не насильствовати, и не грабити, и еже не лукавновати, и еже не клеветати, не завидети, и къ согрешившимъ кающимся простительну быти, не послушающимъ же съгрешающимъ запретити» [1, с. 4]. Пастырь должен заботиться о просвещении своих ближних истинами веры и нравственности. Здесь мы также можем видеть указание на то, что даже если человек много согрешил и пытается бороться с такими тяжелыми прегрешениями, как, например, клевета, лукавство, зависть, у него всегда есть выход – это покаяние, покаяние принимается Богом, таким образом, Бог всегда открыт человеку, и человек всегда имеет возможность к Богу приблизиться и спастись. Такие рассуждения также, на мой взгляд, позволяют судить об отношениях пастыря и людей, пастырь словно выступает посредником, связующим звеном между грешниками и Богом, давая последним необходимые наставления и, таким образом, возможность спастись. Грешники для пастыря – словно овцы, поэтому он в ответе за них и за их судьбу, не зря у митрополита Даниила мы также находим такие мысли о пастыре: «...убо истинии пастырие душа своя положиша о овцахъ, не предающе ихъ волкомъ в расхыщение» [1, с. 4]. Пастырь ни в коем случае не должен быть ленив, такой пастырь «ху-

дий», он «себе упасоша, и расшириша чрева своя брашны и пианствы, заблуждшихъ не възведоша, погибшихъ не взыскаша, прелщенныхъ не обратиша, съкрушенныхъ не врачеваша, недужныхъ не исцелиша, строптивым не въспретиша, безчинныхъ не въззустыша, и ни мало попекошася исцелити овца, но себе упасоша» [1, с. 4]. Это уже образ антипастыря, автор перечисляет все опасности, которые могут возникнуть для человека, доверившего свое душевное врачевание такому неблагочестивому пастырю. Тот пастырь, который заботится лишь о себе, который не пасет своих овец, который «вся дела пастырьская презреша, но точию на славу и честь, и на упокоение, еже ясти и пити сладостная, и драгая, и честнейшая, и на тщеславие, и презорство, и на въсприятие мзды уклонишася, душеполезнаго же учения и врачевания не сотвориша овцам» [1, с. 4], тот пастырь неблагочестив. Автор сокрушается, сколько человеческих душ погибло и продолжает погибать по вине неблагочестивых, небрежных и ленивых пастырей, заботящихся лишь о своем благополучии. Таким пастырям, пишет митрополит Даниил, «студь и срамъ великъ...не брегушимъ о пастве своей, и совестное мучение зело томительно» [1, с. 4]. Если пастырь недобросовестен, то он губит человеческую душу наравне со своей, такой пастырь «церковь Божию оставиша ратуему и обидиму» [1, с. 87].

Помимо всего этого, пастырь также должен понимать, что дело благочестивого наставника – одно из самых трудных дел, которыми только может заниматься человек. Потому пастырь должен быть готов к многообразным бедам, которые могут встретиться на его пути, ведь он «повсюду от всехъ беды и скорби приемлетъ» [1, с. 5]. Очень много соблазнов встречается на его пути, но истинный пастырь противостоит этим соблазнам и не поддается им. Чтобы показать человеку, каким не должен быть настоящий пастырь, митрополит Даниил неоднократно прибегает к антитезе, как уже было отмечено выше, в его наказаниях часто можно прочитать о качествах антипастырей, которые «надымаются, хапають, досажаютъ, ложнаа шепераниа сшивають, клеветы, студь, укоризны, и аще бы имъ возможно и умертвити, так обо сатана прелщають ихъ лукавствы своими» [1, с. 5]. Безусловно, истинный пастырь должен стремиться к тому, чтобы быть сильным духовно, это поможет ему противостоять козням дьявола: а также тем искушениям, которые постоянно встречаются на его пути.

Для пастыря важно также постоянно проверять себя, задавать себе те же вопросы, которые он задает ведомым и наставляемым им людям. Правильно ли живет сам пастырь? Соблюдает ли он заповеди Божии? Живет ли он по Священному Писанию? В противном случае могут последовать упреки и вопросы от людей, которых он наставляет, люди могут обратиться к своему пастырю: «А ты самъ по писанию ли житие храниши?...О, учитель нашъ, яко фарисей, тщеславится». Стало быть, пастырь должен быть «простъ, тихъ, кротокъ, смиренъ», чтобы он слышал о себе только такие речи: «сей человекъ простъ есть келейный, а не властелский, несть его

дело учити, и наказовати, и възъущати, и запрещати» [1, с. 5]. Таким образом, учитель (пастырь) не просто должен наставлять свою паству, но и сам являть образец благопристойного поведения, чтобы у людей не возникало вопросов и сомнений в своем наставнике. Ведь пастырь – такой же человек, как и все остальные его окружающие люди, он также окружен соблазнами и пороками, ему также приходится с ними бороться. «Сего ради подобает пастырю быти праведну да возможесть врачевати здравемъ учениемъ и лукавнующихъ обличати и уклонитися отъ всякаго неправеднаго гнева, такоже и отъ суда неправеднаго, якоже и отъ змиа и скорпеа бегати» [1, с. 41]. Подобает также «...ни празднословити же, ниже смехотворныхъ словесъ вещати, иже въдвижутъ страсти и въставляють нечистыя помыслы, любити беседу духовную...» [1, с. 55]. Помимо этого, автор также подчеркивает важность духовных книг в жизни пастыря, митрополит Даниил, порицая человека за грех стяжания, говорит о том, что книги собирать можно и даже нужно, что золото собирать бесполезно, но приобретать на него книги – это благое дело. Благим делом также не только для пастыря, но и для простого человека является раздача духовных книг нуждающимся в них. Золото бесполезно, а вот книги «много подавають имущимъ иъ пользу...нестяжателю не имети книги вельми зло есть» [1, с. 56]. Здесь автор ставит в пример таких Святых Отцов Церкви, как Илларион, Епифаний Кипрский, которые «святые иконы и книги с собой ношаше» [1, с. 57]. Если пастырь сам праведен, то и паству свою он способен уберечь от змия греховности и наставить на истинный путь.

Целью пастыря является приведение людей к такому состоянию, когда все земные блага станут им чужды, люди поймут истинную суть и значение их жизни в этом мире, и уже ничто не сможет их отвлечь от того пути, на который должен направить их пастырь. Пастырь, как пишет митрополит Даниил, наставляет род человеческий ко спасению. Для этого требуется «сокрушение сердечное, и нестяжание, и любовь, и смирение, и служение съ страданиемъ, не питание бо и пианство, и щапление, и прохлаждение сиа власть, но паче вящший подвигъ, и велиа теснота, и скорби, и попечение о всехъ, и терпение отъ всехъ съ благодарениемъ, и благаа мыслити о всехъ» [1, с. 6]. Помимо этого важны также кротость, тихость, простота в разуме. А опасности, которые могут сбить пастыря, да и любого человека с истинного пути, – это гордость, объедение, излишнее питье (пьянство), лень – наставляет митрополит Даниил людей во втором Наказании. В связи с этим он призывает людей последовать совету Иоанна Златоуста, стремиться к смирению и соблюдать пост, «не презримъ убо медоточныхъ сихъ наказаний, но потщимся въ смирении и простоте житие чисто показати» [1, с. 7]. Истинное искусство человека-пастыря – наставлять людей так, чтобы прелести и обманы тленного мира не соблазнили их. Автор задает риторический вопрос: «Почто упражняемъ въ суетныхъ и мимотекущихъ прелестнаго сиа жития? Доколе неправды и лукавство? Почто снедаемъ другъ друга? Въ кую ползу предалъ еси себе всего сатане?»

Насилуяй и грабя брата своего?» [1, с. 8]. Все это – неправда, лукавство, преступления – последствия того, что человек становится рабом прелестей этого мира. Не зря митрополит Даниил постоянно напоминает человеку, что в этом мире человек всего лишь гость, он тут находится временно, а потому на другие вещи стоит человеку обращать внимание, не поддаваться прелестям и соблазнам. В числе этих прелестей митрополит Даниил называет также «злато и сребро, и многа богатства, ...пиры» [1, с. 6]. Но все это, подчеркивает автор, траты человеческой жизни всуе, как бы «сладки и веселы» они не казались, как бы сердце «от сгнетающихъ его печалей и скорбей» [1, с. 6] их не желало. Ведь житие сие мимотекущее, временное, проходящее.

Отдельно стоит отметить и размышления митрополита Даниила о пастве, пасомых людях, об их поведении и целях, с которыми они приходят к пастырю. Не все во спасении и исправлении людей зависит только от пастыря (хотя он, безусловно, играет здесь главную роль), «пасомыхъ же дело есть еже повиноватися въ всемъ пастырю о Господе» [1, с. 11], ведь «горе же и темъ людемъ, иже не послушаютъ отецъ своихъ духовныхъ», ведь они сам Господь дарует им право и силы духовно властвовать над другими людьми [1, с. 87]. Пастырь и те люди, которых он наставляет, тесно связаны, пишет митрополит Даниил, ведь «аще кого свяжете на земли, будетъ связанъ на небесехъ, и слушаяй васъ Мене слушаетъ, а отменяяся насъ, Мене отменяется, и повинуйтеся, рече, пастыремъ вашимъ и покоряйтеся, ти ибо бдять о душахъ вашихъ яко слово въздати хотяще, да съ радостию се творять, а не въздыхающе, не полезно бо вамъ сие», – эту цитату в своем наказании митрополит Даниил приводит из Библии (Мф. 16:19). В попечении о своих пасомых пастырь также должен быть достаточно строг, но одновременно и справедлив. Обращаясь к пастырям, автор настоятельно рекомендует им: «Бесчинствующимъ не попускайте, но поучайте, и наказуйте, и милуйте ихъ съ тихостию, и кротостию и любовию, а не люто-стию, ни свирепствомъ и дважи и триши и множицею съ долготерпениемъ и пожданиемъ зло за зло не воздающе, но вся Господа Бога ради съ долготерпениемъ творяще и съ милостию <...> обличайте ихъ предо всеми съ Божию любовию и милостию, да убоявшеся и устраившеся уцеломудрятся и покаются» [1, с. 42]. Истинный пастырь, полагает автор, способен проявить эти качества одновременно, способен быть строгим и при этом сострадательным к людям, способен наказывать, не сердясь и не гневаясь на пасомых, способен, проявляя при этом кротость и долготерпение, воспитать эти качества в своей пастве. Настоящий пастырь, заботясь об «овцахъ» своих, способен «милостиву и страшну быти, смирену же и високу...добраго же и истиннаго пастыря дело есть, еже милосердовати объ овцахъ, и промышляти, и пещися ими, и соболезновати недужному овчати, якоже благии отцы къ детемъ присносушимъ да промышляеть, и посещаетъ кождо и подобное врачевание и промышление противу силъ преносить или телесно или душевно любовию или отеческимъ благоразу-

миемъ всехъ милуя, всехъ взыскуя, о всехъ промышляя, терпя всехъ, приемля всехъ, утешая всехъ, не завистно подая разумъ учения всемъ, недугующихъ укрепляя, малодушествующихъ утешая, скорбящихъ подобнымъ врачеваниемъ обвеселяя, согрешающихъ обращая, седьмдесятъ седмицею прощая по заповеди Господни, прощение бо грехемъ нашимъ въ прощении братьихъ нашихъ обретаемъ» [1, с. 43]. Обратив внимание на эту цитату, мы можем увидеть в ней, что митрополит Даниил сравнивает пастыря с отцом, может быть, в каком-то случае пастырь для людей словно Бог-Отец, направляющий их на путь истинный.

Таким образом, изучив размышления митрополита Даниила о человеке-пастыре и его пастве, можно сделать вывод, что служение пастыря – это добровольное земное служение во имя любви к Богу, пастырь – это слуга Божий. Пастырь всегда должен подавать пример своим пасомым, он ответственен за благополучие своего стада и за духовное воспитание пасомых им людей. Поскольку на пастыря возложены обязанности блюстителя, он должен иметь духовное влияние и авторитет, духовную зрелость, пастырю следует использовать всю свою духовную силу в непрестом деле наставления людей на путь истинный. А для этого пастырю необходимо беречь и воссоздавать в себе все, что позволяет оставаться пастырем человеком Божиим.

Список литературы

1. Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. – М.: Въ Университетской типографии (М. Катковъ), на Страстномъ бульваре, 1881.
2. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. – М.: Наука, 1970.
3. Ужанков А.Н. Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. – М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2011.

Интерпретация идей западноевропейской христологии в творчестве Н.С. Лескова 1870-х – 1890-х годов

В статье на материале «записных книжек» и художественных произведений Н.С. Лескова 1870 – 1890-х гг. определяется круг богословских исследований и проповедей, привлекавших внимание Н.С. Лескова. Различные формы обращения к работам Ф. Фаррара, Э. Навиля, Р. Голларда, Ф. Шафа в художественных произведениях и публицистике Лескова позволяют охарактеризовать позицию, которую занимал писатель в дискуссии о сущности идеала между протестантскими пасторами и Э. Ренаном.

The article on based of the "Notebooks" and of the fiction in the 1870-1890s defines a number of theological works and sermons that attracted N. Leskov's attention. Different forms of allusions to the works by F.W. Farrar, E. Naville, R. Gollard, Ph. Schaff in Leskov's fiction and journalism make it possible to determine the writer's position in the discussion about the essence of the ideal between the protestant pastors and J.E. Renan.

Ключевые слова: творчество Н.С. Лескова, христология, протестантизм, полемика, круг чтения, Ж.Э. Навиль, Ф.В. Фаррар, Р. Голлард, Ф. Шаф, Ж.Э. Ренан.

Key words: works by N.S. Leskov, Christology, Protestantism, polemics, range of reading, E. Naville, F.W. Farrar, R. Gollard, Ph. Schaff, J.E. Renan.

Определение и конкретизация круга чтения Н.С. Лескова – одна из нерешенных задач в лесковиане. Важнейшей причиной этого стало то, что богатейшая библиотека писателя была распродана после его смерти, и собрать удалось лишь небольшую ее часть. Большая часть сохранившихся книг находится в мемориальной библиотеке писателя в Объединенном государственном литературном музее И.С. Тургенева (ОГЛМТ) в г. Орле, отдельные издания – в РГАЛИ, ГЛМ, а также Рукописном отделе Пушкинского Дома. В работах Л. Афонова [1], В.В. Ефремовой [3], Е.А. Макаровой [12] была дана общая систематическая характеристика тех книг, которые сохранились в мемориальной библиотеке писателя в г. Орле. Однако у исследователя остается и еще один путь определения круга чтения – через выявление цитат, аллюзий, отсылок, реминисценций к разного рода изданиям в художественных произведениях и публицистике самого Н.С. Лескова. В данной статье мы попытаемся выявить работы богословов и проповедников в области христологии, которые привлекали внимание писателя, и показать, как их идеи отразились в художественных произведениях и публицистике Лескова.

Интерес Н.С. Лескова к проблемам христологии был обусловлен полемикой, развернувшейся в западноевропейской религиозной философии – между Эрнестом Ренаном, во многом опиравшимся на идеи тюрбингенской

богословской школы, и его противниками, самым известным из которых был Эдмон де Прессансе. Дискуссия эта нашла отражение в очерке «Великосветский раскол», где Эрнесту Ренану прямо противопоставлены взгляды четырех его современников: «Навиля, Голларда, Шафа и Фаррара». Необходимо отметить, что в тексте произведения данный перечень фамилий повторяется дважды. Так как «Великосветский раскол» после 1878 года не переиздавался и не комментировался, необходимо указать, кого имеет в виду Н.С. Лесков и выявить, какие идеи их объединяют.

Жюль Эрнест Навиль (1816 – 1909) – широко известный швейцарский протестантский богослов, проповедник, который считается одним из предшественников экуменизма. Его работы издавались в серии «Материализм, наука и христианство» [13; 14; 15; 16], а также печатались в журнале «Православное обозрение». В творчестве Н.С. Лескова отразились его взгляды на значение Евангелия для христиан, на христианские представления о добре и зле как нравственных категориях, о сущности христианской веры. Можно предположить также, что некоторые идеи Э. Навиля лежат в основе критики православной церкви, которая прослеживается и в произведениях Н.С. Лескова. Эпиграф, составленный из сборников Э. Навиля «Вечная жизнь» и «Вопрос о зле», был предпослан «Великосветскому расколу».

Под Голлардом следует понимать Рожера Оллара (Roger Hollard) (1801 – 1875), французского пастора. Основная его работа «Essai sur le Caractère de Jésus-Christ» [20], в которой он стремится опровергнуть распространённые теории о том, что Иисус Христос в действительности не существовал, что Его образ – лишь плод человеческой фантазии. Вторая цель исследования – выявить наиболее характерные черты личности Иисуса. Вот тот вывод, к которому Голлард пришел: «Obéir à Dieu et se donner aux hommes, c'est une seule et même chose, l'absolue piété est en même temps l'absolue charité. Dire que Jésus est le vrai Fils de Dieu, vivant parmi les hommes, et dire qu'il est, par son amour absolu, le sauveur de l'humanité, c'est rendre, en un pléonasmе sublime, tout le caractère de Jésus» [20, с. 154] (Повиноваться Богу и жить ради людей. – это одно и то же, совершенная набожность и в то же время совершенная любовь к людям. Сказать, что Иисус – истинный Сын Бога, живущий среди людей, и сказать, что Он, благодаря своей совершенной любви, Спаситель человечества, значит выразить через плеоназм всю полноту характера Иисуса (перевод наш. – О.М.).

Судя по всему, с исследованиями Голларда Лесков мог познакомиться во время своего второго заграничного путешествия, так как их переводы на русский язык нам неизвестны.

Филипп Шаф (1819 – 1893) – протестантский проповедник, получивший образование в Германии, представитель мерсерсбургского богословия, стремившегося к установлению межцерковных контактов и даже к возрождению межцерковного единства. Придерживался исторического

подхода в теологии, но критиковал церковь за оторванность от жизни, схоластический подход к преподаванию и т.п.

Фредерик Вильям Фаррар (1831 – 1903) – англиканский богослов, писатель, экзегет. Был проповедником при университетской церкви в Кембридже, затем капелланом при дворе королевы Виктории. Наиболее знаменитая его работа – «Жизнь Иисуса Христа», впервые переведенная на русский язык в 1876 г. [19]. Лесков мог быть знаком с этим исследованием и ранее, прочитав его на английском или французском языке (издано в 1874 г.). В мемориальной библиотеке Н.С. Лескова сохранились издания произведений Ф.В. Фаррара, но это более поздний перевод «Жизни Иисуса Христа» и других его сочинений. Выписки из некоторых изданий переводов Ф.В. Фаррара встречаются в записной книжке Н.С. Лескова 1893–1894 годов: «Обряд бракосочетания в 1 в. /65 г./ состоял в том, что мужчина и девушка обещались друг другу в верности у подножия креста /См. Фаррар. Онисим и Юния/ Поверье о «Упавшем образе» идет из Рима, со времен язычества: перед гибелью Нерона «Лары упали во время жертвоприношения» /Фаррар/» [8].

Полемикой с субъективным подходом Ренана обусловлено внимание всех четырех исследователей к Иисусу как исторической личности, Его земной биографии, Его чертах как Бога, ставшего Человеком. Критика взглядов Ренана может быть сведена к опровержению двух тезисов: утверждения о том, что Иисус Христос – порождение человеческой фантазии, религиозного сознания, Он не мог быть исторической личностью, и вытекающего из данного утверждения тезиса о том, что Новый Завет был создан не ранее II века н.э.

Одним их ключевых пунктов полемики был вопрос о сущности идеала и его роли в жизни человека. Уже в «Вечной жизни» явно прослеживается полемика с идеями Эрнеста Ренана: «Различие добра и зла замещается различием обыденного и возвышенного; изящный вкус заступает место совести. Новая религия столь широка и так терпелива, что она принимает все, и самый грех, если он окрашивается блестящим колоритом, – все, и самый порок, лишь под условием благовидности и возвышенности» [13, с. 146]. Если Ренан во главу угла ставит чувство идеала, то, по Навилю, идеал не может существовать вне нравственности и постоянной кропотливой работы человека над самим собой, как духовной, так и телесной. Иными словами, в основе идеала Ренана лежит эстетический критерий, в основе идеала Навиля – идеал нравственный. Отсюда вытекают и утверждения последнего о том, что «созерцание нравственного закона рождает чувство, подобное тому, какое внушает вид неба» [14, с. 169]. Если с работами Ж.Э. Навиля Н.С. Лесков познакомился раньше заграничного путешествия 1875 года, то можно предположить, что один из микросюжетов хроники «Захудалый род» связан с этой полемикой. Слушая игру Патрикеев Семенича на скрипке, Дон-Кихот Рогожин указывает ему, что своей игрой тот нарушает мировую идеальную гармонию, которую описывает с помощью образа

«несущихся в мировом пространстве» [11, VI, с. 52 – 53] планет. С тех пор Патрикей Семеныч все свое свободное время проводит в созерцании неба. Таким образом, Лесков дает характеристику нравственных принципов своего героя, соотнося их с метафорой, использованной швейцарским богословом.

В произведениях Н.С. Лескова 1870 – 1890-х годов Иисус Христос предстает прежде всего как историческая личность. Проявилось это и в «Великосветском расколе»: так, говоря о восприятии проповедей лорда Редстока его поклонниками, цитируя письмо Ю.Д. Засецкой («Он никогда не страшит мучениями во аде, но <...> заставляет всякого внутренне сознаться, какая в нас низкая неблагодарность – и тем шевелить благороднейшие чувства в сердцах слушателей» [9, с. 35], Лесков обращается к русскому духовенству с предложением взять эти слова «на заметку». При этом он ссылается на жизненный опыт самого Иисуса Христа: «уяснить это и употребить в пользу тех, которые, подобно двум первым ученикам Спасителя, тронулись с места и побрели за Ним на дом. Он обратился к ним и спросил: «что вам надобно?» (Иоанн.1, 38). Самый простой вопрос, которому надо подражать: надо узнать, что им надобно, и сделать для них то, что можно» [9, с. 62]. Очевидно, что данный отрывок, представляющий скрытую, завуалированную критику современной православной церкви, преданной закостенелой традиции и нечуткой к духу времени, представляет читателю еще и Иисуса с человеческой стороны, в сфере личностных отношений – как чуткого и внимательного к ближним.

Данный фрагмент можно рассматривать как своеобразную реминисценцию одного из эпизодов «Жизни Иисуса Христа» Фредерика Фаррара. Прочитав его: «Услышавши звук их робких шагов и обратившись назад, чтобы посмотреть на тех, которые приближались к Нему, Иисус кратко спросил их: что вам надобно? Но какая глубина мысли в вопросе Спасителя, как он необходим для всех, кто приходит к Господу! Один из известнейших учителей, Бернард, имел обычай постоянно спрашивать себя: «Бернард, зачем ты здесь?» Вопрос этот истекал прямо из этого спокойного и простого вопроса: «что вам надобно?» [19, с. 315]. В основе обоих фрагментов лежит интерпретация простоты и глубины заданного Иисусом вопроса. И Лесков, и Фаррар воспринимают его в одном контексте: вопрос «что вам надобно» ведет к постановке вопроса о назначении человека и смысле человеческой жизни. Мы не будем утверждать, что речь здесь идет о цитировании книги Фаррара, скорее, «Жизнь Иисуса Христа», прочитанная Лесковым, может быть воспринята как своеобразный «код чтения» данного фрагмента «Великосветского раскола».

Итак, первый пункт противопоставления Лесковым четырех западных проповедников лорду Редстоку связан с пониманием образа Иисуса и восприятием основ религии Нового Завета: «Пусть Навиль, Голлард, Шаф и Фаррар с их поражающей эрудицией и громадными талантами пишут что хотят о лице «Сына Марии»: пусть они стремятся одолеть обуревающие

человечество сомнения; пусть они трудятся сколько хотят объяснить совершенство Божие в совершенстве «человека печали», – плотника из Назарета, глядя на которого человек может вознестись духом к самому Отцу веков, – это все пустяки; а вот ты объяви, что ты «возлюбил, воспел и обрел», и вот это и есть самое важное для человечества. Allilouja, allilouija, et je vous fais mon compliment. Обрели нечто!» [9, с. 22]. В данной отрывке Иисус вновь предстает перед читателем как историческая личность: Он – сын Марии, плотник из Назарета. Лесков вводит в свой текст метафору Фаррара «человек печали», а обращение «Отец веков» характерно для работ Навиля. Однако важнее всего, что здесь Лесков определяет те задачи, которые решаются трудами этих пастырей и которые, соответственно, вызывают уважение Лескова. С одной стороны, в словах Лескова прослеживается довольно распространенное в те времена утверждение о том, что апологетика – одна из наименее развитых областей в православной теологии. С другой стороны, и это намного важнее для Лескова, Навиль, Голлард, Шаф и Фаррар стремятся противостоять кризису религии, развеять человеческие сомнения, порожденные стремительным развитием науки, все возрастающей популярностью позитивизма и деизма. В позиции Лескова определен вектор религиозного совершенствования: через изучение и познание Иисуса можно развеять сомнения, объяснить «совершенство Божие», что и станет нравственным доказательством и обоснованием религии. Таким образом проявляется еще одно противопоставление учения Редстока и протестантской апологетики: в основе стремления к Богу, нравственного возрождения, лежит не чувственно-эмоциональная составляющая, а деятельность разума и совести – «изучение» и «познание». Что же касается метафоры «Человек печали», то в трудах по христологии, прежде всего работах Ф. Фаррара, она получает двоякий смысл: «Иисуса Христа называют «Человеком печали». Но это выражение мне кажется до некоторой степени ошибочным. Выражения «печаль» и «радость» слишком условны, и мы можем быть уверены, что если Его и сокрушали печали, <...> то в этих печалях заключалась и бесконечная радость» [19, с. 138 – 139]. Чувства, которые испытывает истинный христианин при созерцании «человека печали», не могут быть тождественны только радости или только печали, они изначально противоречивы. Очевидно, что эта точка зрения также противостоит проповедуемому Редстоком экстазу, для обозначения которого Лесков находит удачное выражение – «религиозный *bon courage*».

В той концепции понимания жизни Иисуса Христа, которая обосновывалась Ф.В. Фарраром и которая легла в основу составленного им жизнеописания Иисуса Христа, можно выделить пять основных, ключевых положений:

1. Жизнь Иисуса Христа – это жизнь в бедности.
2. С наружной бедностью соединялась совершенная простота Иисуса Христа.

3. Жизнь Иисуса – жизнь трудовая.

4. Жизнь Иисуса была безболезненна, хотя Он исцелял множество больных.

5. Жизнь Иисуса была жизнь печальная, которая сопровождалась радостью чистой совести, души, далекой от преступления и греха, – радость существования, преданного служению Богу и любви к людям [9, с. 136 – 139].

В произведениях Н.С. Лескова образ самого Иисуса не появляется, однако, с нашей точки зрения, можно предполагать, что Н.С. Лесков разделял интерпретацию, предложенную Ф.В. Фарраром.

Одним из персонажей, которые выражают авторское понимание Христа, можно считать Зенона из повести «Гора» («Зенон-златокузнец»). В кульминационном разговоре с Нефорой Зенон объясняет свое понимание жизни и заветов Иисуса Христа, среди которых важнейшими категориями для него становятся «любовь, возвышающая душу и сердце», смирение, простота, милосердие, послушание. Одна из сохранившихся записных книжек Н.С. Лескова позволяет нам проследить работу писателя над этими строками повести. Основываясь, судя по всему, на словах Ф.В. Фаррара об Иисусе, которые предпочел жизнь обычного земледельца, нищего странствующего учителя: ««Он был богат, но ради нас потерпел нищету» [9, с. 135], – Лесков сначала выстраивает дихотомию между совершением чудес и бедностью: «И.Х. Я верю в него не потому, что он претворил воду в вино, но потому, что он предпочел остаться бедным, когда мог быть богатым. Он никогда не пользуется своею силою, чтобы отомстить обиду» [7, л. 3].

В повести «Гора» эта дихотомия сохраняется в словах Зенона. В понимании Христа герой выделяет две доминанты – добровольная бедность и любовь в христианском понимании: «Тот, кого я люблю, тот, кто мог быть знатен и предпочел быть нищим, мог уничтожить своих врагов, и вместо того молился за них, – он никого не разлучает, – он соединит нас и научит любви, возвышающей душу и сердце» [11, X, с. 75].

Очевидно, что ключевой становится идея милосердной любви, которая привела в конце 1880-х гг. и к формированию цикла «Праведники». До 1886 года в цикл входили четыре рассказа, которые публиковались под заглавием «Три праведника и один Шерамур», в окончательном виде цикл сложился только к 1889 году. Как и Фаррар, Лесков отрицает чудо как основу христианской веры, считая, что истинно верующий человек – тот, кто может поставить интересы и благо другого человека выше своих собственных эгоистических радостей. Подлинным же чудом Лесков считает чудо нравственного преобразования человека.

Определенные выводы о восприятии Лесковым образа Иисуса Христа можно сделать и на основе повести «На краю света». История отца Кирика, как и самого архиепископа Нила, должна рассматриваться с точки зрения жанрового подзаголовка, который был дан Лесковым, –

«рождественский рассказ». Как известно, канон и рождественского, и святочного рассказа предполагает, что изменение героя или мира, лежащее в основе фабулы произведения, должно отражать три ступени мироздания. Соответственно, хронотоп рассказа также имеет трехуровневую организацию [17]. Однако этой схеме соответствует лишь определенная часть рассказа – история гибели отца Кириака во время снежной вьюги, заставшей героев в сибирской «пустыне», и чудесного спасения и духовного прозрения архиепископа. Задремавшего в пути епископа, будит его «дикарь», управлявший собачьей упряжкой. Дважды упоминается епископом сопоставление бури с адом: «Я не знаю, может ли быть страшнее в аду...»; «кругом ад темный и кромешный». Очнувшийся от дремоты епископ не может открыть глаза, однако способ, который выбирает дикарь, имеет вполне четкие евангельские аллюзии:

« – Да что это, – я говорю, – не могу глаз открыть?

– Сейчас, бачка, откроешь.

И с этими словами – что бы вы думали? – взял да мне в глаза и плюнул и ну своим оленьим рукавом тереть.

<...> И точно, как он провел мне своим оленьим рукавом по лицу, мои смерзшиеся веки оттаяли и открылись» [11, I, с. 371]. Очевидная аллюзия, на которой строится этот отрывок – история об исцелении слепого Иисусом Христом, которая ранее упоминалась отцом Кириаком: «Христос, батюшка, сам уже на что велик чудотворец, а и то слепому жиду прежде поплевал на глаза, а потом открыл их; а эти ведь еще слепее жида» [11, I, с. 357]. Неоднократно отмечалось, что во всех историях о чудесном прозрении слепых в Евангелиях Иисус выбирает разные способы исцеления. К действиям дикаря ближе всего рассказ, приведенный в Евангелии от Иоанна (Иоан. 9:1,6,7). Возможно, смысл фрагмента может стать более ясным, если обратиться к «Жизни Иисуса Христа», написанной Фредериком Вильгельмом Фарраром. С точки зрения английского богослова, этот фрагмент позволяет увидеть в Иисусе Мессию потому, что доказывает, что Христос пришел на землю не для того, чтобы опровергать старый закон, но для того, чтобы помочь людям понять истинный дух веры. Именно поэтому он стремится показать окружающим человеческое начало, а не акцентировать внимание только на чудесных, божественных способностях (именно эта мысль о значении человеческого начала Христа была по-своему изложена отцом Кириаком). В исследовании Фаррара значительное внимание уделяется тому, что Иисус нарушил еврейский закон, совершив исцеление в субботу, в чем окружающие увидели его пренебрежение, неуважение к отеческому закону. Иисус же таким образом пытается показать человечеству иной идеал: «Новая жизнь, которая была следствием этого нового закона, во всех отношениях противоположна с той обычной требовательной мелочностью фарисейского формализма, который до того времени почитался высочайшим типом религиозности» [19, с. 115]. Также и архиепископу Нилу предстоит увидеть новый идеал, в основе которого бу-

дет лежать не мертвое, шаблонное представление о крещении, а подлинное понимание духа и обстоятельств народной веры.

В контексте рассказа важным оказывается и то, что это чудо было совершено Иисусом незадолго до вступления в Иерусалим, перед началом крестного пути – точно также действия дикаря, внешне столь напоминающие действия Иисуса (что не исключает их реалистичной подоплеки), совершаются им незадолго до «прозрения» епископа Нила. Если же сравнить действующих в лесковском и в евангельском сюжете героев, можно сделать вывод о том, что дикарь в тот момент намного ближе к истинному пониманию жизни, чем священник.

Вторая «ступень» духовного преображения героя связана с его многодневным пребыванием в снежной пустыне в одиночестве, где он был «брошен» дикарем. Формальным выражением этой ступени духовного преображения становится не только описание физических страданий Нила, причиной которых были голод и холод, но и невозможность привычно молиться: «Цепь мыслей моих порвалась, кувшин разбился, и колесо над колодезем обрушилось: ни мыслей, ни даже обращения к небу в самых привычных формах – нечего, негде и нечем стало почерпнуть» [11, I, с. 385]. Герой, являясь носителем церковного сана, на пороге смерти осознает, что совершенно чужд обрядовой стороне религии. В то же время он начинает молиться сердцем.

Следуя традиционной схеме рождественского рассказа, можно предположить, что в этот момент должно произойти нравственное преображение героя, который догматической обрядовости предпочел (пусть и бессознательно) побуждения собственного сердца. Смысл данного эпизода, в котором реализована мысль Лескова о том, что молитва – инстинктивное проявление человеческой сущности в экзистенциальной ситуации, близок по своей сути к идее Эрнеста Навиля, однако в художественной системе повести он получает законченную психологическую мотивировку.

В более поздних изданиях рассказа подзаголовок «рождественский рассказ» Лесковым был снят, а повесть не вошла в цикл «святочных рассказов». Причина этого изменения структуры, направленного на корректировку восприятия текста, в частности, может быть объяснена переработкой Лесковым идеи Ф. Фаррара о несовместимости идеальных представлений о нравственной стороне религии и стремления официальной церкви к контролю за всеми сторонами человеческого существования. Герой повести осознал, вслед за Кириаком, невозможность изменить ситуацию, и избрал для себя путь непротивления и послушания. Единственное, что оказалось возможным предпринять – постараться уменьшить вред от тех действий, которые он до поездки признавал необходимыми и о малочисленности которых сокрушался. Преображение мира, которое требовалось канонам рождественского рассказа, не совершилось и совершиться не могло. Единственным возможным чудом осталось чудо нравственного преображения героев.

Особого внимания в повести заслуживает образ дикаря, спасшего архиепископа во время снежной бури. В лесковиане делались попытки сопоставить его с типом «праведника» [5], а также указывалось на то, что образ дикаря наделен чертами Иисуса Христа: помимо уже указанной аллюзии на притчу об исцелении слепца, можно указать и на то, что впоследствии ему удалось «накормить страждущего», не побоявшись пожертвовать собой ради спасения другого [18, с. 4]. Подобное сопоставление Лесковым героя с Иисусом Христом не характерно в целом для «праведнического» цикла. В основе созданных писателем характеров скорее можно обнаружить отзвуки пророческого текста (пророческие способности видит в Однодуме Ланской; «за пророка» почел Пигмея осужденный француз и т. п.). Поэтому гораздо больше оснований назвать праведником отца Кириака, нежели дикаря. Образ же дикаря, с нашей точки зрения, напоминает образ Христа именно своими человеческими чертами. В то же время акцент на подлинной божественной природе Христа на русской иконе, сделанный Лесковым в начале повести, предостерегает читателя от этого сопоставления.

Наконец, образ Христа опосредованно присутствует и в рассказе «Христос в гостях у мужика». Предметом изображения становится чудо, явление же Христа представлено мистически. Основной конфликт рассказа строится на доказательстве идеи о необходимости прощения зла, а развитие сюжета мотивировано сложным и долгим нравственным путем героя. Е.В. Душечкина [2, с. 200 – 206], комментируя данный образ, соотносит его с образом перста Божьего, который указывает Свою волю. Однако можно понять этот образ несколько иначе. В мемориальной библиотеке Н.С. Лескова в г. Орле сохранился сборник «Изречения древности» Г.А. Златогорского, в котором писатель, в числе прочих, отмечает следующую цитату: «Долгие страдания подобны свече в руках человека, который ею освещает свое положение в отношении к Богу» [10]. Смысл этой цитаты развернут Лесковым в развитии сюжета: процесс освобождения Тимофея, который не мог простить зла, причиненного ему дядей, от «долгих страданий» совести, мотивируется волей Бога, указывающего решение проблемы. Отметим, что библейский сквозной образ светильника (светоча) символизирует свет души, устремленной к Богу. Несомненно, что в данном случае этот образ отсылает читателя и к указанной иконе – беседе Никодима. Поэтому «рука», в образе которой явился героям Бог, может включать еще и семантический компонент защиты: Иисус Христос, которого герой «ждет в гости», оберегает героя от того, чтобы прожить всю жизнь не простив обиды и умереть не раскаявшись.

Вопросы христологии, особенности восприятия и интерпретации образа Иисуса Христа, волновавшие писателя, несомненно, стали основанием сближения Н.С. Лескова с Л.Н. Толстым. В записной книжке Н.С. Лескова с выписками из «Пролога», помимо кратких конспектов более чем двух десятков проложных сюжетов, есть еще ряд записей, в том

числе и выдержки из писем Л.Н. Толстого, часть которых касается и отношения к Иисусу Христу. Несмотря на то, что ряд положений учения Льва Толстого вызывал у Н.С. Лескова неприятие, цитаты, приведенные в книжке с выписками из «Пролога», с нашей точки зрения, дают опосредованное, но достаточно ясное представление о позиции Н.С. Лескова. Общей для обоих писателей является мысль о деятельной любви, помощи ближним в противовес отвлеченным философствованиями, их «жизненное» и «метафизическое» понимание христианского учения, что нашло отражение в следующей записи Лескова: «По мере того, как ты понимаешь жизненное, т.е. истинное значение Христа, – вопросы метафизические все дальше и дальше уходят от нас. И когда вполне оно ясно, то совсем устраняется возможность всякого интереса и потому несогласия в метафизических вопросах.

Столько прямого, неотложного, ежеминутного дела для ученика Христа, что некогда этим заниматься. Как хороший работник наверное не знает всех подробностей жизни хозяина, а только ленивый работник чесал зубы на кухне и репу в голове, сколько детей у хозяина, и что все не пьет, и как одевается. И все разумеется переврав, не узнал и работы не сделал» [6, л. 56].

Таким образом, на восприятие образа Иисуса Христа Н.С. Лесковым повлияла одна из самых «громких» богословских дискуссий XIX века. В очерке «Великосветский раскол» писатель завуалировано дает свою оценку позиции Эрнеста Ренана и возражавших ему Ф.В. Фаррара, Ж.Э. Навиля, Р. Голларда и Ф. Шафа. Несомненно, что Лескову были ближе представления о нравственной, а не эстетической сути идеала, которые привели и протестантских богословов, и Лескова к мысли о необходимости следования этическому идеалу Нового Завета, основой которого является постоянное нравственное совершенствование. В рассказах, повестях и хрониках Н.С. Лескова идеи западноевропейских богословов, прививаемые на русскую почву, подвергаются художественной проверке, в результате которой Лесков создает новые жанровые формы, обращается к иным принципам характерологии, меняет жанровые мотивировки своих произведений и т. д. Таким образом, анализ «записных книжек» писателя не только позволяет уточнить литературную позицию писателя в 1870–1890-х годах, но и более основательно судить о причинах его сближения с Л.Н. Толстым, что может стать предметом отдельного исследования.

Список литературы

1. Афонин Л.Н. Книги из библиотеки Лескова в государственном музее И.С. Тургенева // Литературное наследство. – М.: Наука, 1977. – Т. 87. – С. 130 – 158.
2. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. – СПб., 1995.
3. Ефремова В.В. Н.С. Лесков и книга. – [Электронный ресурс]: http://www.nsleskov.ru/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=39&Itemid=31.

4. Заварзина Н.Ю. Оппозиция «свое» / «чужое» в рассказе Н.С. Лескова «На краю света» // Русская литература. – 2002. – № 5. – С. 174 – 185.
5. Коробкова А.А. Кто является главным героем в рассказе Н.С. Лескова «На краю света»? // Сравнительное и общее литературоведение. – М., 2008. – Вып. 2. – С. 105 – 114.
6. Лесков Н.С. Записная книжка с выписками из «Прологов» – 1880-е // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108.
7. Лесков Н.С. Записная книжка с выписками. – [1890] // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108а.
8. Лесков Н.С. Записная книжка с выписками. – 1893 – 1894 // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 109.
9. Лесков Н.С. Великосветский раскол. Гренвиль Вальдигрев лорд Редсток. Его жизнь учение и проповедь. – М., 1877.
10. <Лесков Н.С. Пометы на книге:> Изречения древности / сост. Г.А. Златогорский. – СПб.: издание Г. Дюнтца, 1884 // ОГЛМТ. Инв. 610/81 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 13.
11. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12 т. – М.: Правда, 1989.
12. Макарова Е.А. Круг чтения как отражение культурной интуиции писателя: (На материале библиотеки Н.С. Лескова) // Проблемы метода и жанра. – Томск, 1997. – Вып. 19. – С. 98 – 100.
13. Навиль Ж.Э. Вечная жизнь. – М., 1862.
14. Навиль Ж.Э. Вопрос о зле. – СПб., 1871.
15. Навиль Ж.Э. Небесный Отец. – СПб., 1868.
16. Навиль Ж.Э. Христос. Публичные чтения. – М., 1881.
17. Николаева С.Ю. Пасхальный текст в русской литературе. – М.; Ярославль, 2004.
18. Столярова И.В. Молитва Кирилла Туровского в художественной системе рассказа Н.С. Лескова «На краю света» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Петрозаводск, 2005. – Вып. 4. – С. 365 – 380.
19. Фаррар Ф.В. Жизнь Иисуса Христа. – М.: Тип. современных известий, 1876.
20. Hollard R. Essai sur le Caractère de Jésus-Christ. – Paris, 1866.

Генезис лирики Н.А. Павлович: рецепции А.А. Блока

В статье рассматриваются реминисценции лирики А.А. Блока в ранней поэзии Н.А. Павлович (сборники «Берег», «Золотые ворота»). Внимание уделено цитации образов и мотивов. Задействован биографический контекст, привлечены мемуары Н.А. Павлович. Утверждается идея о непосредственном влиянии А.А. Блока на становление начинающей поэтессы.

The article deals with the reminiscences of A.A. Blok's lyrics in early poetry of N. A. Pavlovich (collected verses "Bank", "Golden Gates"). The attention is paid to citing of images and motives. The biographic context is involved, N. A. Pavlovich's memoirs are attracted. The idea about direct influence of A.A. Blok on formation of the beginning poetess is approved.

Ключевые слова: Н.А. Павлович, А.А. Блок, лирика, реминисценции.

Key words: N.A. Pavlovich, A.A. Blok, lyrics, reminiscences.

Творческому наследию Надежды Александровны Павлович (1895–1980) до сих пор не уделялось должного внимания. Она была автором стихов (два сборника вышли в 1920-х годах, еще три – в 1960 – 1980-х), в 1930 – 1950-е годы занималась переводами и писала детские книги; создавала религиозную лирику и богословские труды, многие из которых не были напечатаны при ее жизни.

Павлович иногда называют «последней любовью» А.А. Блока. «Ее имя неоднократно встречается в дневниках и записных книжках Блока. Так, 12 августа 1920 года он записывает: “Вечером – Над. Ал. Павлович – милая и с хорошими стихами”» [3, с. 5]. Но отношения Блока и начинающей поэтессы были многогранней, чем простое сердечное увлечение. Мы видим и восхищение талантом, и желание научиться мастерству, и поиск единомышленника в лице известного поэта – со стороны Павлович, наставничество и внимание – со стороны Блока. В 1920-е годы Блок, безусловно, являлся главным учителем начинающей поэтессы. Влияние его лирики на творчество Павлович практически не изучено, хотя оно было очень сильно, особенно в стихотворениях 1920-х годов. Как заметил Л. Озеров: «Мы не погрешим против истины, если скажем, что Павлович – поэт блоковского круга. <...> Близость к блоковской поэтике, к его основным принципам ощущается не только в начальных книгах (“Берег”, 1922; “Золотые ворота”, 1923). Она пронесла их сквозь жизнь, “сквозь долгие года”, как сама говорит об этом» [3, с. 5].

Впервые Надежда прочитала стихотворения известного поэта в 1914 году в возрасте восемнадцати лет, уже имея первые стихотворные

публикации. Сама поэтесса так вспоминает об этом: «Вот они, те самые звуки, что снились мне с детства, те, что я хочу и не умею передать!... Его стихи помогли мне осознать самое себя, помогли понять, что такое поэзия, и помогли мне жить» [4, с. 449]. Личное знакомство состоялось в Москве в мае 1920 года, а спустя несколько месяцев Павлович приехала в Петроград с поручением от Союза поэтов. Во время посещения Блока поэтесса представила на его суд свои стихи. Согласно «Воспоминаниям», Блок сказал ей: «Здесь есть и подражание мне, но я вижу большее. Это идет действительно из одного источника. Подражание пройдет, а это останется» [4, с. 460].

Рецепции Блока в творчестве Павлович 20-х годов определяются большим количеством реминисценций. Реминисценция (от лат. *reminiscentia* – воспоминание) – «намеренное или невольное воспроизведение поэтом знакомой фразовой или образной конструкции из другого художественного произведения» [2, с. 239]. Реминисценция может быть сознательным поэтическим приемом: заимствованные элементы, намекающие на творчество другого автора, вызывают у читателя сложные ассоциации, обогащая восприятие произведения. «Сопоставление оригинальных и реминисцированных выражений дает любопытную картину влияния одних поэтов на других» [2, с. 239]. Так, лирический герой Блока говорит о себе как об опытном мореплавателе, матросе:

Моя душа проста. <...>

И в ней – все те же знаки,

Что на моем обветренном лице [1, II, с. 213].

Поэт подчеркивает совпадение внешнего облика и состояния души; сравнение с матросом сближает его образ с образом человека из народа, сильным и страстным. По свидетельству современников, Блок в последние годы жизни внешне чем-то напоминал матроса. Вспоминая о лекции поэта в Москве в мае 1920 года, Павлович приводит такой факт: «Надежда Григорьевна Чулкова, старая знакомая Блока, рассказывала мне, что перед самым началом вечера она встретила его, одиноко бродившего вдоль стен Политехнического музея и глядевшего на всю эту московскую сутолоку. Ее поразили его обветренное, загорелое лицо и красная шея. Он огрубел, постарел, глаза тусклые, на лице морщины – чем-то напоминал матроса, вернувшегося из дальнего плавания» [4, с. 452]. В словах Чулковой сквозило неодобрение такого «упрощения» поэта.

Павлович безоговорочно принимает представление Блока о себе самом, акцентируя внешнее сходство поэта с матросом: «Обветренный и загорелый, как матрос...» [5, с. 25]. Ей, увлеченной идеей всеобщего равенства людей, импонирует такой образ: «<...> Было в нем что-то и удалое, и отчаянное, и непосредственно народное... Была в нем необыкновенная тайная простота, о которой не подозревал литературный мир» [4, с. 494]. Вторая строка стихотворения противопоставлена первой, потому что, несмотря на необычность внешнего облика, не соответствующего ин-

теллигенту-поэту, голос его близок и созвучен ее душе: «Но голос близок мне...». Образ героя гармонирует с пейзажем города-порта, Петербурга, согретого июльским солнцем. «Сам Блок почти по-детски любил все связанное с морем. <...> У него был альбом, куда он наклеивал различные картинки, снимки, заметки. Больше всего там было кораблей» [4, с. 480]. Другой образ стихотворения, образ зари, прямо перекликается с ранней лирикой поэта, ожидавшего схождения Прекрасной Девы, или позднее Дамы, одним из символов появления которой была заря. Так и героиня Павлович, вдохновленная беседой с любимым поэтом, учителем, кажется, по-новому смотрит на мир.

В стихотворении Павлович «И опять поют соловьи...» присутствует образная перекличка с поэмой Блока «Соловьиный сад»:

И опять поют соловьи...

(Соловьиный твой смертный сад!) [6, с. 40].

У Павлович, как и у Блока, соловьиное пение ассоциируется с безмятежностью и любовью. Как герой Блока, оказавшись в соловьином саду, забывает о мятежном мире и наслаждается близостью любимой, так и героиня Павлович, придя на могилу умершего учителя и услышав пение соловьев, переносится мыслью в те времена, когда он был жив. Могила учителя для героини, как и соловьиный сад для героя Блока, – место, где торжествует любовь и покой. Это позволяет поэтессе выразить свои чувства к Блоку и свидетельствовать о восстановлении душевного равновесия, нарушенного его смертью.

Реминисценция может представлять собой переосмысление заимствованных образов. Таков, например, образ Азраила, в мусульманстве и иудаизме – архангела смерти, провожающего человека на тот свет. В стихотворении Блока «Милый друг, и в этом тихом доме...» герой боится его:

Бьет в меня светящими очами

Ангел бури – Азраил! [1, IV, с. 193].

Павлович также обращается к образу Азраила, продолжая тему прихода ангела. В обоих стихотворениях ангел светится и трепещет крыльями. Но в стихотворении Павлович Азраил не внушает страха, наоборот, его приход желанен, смерть от его руки будет радостной:

Ширит взмахи черных крыл –

Чашу радости янтарной

Подымает Азраил [6, с. 24].

Исчезает здесь образ подруги героя, который в стихотворении Блока демонстрирует привязанность к земному миру с его удовольствиями, исчезает мотив возмездия. Так Павлович приближает понимание смерти к каноническому православному как радостного – для праведно живущих – перехода в другой мир.

Реминисценция заметна в строках из стихотворения Павлович «Недобрая ночь с недоброй тоской...», перекликающегося со стихотворением Блока «Хожу по камню старых плит...»:

А город грохотал, шутя

Над святостью твоею, инок (14.04.1900) [1, IV, с. 20].

Павлович вспоминает о последних месяцах жизни Блока: «Меня поражало внутреннее одиночество Блока в тогдашней литературной среде. С подавляющим большинством петроградских поэтов у него не было не только дружбы, но даже близкого знакомства и приятельства, как в прежние годы...» [4, с. 477]. После выхода в свет поэмы «Двенадцать» многие отвернулись от Блока и упрекали его, когда поэт негативно отзывался о текущих событиях. «Он видел все трудности и все недостатки нового строя. Но он не знал ни обывательского страха, ни злорадства, ни брюзжания. Он умел прямо смотреть в лицо революции и радовался ее грозному и прекрасному полету» [4, с. 496]. «Отголоски этого протеста есть в речи Блока на Пушкинском вечере “О назначении поэта” и в его гневном обращении к чиновникам от культуры. Злободневность его речи почувствовали участники этого вечера в Доме литераторов, и многие начали злорадствовать. <...> Один из них позволил себе в передней, когда Блок уходил, спросить его не без ехидства: “А как же с “Двенадцатью”?” И Блок ответил ему, что он ни от чего не отрекается и ничего не меняет в своем отношении к революции» [4, с. 488].

Мотив непонимания современниками чистоты поэта, противопоставление снежной метели, символизирующей общественное волнение, и тихости слова поэта сближает стихотворения Блока и Павлович:

И черным комком у церковных плит

Лежишь ты, жизнью и Богом забыт.

Твоя чистота никому не нужна,

И песня твоя никому не слышна... [5, с. 35].

Видимо, Павлович, думает о сбывшемся предсказании Блока, предчувствовавшего, что наступят такие времена, когда мало кто сможет оценить его мысли и чувства, часто обращавшегося в ранней лирике к образу инока, близкого душе романтика-поэта. Также можно заметить традиционное романтическое противопоставление одухотворенного поэта и «толпы», лишенной возвышенных устремлений.

Мотив сновидения, в котором герой получает известие о смертельной опасности для любимого человека и спешит ему на помощь, есть в стихотворении Блока «Всю ночь дышала злобой вьюга...» и Павлович «Мне снилось, ты гибнешь в смертельном бою...». Герой Блока летит к гибнущей подруге:

Моя желанная подруга,

Я чуял, гибла в эту ночь

<...>

Я полетел на крыльях Рока... (22.02.1899) [1, IV, с. 72].

Героиня Павлович стоит рядом с другом на поле сражения, сочувствует ему. Надежда Александровна вспоминает историю создания этого стихотворения: «Если в эти месяцы Блок и заговаривал о своей “кончености” как поэта и о близости смерти, то все же много еще было в нем внутреннего сопротивления надвигающейся болезни и депрессии. <...> 25 августа я прочла ему и его матери стихи: “Мне снилось, ты гибнешь в смертельном бою...” Мать не поняла, кому они посвящены, опросила меня, но я уклонилась от ответа. Когда я уходила, он все стоял у открытой двери, провожая и следя за мной. Я спустилась до первой площадки. Тогда он спросил: “Кому вы написали эти стихи?” Я ответила: “Вам”. Он наклонил голову: “Это правда”» [4, с. 483].

Мне снилось, ты гибнешь в смертельном бою,
Ты с каждой зарею бледней;
Я в поле пустынном березой стою,
Вся в шепоте смутном ветвей;
<...>

Я знаю, что насмерть ты бьешься вдали,
Что насмерть я в поле горю [5, с. 29].

Мы видим обращение к характерному для Блока мотиву боя, но речь идет не о сражении за свободу родины, как в цикле стихотворений о Куликовской битве, а о сражении героя за собственную жизнь и независимость. Это связано с событиями последнего года поэта, отстраненного от активной работы и общения с коллегами из разных социальных слоев общества, испытывавшего нервное расстройство и разнообразные лишения. В стихотворении звучит мотив верности возлюбленной сражающемуся герою, сочувствия ему, имеющий фольклорную, балладную, основу.

Мотив уподобления героя растению, передача своих чувств через растительные образы есть в стихотворениях обоих поэтов. Герой Блока в стихотворении «Я молод, и свеж, и влюблен» подобен клену, дрожащему листьями в ожидании появления возлюбленной:

Зеленею, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе.
Теплый ветер пройдет по листьям –
Задрожат от молитвы стволы,
На лице, обращенном к звездам, –
Ароматные слезы хвалы. (31.07.1902) [1, I, с. 114 – 115].

Героиня стихотворения Блока «Мой любимый, мой князь, мой жених...» уподобляется цветущей повилке:

Повиликой средь нив золотых
Завилась я на том берегу.
Я ловлю твои сны на лету
Бледно-белым прозрачным цветком.
Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конем.

<...>

Пред тобой – как цветок – я нежна.

(26.03.1904. Великая пятница) [1, I, с. 172].

Героиня стихотворения Павлович «Мне снилось, ты гибнешь в смертельном бою...» подобна березе, волнующейся в поле, где сражается на смерть возлюбленный:

Я в поле пустынном березой стою,

Вся в шепоте смутном ветвей;

<...>

Над камнем горячим мой ствол просиял,

<...>

Лишь в листьях моих загорались огни

Над трудной судьбою твоей [5, с. 29].

Павлович вслед за Блоком использует прием олицетворения растений, восходящий к фольклорной традиции. Стихотворение Блока стоит ближе к фольклорным свадебным песням, стихотворение Павлович – к жанру баллады.

Нарастание тревоги за свое поколение, творчество, свою жизнь, упоминание о стрельбе на улицах, размышление о грядущих событиях объединяет одно из последних стихотворений Блока «Пушкинскому дому» и стихотворения Павлович «У памятника Гоголю» и «Вячеславу Иванову». В стихотворении Блока отражено романтическое восприятие революционных событий 1917 года.

Но не эти дни мы звали,

А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих

Кратковременный обман,

Прозревали дней грядущих

Сине-розовый туман.

В стихотворении Павлович отражено разочарование в усиливающейся агрессии нового миропорядка в стране:

Все сумрачней, все безлюбовней

<...>

На ведовской твоей жаровне

Мы, души мертвые, горим [5, с. 15].

Обстрелянный революционерами осенью 1917 года Кремль, последний оплот вооруженного сопротивления в Москве, воспринимается поэтессой как страдалец:

Как рвется ввысь Кремля израненного грудь,

Как все заволкло багрово-синим дымом [5, с. 17].

Объединяет стихотворения мотив обращения к классикам литературы, признание их участия в судьбах поэтов и их поколения. Блок считает себя

последователем Пушкина – певца свободы. «Пушкин был священной и великой любовью Блока» [4, с. 484]. Поэт сожалел, что не сможет, подобно Пушкину, осознать и поэтически оформить новый подход к искусству, обусловленный сменой исторической эпохи. «У Пушкина и Лермонтова была твердая культурная почва, успевшая отстояться после петровской эпохи. А у нас всю жизнь под ногами кипела огненная лава революции, все кругом колебалось, содрогалось, пока не рухнуло» [4, с. 484]. «В другой раз он взял свой первый том и бесстрастным, глухим голосом прочел стихотворение “Поле за Петербургом”. Когда мы воздвигали зданье,/ Его паденье снилось нам, — и закрыл книгу: “Так все и вышло. А казалось, что хватит сил на постройку большого здания. Только тогда, когда быт снова оплотнеет и образуются новые глубокие корни, сможет возникнуть новая, великая литература и новое искусство”» [4, с. 485].

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда? [1, V, с. 97].

Павлович обращается к Гоголю, создавшему образ птицы-тройки, олицетворяющей Россию, мчащуюся в неизведанную даль:

<...> мой черный Гоголь!
<...>
Смеялся ты и плакал много ль,
Российский измеряя путь?

Какой мечтою сердце мучишь,
В какой дали ты видишь сон,
<...>
Следишь ты нашей жизни дым [5, с. 15].

Духовную деградацию народа, «одичание» нравов, приход к власти наименее культурных слоев общества предвидит Блок в стихотворении «Скифы»:

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей! [1, V, с. 79].

Павлович «вторит» учителю в стихотворении, посвященном М.К. Неслуховской:

Как будто вновь волками мы зарыщем
В родных полях...

<...>

Здесь городу не быть и мордою звериной
Болото финское оскалилось, глядит.

<...>

И волчий вой, дремучий долгий вой
Над развороченной раздастся мостовой [5, с. 20].

Павлович рисует картину деградации, изображая детали, что позволяет представить себе пейзаж разрушенного города.

Герой стихотворения Блока «Тебе, Тебе, с иного света» считает заслугой возлюбленной то, что она увела его из мрака и духовно бедной жизни:

Ты просияла мне из ночи,
Из бедной жизни увела... (14.08 – 01.09.1902) [1, IV, с. 165].

Героиня Павлович благодарна любимому за творческое наставничество и вдохновение. Поэтесса так вспоминает день первой беседы с Блоком в Петрограде: «Тогда был солнечный июньский день. За окнами синела Пряжка. <...> Теперь же я вдруг осознала на одно мгновение, с необыкновенной силой, что то немислимое, о чем я мечтала годы, совершилось, что вот я сижу в этом кабинете, что передо мной Блок, что он принял к сердцу мои стихи, что он сам сказал мне о глубокой родственности наших стихов. <...> Когда я вышла в белую петроградскую ночь, почти никто не встретился мне. Только изредка попадались патрули, издали звякало оружие. Белые, как будто мертвые, корабли отражались в Неве» [4, с. 460]. Тогда родились эти стихи:

Как зов нестерпимый, и ласка,
и холод, и вызов,
Знакомых стихов твоих хлынули в душу слова...
И белый, уснувший корабль в белой мертвой
ночи Петрограда
Без дыма, без шума матросов на крепких
цепях якорей,
И крылья звенят, или крыльев мне больше не надо
На этой летящей заре!... [5, с. 26].

Стихотворение, написанное в жанре городского романа, в отличие от стихотворения Блока, менее иносказательно, однако, не лишено традиционной символики. Лирический адресат у Павлович приобретает конкретные биографические черты, результат свидания с любимым – творческое вдохновение и ощущение счастья.

Таким образом, в лирике Павлович 1920-х годов можно проследить реминисценции, напоминающие о тесной связи ее творчества с творчеством Блока. Влияние Блока на поэтику Павлович так велико, что должно стать темой дальнейшего специального исследования.

Список литературы

1. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. – М.: Наука, 1997.
2. Квятковский А.П. Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. – М.: Сов. энцикл., 1966.
3. Озеров Л. Книга – судьба // Павлович Н.А. Сквозь долгие года... Избранные стихи. – М.: Худож. лит., 1977. – С. 3 – 12.
4. Павлович Н.А. Воспоминания об Александре Блоке / вступ. заметка З.Г. Минц, коммент. З.Г. Минц и И.А. Чернова // Блоковский сборник. – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1964. – С. 446 – 506.
5. Павлович Н.А. Берег: [стихи]. – Пб.: Неопалимая купина, 1922.
6. Павлович Н.А. Золотые ворота (стихи 1921 – 22 гг.). – М.: Костры, 1923.

Особенности анализа прозаических микроциклов (на примере микроцикла А. Веселого «Домыслы»)

В статье рассматриваются трехкомпонентные прозаические микроциклы со структурно-семантической точки зрения. Впервые на материале произведения А. Веселого исследуется художественный потенциал микроциклов. На примере анализа репрезентативного образца представлены механизмы взаимоотношения компонентов внутри художественного целого.

The article is considered three-component prose microcycles in the context of structural and semantic point of view. For the first time on the stuff of novels by A. Veseliy we are studied artistic potential of microcycles. On the example of interpretation of a representative we are present the mechanisms of mutual relation the components inside artistic unite.

Ключевые слова: микроцикл, наджанровое единство, трехкомпонентный микроцикл, циклообразующие связи, монтажная композиция.

Key words: microcycle, undergender unit, three-component microcycle, cyclization connections, cutting composition.

Авторский прозаический цикл и микроцикл как частное явление тенденции циклизации представляют собой относительно поздние эпические формы. В работах современных исследователей цикл определяется как «самостоятельное художественное целое» [2, с. 6], «жанровое образование» [17, с. 28], «целостное авторское высказывание» [1], «сверхжанровое единство» [7, с. 8], «новый жанр» [13, с. 90], «многокомпонентное циклическое единство» [8, с. 170], «сверхстиховое единство» [10, с. 258], как «авторский контекст», в котором единство произведений «обусловлено уже авторским замыслом», а отношения между компонентами и циклом как единством «можно в этом случае рассматривать как отношения между элементом и системой» [16]. Трудность в определении жанровой природы циклических образований, в том числе как «нового жанра» [13, с. 90], во многом обусловлена тем, что подобного рода единства не имеют каких-либо устойчивых постоянных признаков, позволяющих соотнести их с одним из уже известных нам жанров. В своей работе мы опираемся на характеристику жанровой модели, предложенную Н.Л. Лейдерманом [11].

«Художественное единство циклической формы в читательском восприятии обычно возникает на границах отдельных составляющих эту форму произведений, поэтому жанрообразующие факторы цикла всегда «крупнее» жанрообразующих факторов отдельных произведений» [3, с. 486]. В связи с этим мы считаем вполне допустимым использовать в качестве определения цикла и микроцикла формулировку «наджанровое

единство» либо «сверхжанровое единство», в полной мере позволяющую отразить идею большинства современных исследователей (М.Н. Дарвина, И.В. Фоменко, О.Г. Егоровой, Ю.Б. Орлицкого и др.) о том, что жанрообразующие факторы всего цикла следует рассматривать как сверхфакторы относительно жанрообразующих факторов входящих в него произведений. «Очевидно, циклическая форма, являясь по существу объединением художественных произведений, тяготеет к большим жанровым формам и в принципе допускает возникновение различных жанровых начал, скажем, «поэзного» или «романного», не достигая, в конечном счете, «чистоты» какого-то одного из этих жанров. Художественный цикл следует считать не столько жанром, сколько сверхжанровым единством или такой художественной системой, в которой составляющие ее элементы (отдельные произведения), сохраняя целостность, могут давать различный и непредсказуемый, с точки зрения одного жанра, художественный эффект» [3, с. 484].

Термин «микроцикл» был введен в литературоведческий оборот М.Н. Дарвиным для обозначения одного из видов лирического контекста: «В интересующем нас аспекте художественной циклизации в лирике возникает как бы своя самопорождающая и разрастающаяся цепочка контекстов: слово – стих – строфа – стихотворение – микроцикл (стихотворная «диалогия» или «трилогия») – цикл (стихотворный раздел) – книга стихов (стихотворный сборник). Устанавливаемые границы контекстов (от слова до книги стихов), обладающих разной степенью связанности, открытости-закрытости, создают удобное поле для наблюдения за процессами собственно художественной циклизации литературных произведений в лирике» [16, с. 117 – 118].

Л.С. Яницкий в своем исследовании, непосредственно посвященном вопросам архаических структур в лирической поэзии XX века [22], в качестве одной из проблем, интересных для рассмотрения, выделяет микроциклы, межкомпонентные связи в которых носят несколько иной характер, по сравнению с циклами большего размера, объясняя это, в частности, тем, что чем меньше компонентов в цикле, тем теснее в нем будут проявляться межтекстовые связи. Опираясь на данное исследование, можно сказать, что «микроциклы более закрыты и самодостаточны, то есть центростремительные силы в них преобладают над центробежными» [22, с. 121].

Исходя из существующих подходов, можно квалифицировать микроцикл как наджанровое единство, «закрытую» структуру, обладающую композиционной формой особого типа, основанную на монтажном принципе построения материала и состоящую из двух или трех относительно самостоятельных произведений, в которой фактически не реализуется иерархия «ключевой» / «периферийный» текст. В отличие от обычных прозаических текстов части объединяются на основе радиальных связей. Это принципиально отличает микроциклы от других явлений циклизации, что и определяет необходимость изучения и описания системы устойчивых

свойств и принципов образования микроцикла как особого типа текстопостроения, а также разработки механизмов анализа единств подобного типа.

«Архитектоничные микроциклы (микроансамбли)» [17, с. 28] текстов представляют собой двухкомпонентные или трехкомпонентные единства, которые, безусловно, следует отличать от прочих циклических образований. В результате контекстного объединения возникают двухчастные и трехчастные композиции, основанные на монтажном принципе построения материала. Компоненты микроциклов являются структурно законченными текстами, но вне строго заданного контекста компонент микроцикла воспринимается «неполноценно», обретая свою «законченность» лишь в комбинации, устойчивых контекстуальных связях со смежным, композиционно сопряженным с ним, текстом.

Отличие микроцикла от других жанровых форм определил М. Павич в предисловии к своему сборнику: «На вопрос, поставленный в одном из этих рассказов, можно получить ответ в другом, а прочитанные вместе, они образуют третий рассказ» [12, с. 176]. Микроцикл невозможно свести только к составляющим его текстам, так как его сложный смысл может родиться только при объединении рассказов. Микроциклическое единство обладает собственной строго определенной композицией, что фиксирует порядок следования его частей: перестановка или устранение каждого текста деструктивны, так как если и не разрушат микроцикл, то радикальным образом изменят его как художественную целостность. Количество текстов в микроцикле – не более трех, так как превышение «критической точки» их числа разрушает структуру микроцикла и превращает его в цикл.

Универсальные циклообразующие связи, характерные для любого художественного единства и являющиеся его неотъемлемой частью, – заглавие и композиция. Они уже изначально заданы самим автором и определяют первый уровень целостности цикла. Все остальные циклообразующие связи (общность ряда системных элементов; ритм образов и мотивов внутри микроцикла; доминирование в микроциклах лейтмотивов и лейтмотивных образов; особенности функционирования пространства и времени; образ автора; строгая регламентированность рассказов и их порядкового расположения и т.д.) могут возникать на любом уровне структуры независимо от того, запланированы ли они самим автором или же возникают в читательском восприятии в процессе знакомства с произведением. При этом ни одна из циклообразующих связей, как бы важна она ни была, не определяет характера каждого данного единства. Микроцикл – это художественное единство, смыслы которого порождаются системой взаимодействующих связей.

Текстологическое исследование микроциклов привело к необходимости разработки концепции анализа двух- и трехкомпонентных единств. Продуктивным для нашего исследования представляется метод анализа циклических единств, который применяют в своих работах ведущие исследователи-цикловеды (Дарвин М.Н., Фоменко И.В., Афонина Е.Ю., Егоро-

ва О.Г., Сапогов В.А., Ляпина Л. Е.). Предложенная ими методология анализа помещает цикл в центр исследовательского внимания не как наджанровое образование, а как особого рода целостность, «текст текстов». И.В. Фоменко в специальной работе, посвященной анализу лирического цикла, предлагает, с нашей точки зрения, наиболее оптимальный алгоритм рассмотрения циклического единства, который начинается с выявления смысла заглавия всего цикла и конкретных произведений, входящих в него. И. В. Фоменко формулирует задачу исследователя следующим образом – «... понять семантику заголовка, соотнося его с самим циклом» [18, с. 175]. На основании анализа первого уровня заголовочно-финального комплекса делаются выводы о структурно-семантических связях, изучается хронотоп цикла. По мысли автора, подобный анализ позволяет «не только увидеть ... целостность, но установить определенную систему отношений между ее элементами» [18, с. 175].

Рассмотрение тематики и проблематики цикла – следующий уровень анализа циклического целого, согласно алгоритму, предлагаемому И.В. Фоменко. Реализация темы и проблемы рассматривается в рамках каждого произведения, входящего в цикл, что позволяет углубить толкование каждого компонента. Исследователь отмечает, что помочь в уточнении темы и проблематики могут лейтобразы и лейтмотивы, а также опорные слова, которые «материализуют» темы на лексическом уровне. На основании целостного анализа делаются выводы о специфике функционирования цикла.

Репрезентативными образцами, демонстрирующими продуктивность предложенного подхода, являются двух- и трехкомпонентные единства с различными типами связи между текстами. Пример анализа трехкомпонентного микроцикла А. Веселого «Домыслы» позволяет выделить характерные черты единств данного типа, их структурно-семантические особенности.

Заглавие микроцикла «Домыслы» указывает не только на множественность эпизодов, но и на способ организации материала, субъективную окрашенность входящих в него компонентов. Номинация «Домыслы» формирует установку на выражение мыслей и рассуждений автора на различные темы. Внутренние заглавия «Тюрьма», «Сова», «Сад» маркируют проблемное пространство рассказов, символически, ассоциативно выражая объект изображения: «тюрьма» – мировой капитализм; «сова» – человек, который продолжает притворяться, что любит, хотя его супруг (супруга) уже давно опротивел ему (в основу ассоциирования этих двух образов положено определение совы, как хищницы, слепой днем, ведущей ночной образ жизни («Мужья питаются падалью...» [4, с. 125]); «сад» – райское место, где человек обретает покой, где жизнь строится по законам природы. Не случайно в заглавие автор помещает общекультурный символ, который несет в себе образ гармонии, один из образов рая, отмеченный также и в фольклоре как «источник чудесных плодов», связанный с «сим-

воликой плодородия, изобилия и бессмертия» [14, с. 372]. В рассказах «Тюрьма» и «Сова» автор вовлекает читателя в своеобразную языковую игру, обозначая в первом предложении тему и проблемное пространство рассказа: «Тюрьма...» («Тюрьма»); «Любовная гимнастика» («Сова»), а затем предлагая читателю обширный ассоциативный ряд. При этом ассоциирование строится в форме ответов на вопрос: где? («Тюрьма»: где глаза людей выжжены печалью, где во тьме тоски ревущей сердца каменеют, где железо властвует над человеком [4, с. 121]), когда? («Сова»: Любовная гимнастика. Палка и барабан

когда оба опротивели друг другу, но продолжают вести нечистую игру
когда нет бреда и ненасытного сплеска
когда все тайное стало явным и запретное законным
когда шуточка не шутится и раздражение неотступно следует за ними [4, с. 125]).

Ассоциативные ряды в «Тюрьме» строятся согласно принципу нарастания и усиления семантической значимости: отчаяние – тьма, горе, яма и петля. Структурно рассказ «Тюрьма» разделен на три части, которые находятся между собой в отношениях, повторяющих структурные отношения внутри всего микроцикла: находясь в отношениях дополнительности и аналогии, первые две части «Тюрьмы» и первые два рассказа («Тюрьма», «Сова») намечают собой конфликт, который находит свое логическое завершение и разрешается в третьей семантической части рассказа и в третьем рассказе «Сад». Так, в рассказе «Тюрьма» первые две части содержат описание тюрьмы как пространства, разрушающего, подавляющего, уничтожающего все живое и любые проявления мыслей, чувств. Третий семантический блок внутри рассказа отличается не только по своему графическому оформлению и ритмико-интонационной организации, но и знаменует собой разрешение конфликта: «когда над миром загремят ликующие грозы и взвьется знамя мятежа – на тебя, тюрьма, будет обрушен наш яростный вой и первый сокрушающий удар» [4, с. 122]. Теперь «тюрьма» осмысливается не просто как образ локального пространства, а как тип существования, как система, и, шире, как символ власти, которая полностью подчиняет себе разум и волю людей. Эпиграф рассказа «Посвящая узникам мирового капитала» [4, с. 121] представляет собой посвящение, обозначает объект изображения (узники мирового капитала), символическое значение которого закреплено не только в названии, но и становится ведущим образом повествования (тюрьма = мировой капитал). Автор помещает «ключ» к расшифровке символично-метафорического содержания микроцикла в его эпиграф, который «является отправной точкой развертывания смысловой перспективы произведения» [21, с. 81].

Таким образом, на семантическом уровне уже в первом рассказе читателю в сжатом виде открывается ведущий структурный механизм всего

микроцикла. При этом первый рассказ начинает играть роль не просто введения, но и становится «ключом» для прочтения всего микроцикла.

О структурном делении текста «Тюрьмы» на блоки свидетельствует и его визуальное оформление, и пунктуационные графические выделения, согласно которым каждый семантический блок, представляющий собой несколько ассоциативных рядов, оформлен как одно предложение, которое начинается с обозначения предмета размышления – «Тюрьма...». После этого приводится ряд авторских ассоциаций в форме придаточных предложений, последнее из которых графически завершено точкой. Иных знаков препинания в первом и втором семантическом блоке нет. Такое оформление текста свидетельствует, с одной стороны, о взаимообусловленности одного символического образа другим и нераздельности ассоциативных рядов внутри семантического блока, а с другой, – об авторской установке на неслиянность всех трех компонентов за счет использования отступов и разделительных строк между ними.

Визуальный облик текста первого рассказа, его графическое оформление, а также ритмико-интонационная организация свидетельствуют о подражании лирике (на особый лиризм всего микроцикла указывает еще и тот факт, что при позднейшей публикации в составе цикла «Золотой чекан» всем трем текстам соответствовала авторская жанровая номинация «стихотворения в прозе»). Встречаются и зарифмованные фрагменты, вплетенные в повествование:

Тюрьма, тюрьма...
крепость тиранов
твердыня земных владык
дом задушевных рыданий
могила для живых [4, с. 121].

Ритмико-интонационный фон второго рассказа совпадает с первым: в нем также приведены многочисленные авторские ассоциативные ряды, на основе которых оформляется тема, сформулированная в первом же предложении («Любовная гимнастика»). В процессе чтения становится ясно, что автор вовлекает читателя в сложную смысловую игру, в которой большая часть смысла скрыта в образах, подлежащих разгадке. Для того чтобы понять авторский замысел, необходимо расшифровать сложные ассоциативные образы и соотнести явления действительности с их метафорическим воплощением в тексте: «Она... утром почти удивилась, увидев мужа с обрывком веревки на шее. Он сидел за столиком, заставленным множеством пустых бутылок, и злобно мечтал...»; «Мужья питаются падалью, и лишь любовники подобны соколам – они бьют только живность на лету и с налету»; «Розы ржали» [4, с. 125]. При таком типе изложения ведущим принципом организации материала становится использование различного рода номинаций и определений, образных сравнений, позволяющих выразить, прежде всего, авторское отношение к изображаемому: «Тюрьма...<...> где деспоты возвращают палачей <...> где гнездятся из-

мена и предательство <...> где люди разных рас, племен и наречий одинаково несчастны <...> где тусклые лица стерты и похожи на жестяные кружки» [4, с. 121], «Любовная гимнастика...<...> когда невыносимо чужое счастье <...> когда скука прожорлива <...> когда оба сидят друг против друга, как два больных зуба» [4, с. 123]. Особая ритмическая организация текста едина для всех трех рассказов: перечислительная манера изложения, «нанизывание» фрагментов текста друг на друга, конспективная форма изложения, при которой текст фрагментируется на множество эпизодов, каждый из которых представляет собой сжатое авторское высказывание.

Интонационное пространство третьего рассказа резко контрастирует с первыми двумя, в которых авторская эмоция нагнетается и возрастает по мере развития сюжета, а разорванность формы обуславливает интонационную организацию. «Сад» представляет собой медитативные размышления автора, созерцающего весеннее пробуждение природы. Использование образов, направленных на чувственное и ассоциативное восприятие, заставляет читателя обратиться к более глубокому внутреннему семантическому уровню авторской картины мира.

Со структурно-семантической точки зрения «Сад», так же, как и «Тюрьма», условно разделен автором на три части: «На серой заре» (утро); «День разыгрывается» (день); «Вечер, вокруг разлита кроткая печаль» (вечер) [4, с. 125 – 127], символизирующих собой почти полный цикл, который проживает за день природа, а вместе с ней и человек. Подобное структурное членение первого и третьего рассказов позволяет соотносить их друг с другом и указывает на круговую последовательность текстов внутри микроцикла.

В третьем рассказе повествование проникнуто лиризмом, а поводом для авторских размышлений становится все «увиденное» им в саду. На чем бы ни остановился взгляд автора, все вызывает в нем живой отклик и сопровождается рядом ассоциаций: «Аромашки, аромашки... Что-то вспомнилось из дней юности, нахлынула грусть», «Какая-то цветинья, коей я не знаю названия, раскачивается, точно танцовщица в медленном танце» [4, с. 127]. Звуковой ряд «Сада» строится по нисходящей: рассказ начинается с весеннего потрескивания лопающихся почек («На серой заре воробей был разбужен: потрескивая лопались почки»), продолжается шелестом листвы и дуновением ветра («Ветерок треплет рябину», «Листва шелестит в полусне») и завершается абсолютной тишиной и умиротворением («Тишина... слышно дыхание пчелы, дремлющей на цветке»). Таким образом, и ритмико-интонационное пространство всего микроцикла строится по принципу нисходящей градации.

Пространственно-временные категории в рассказе «Сад» унифицируются: время отражает универсальные категории дневного цикла – утро, день, вечер; пространство представляет собой некое условное место, символически обозначенное в заглавии как «сад», – в нем соседствуют такие

растения, как маки, кактус, береза, ландыши, вишни, тополя, сосны, плющ, лопухи и репейник, хризантемы, орхидеи, розы, тропические папоротники, голубой лотос и т.д. Имплицитно расширяясь, пространственно-временные границы размываются, объединяя в себе доисторическую эпоху («... а дерево гингко еще в доисторическую эпоху откочевало из Европы в Китай и Японию»), XVI век и времена Ивана Грозного («Береза пришла в Сибирь с русскими дружинами в XVI веке...»), «Мне становится понятнее Иван Грозный, чье имя еще долго кровавой звездой будет мерцать...») [4, с. 125 – 127], а пространство начинает включать в себя большую часть мира: Россия, страны Европы, Китай, Япония, Индия, Египет и т.д. Подобная всеобщность и всеохватность – символическое единение не только стран, времен и народов, но и человека и природы, символизирует собой надежду автора на возможность преодоления разобщенности, обозначенной в качестве основного конфликта в первых двух рассказах. Финальный (третий в цикле) рассказ становится «связующим звеном», удерживающим от распада весь художественный мир «Домыслов». Образы тишины, покоя и безмятежности становятся ведущими в этом произведении и распространяют свою положительную семантику на предыдущие рассказы, нивелируя обозначенные в них негативные образы тюрьмы, обмана, лжи и страдания.

Ведущим фактором единства внутри микроцикла является образ автора-рассказчика, от лица которого ведется повествование. Монтажный тип композиции является определяющим как для каждого рассказа, так и для микроцикла в целом. Сюжетная разорванность выступает в качестве одного из композиционных приемов, позволяющих объединить в целостную картину мира все ассоциативные ряды. Принцип нераздельности-неслиянности реализуется на всех уровнях организации текста (ритмическом, образно-символическом, композиционном, семантическом и т.д.), проявляясь уже на внешних границах текста: каждый рассказ имеет свое заглавие, вынесенное и в содержание сборников, в которых печатался микроцикл. Кроме того, после каждого рассказа стоит дата написания – «Тюрьма» (1927), «Сова» (1928), «Сад» (1929), – указывающая, с одной стороны, на его завершенность, а, следовательно, и на возможность рассмотрения его как самостоятельного целого. Это подтверждается историей публикации микроцикла: рассказы «Тюрьма», «Сова» и «Сад» впоследствии печатались автором как самостоятельные произведения и в составе более крупных циклических единств. Так, цикл стихотворений в прозе «Золотой чекан» [5] также включает в себя тексты «Тюрьма», «Жена и жених» (переименованный рассказ «Сова») и «Сад, ты мой сад» (переименованный рассказ «Сад»). В этом же цикле впервые появляется авторская номинация «стихотворения в прозе», которая отсутствовала во всех предыдущих публикациях. После написания текстов в 1927 – 1929 годах они были переработаны автором и текстуально отличаются от первоначально опубликованных. В частности, в «Тюрьме» был изменен эпиграф «Посвящаю узникам мирового капитала» на «Пленникам фашизма». С другой же

стороны, благодаря фиксации автором даты написания, формируется представление о возможной заданности последовательности рассказов, и, как следствие, развития внутреннего сюжета микроцикла. Определяя последовательность входящих в микроцикл текстов, автор формирует внутренний сюжет цикла, подчиненный концептуальной логике. Таким образом, уже сама композиция микроцикла служит реализации авторского замысла.

Микроцикл «Домыслы» является яркой иллюстрацией особой творческой манеры, приметой художественного исторического мышления писателей 20-х годов XX века, согласно которой монтажно-фрагментарный, сценарный способ повествования позволяет создать масштабную всеохватывающую картину происходящего. Сходные приемы повествования характерны и для многих двухкомпонентных и трехкомпонентных микроциклов. Смысловые связи в них также восстанавливаются в процессе читательского восприятия: в повествовании нет лишних деталей, а значимая для развития сюжета информация передана лаконично, но емко.

Следуя путем циклизации малых художественных форм, мы можем представить себе этапы образования и расширения циклического единства как непрерывный процесс развертывания и разрастания контекста (по степени возрастания и ослабления идентичности их компонентов). Творческая история создания микроцикла «Домыслы» в полной мере иллюстрирует подобный процесс разрастания циклического контекста: строки, сперва напечатанные в рассказе «Дикое сердце» (1927): «О, тюрьма – корабль человеческого горя – непоколебимая, как тупость, ты плывешь из века в век... Крепость тиранов, твердыня земных владык...» [6, с. 458], с незначительными изменениями входили во все переиздания рассказа до 1932 года, после чего были из него исключены, и, в измененном виде, послужили основой для написания «Тюрьмы» – первого компонента микроцикла «Домыслы» и цикла «Золотой чекан». Таким образом, фрагмент отдельного рассказа послужил основой для создания самостоятельного произведения, которое, в свою очередь, стало основой для создания микроциклического и – шире – циклического единства. Также следует отметить, что сами тексты рассказов, а также их заглавия были значительно изменены по сравнению с первоначальным изданием в составе микроцикла «Домыслы». Подобная трансформация еще раз подтверждает изначальную обусловленность любой циклической и микроциклической формы авторским замыслом, который, в свою очередь, определяет отбор литературного материала.

Таким образом, можно заключить, что подобного рода микроциклы в большей степени подчинены тенденции малой прозы к укрупнению, расширению, в процессе которого происходит добавление новых компонентов, и, как следствие, трансформация микроцикла в цикл. Кроме того, наблюдается и встречная тенденция: помимо потенциальной возможности к расширению такие микроциклы также содержат в себе возможность вычленения или удаления одного из компонентов-текстов, что ведет, конеч-

но, к разрушению целостности структуры самого микроцикла, но при этом, не разрушает само смысловое ядро микроцикла («текст текста»).

Подводя итог рассуждениям о специфике микроцикла как особой формы жанровой трансформации, получившей активное распространение в литературе первой трети XX века, и опираясь на материал, полученный в ходе исследования репрезентативного микроцикла, мы можем отметить, что при анализе подобного рода единств следует учитывать такие характеристики цикла, как: общность ряда системных элементов микроцикла (жанровых, стилистических, ритмических, образно-метафорических); ритм образов и мотивов внутри микроцикла; доминирование в микроциклах лейтмотивов и лейтмотивных образов, которые становятся эмоциональными, смысловыми «скрепами» как внутри микроциклического единства, так и внутри отдельного компонента-текста; особенности функционирования пространства и времени; образ автора. Данные характеристики являются универсальными, но при анализе микроциклических единств важно учитывать трансформацию, происходящую на следующих уровнях: большее значение приобретает заголовочный комплекс – в поэтике микроцикла концепто- и формообразующими являются заглавия, подзаголовки и оглавление текста; увеличивается значение авторской концепции, которая является главным источником единства в микроцикле; наблюдается строгая регламентированность рассказов и их последовательности: устранение каждого текста деструктивно, так как оно если и не разрушит микроцикл, то радикальным образом изменит его как художественную целостность; фабульно-сюжетная «разорванность» всего микроцикла, обусловленная в том числе спецификой авторского мироощущения на «сломе эпох»; монтажная композиция микроциклического единства, при которой существует прочная ассоциативная связь между текстами; общность таких носителей жанра, как ассоциативный фон и ритмико-интонационная организация текстов; большое значение приобретают перекликающиеся друг с другом идеи, мотивы и образы.

Список литературы

1. Афонина Е.Ю. Поэтика авторского прозаического цикла: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005.
2. Дарвин М.Н. Циклизация в лирике. Исторические пути и художественные формы: автореф. дис... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1996.
3. Дарвин М.Н. Цикл // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, С.Н. Бройтман и др. / под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш. шк.; Академия, 2000.
4. Веселый А. Домыслы // Московские мастера. – Л.; М.: Жизнь и знание, 1929. Кн. 1.
5. Веселый Артем. Золотой чекан // Из творческого наследия советских писателей. – М.: Наука, 1965 (серия «Литературное наследство»).
6. Веселый А. Избранное / сост., вступ. ст. и коммент. З.А. Веселой. – М.: Правда, 1990.

7. Егорова О.Г. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2003.
8. Ляпина Л.Е. Литературная циклизация (к истории изучения) // Русская литература. – 1998. – № 1. – С. 170 – 178.
9. Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века. – СПб., 1999.
10. Орлицкий Ю.Б. Некоторые особенности циклизации в современной русской лирике // Европейский лирический цикл. Материалы международной научной конференции, 15–17 ноября 2001 г. – М., 2003. – С. 256 – 262.
11. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Исследования и разборы. – Екатеринбург: Словесник, 2010.
12. Михайлович Я. Павич и гипербеллетристика // Павич М. Ящик для письменных принадлежностей. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 171 – 181.
13. Сапогов В.А. О некоторых структурных особенностях лирического цикла А. Блока // Язык и стиль художественного произведения. – М., 1966.
14. Словарь символов и знаков / авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. – Мн.: Харвест, 2004.
15. Тюпа В.И., Фуксон Л.Ю., Дарвин М.Н. Литературное произведение: проблемы теории и анализа. – Кемерово, 1997. – С. 117 – 118.
16. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2006.
17. Фоменко И.В. Лирический цикл: Становление жанра, поэтика. – Тверь, 1992.
18. Фоменко И.В. Об анализе лирического цикла (на примере стихов Б. Пастернака «Петербург») // Принципы анализа литературного произведения. – М., 1984. – С. 171 – 178.
19. Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990.
20. Храмченков А.Г. Роль заглавия и эпиграфа при анализе художественного текста // Актуальные проблемы методики преподавания дисциплин классической филологии и зарубежной литературы, тезисы докл. и сообщений Всесоюзного семинара-совещания. – Мн., 1981.
21. Яницкий Л.С. Архаические структуры в лирической поэзии XX века. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003.

Птица-тройка Игоря Чиннова

В статье рассмотрен один из вариантов возможного возрождения жанра идиллии в современной русской поэзии. На примере стихотворного цикла И. Чиннова «Элегоидиллии» показано, что новейшая идиллия организуется по принципу «взаимодополнительности» собственно идиллического и элегического лирических жанров. Концепция подтверждается поэтикой «элегоидиллий» в творчестве других авторов (С. Липкин, Б. Рыжий).

The article discusses one of the possible options for the revival of idyll in modern Russian poetry. The example of the poetic cycle «Elegoidyll» by Igor Chinnov shows that the idyll in its latest forms is organized on the principle of «complementarity» of idyllic and elegiac lyrical genres. The concept is confirmed by the poetics of «elegoidyll» in works of other authors (S. Lipkin, B. Ryzhy).

Ключевые слова: современная русская поэзия, стихотворная идиллия, жанрообразующие факторы, инвариант, внутренняя мера жанра.

Key words: modern russian poetry, poetic idyll, genre-making features, invariant, genre inner measure.

Цикл «Элегоидиллии» написан Игорем Чинновым в Париже в 1972 году. Цикл входит в книгу стихов «Композиция». Учитывая названия всех циклов книги – с нарочитой «неопределенной» семантикой, – следует отметить авторское умение серьезно подходить к выстраиванию книги: между «Галлюцинациями...» и «Полуосанной» «Элегоидиллии» занимают промежуточное положение. Это срединное существование элегоидиллий усиливается и тем, что появляются они между элегиями (первые 4 книги стихов) и «Пасторальями». Всего И. Чиннов успел сделать 8 книг стихов, 9 вышла уже без авторского вмешательства, и книга с элегоидиллиями занимает срединное положение.

При этом данный принцип организации художественного целого задействован и в отношении к самим «Элегоидиллиям» (как в центре всего творчества, так и в центре конкретной книги стихов). Так, центральным – шестым из 13 стихотворений цикла – стало стихотворение «В ожидании окончания»:

В ожидании окончания,
Окончания «представления»,
Ты смотрел на море вечернее,
В полутьне молчанья печального?

Золотистое, серебристое
Опускается в море мглистое.
Вот была Атлантида, кажется.
Под водой она, не покажется.

Ты глядел на вазы этрусские?
Где этруски? Лишь вазы узкие.
Как, любезный друг, самочувствие?
Все умрем – этруски и русские.

Всё на свете только предвестие,
Всё на свете только предчувствие,
Что в холодный пласт, в струи тусклые...
Ну а вазам – вроде бессмертия.
Но бессмертие это – грустное [6, с. 276].

Это – элегия. Все ожидания обмануты, и жизнь явлена как неподлинная («представление»). В последней строфе: «Все на свете только предвестие...» – как будто бы следовало ожидать «светлых предчувствий», но их нет («холодный пласт», «струи тусклые», «бессмертие грустное»). То есть в цикле с названием «Элегоидиллии» центральное место занимает ... элегия – без каких бы то ни было выходов в сторону идиллии. В других же текстах этого цикла она обязательно присутствует, а значит, цикл укладывается в схему идиллия (1-5 стихотворения) – элегия (середина цикла) – идиллия (7-13).

Эта же схема – идиллия–элегия–идиллия – оказывается продуктивной для композиции отдельных стихотворений, входящих в сборник. Одни образы рождают ассоциации с элегиями, другие – это наитие идиллии. Обратимся, например, к стихотворению «Душехранилище хоронят...»:

Душехранилище хоронят.
Из трупных аминокислот
Тюльпан с огнем росы в короне
Над гробом душным прорастет.

Не хромосомы – хризантемы.
А в небе горы, тень вершин.
И в том краю, где будем все мы,
Ты медленно идешь один.

Преображен, неузнаваем,
Не помня боли и тревог,
Ночным или вечерним раем
Проходишь молча, новичок.

Ты слышишь ангельские песни,
А мы – лишь шум недолгих дней.
Небесное тебе – небесней.
Земное нам – еще земней,

Еще больней – или милее?
Еще дороже каждый час?
Не суета, а суть... Аллея,
Могила. День почти погас [6, с. 275].

Идиллический мотив первой строфы (кладбищенская сцена с могилой помогает понять круговорот всего живого в природе – не «окончателъность» человека, а его «перетекание» в другие живые формы) сменяется очевидным элегическим мотивом (это стихотворение – о смерти). Но, по сути, речь идет о возвращении к идиллии. Последние строки сталкивают два мироощущения: «Небесное тебе – небесней / Земное нам – еще земней». И далее: «больней» – знак элегического мира, «милее» – идиллического, то есть «столкновение» двух разных мироощущений продолжается. Но последняя фраза: «День почти погас» – принадлежит именно идиллическому чувству: уступительное «почти» есть попытка восстановить светлое в жизни (в элегии было бы – «день погас»).

Подобным же образом – на развитии цепочки идиллия – элегия – идиллия – построено стихотворение «Не кажется ли тебе...»:

Не кажется ли тебе,
что после смерти
мы будем жить
где-то на окраине Альдебарана
или в столице
Страны Семи Измерений?

Истлеет Вселенная,
а мы будем жить
где-то недалеко от Вселенной,
гуляя, как ни в чем не бывало,
по светлому берегу Вечности.

И когда Смерть
в платье из розовой антиматерии,
скучая от безделья,
подойдет к нам опять,
мы скажем: – Прелестное платье!
Где вы купили его? [6, с. 272].

Композиционно стихотворение выстроено как идиллия – элегия – идиллия, причем строфы симметричны (по 6 строк) по отношению к центральному пятистишию (так выделяется строфа с явным столкновением

двух мотивов). В начале (вторая строфа) – это идиллический мотив незамутненной, чистой, вечной жизни: «все умрут, а мы будем жить и гулять». Затем об элегии напомнит изображение смерти, «скучающей от безделья». Этот этюд о смерти дан в «розовых тонах», что не случайно: сама смерть передается идиллическим мироощущением.

В данной схеме идиллия – элегия – идиллия нас интересует последнее звено этой композиционной тройки в элегоидиллиях И. Чиннова. «Новый» идиллический мир воображаем, поэтому везде – здесь и во всем цикле – много слов-знаков, подчеркивающих бесплотность, ментальность мира: «беспредметная абстракция света и снега» [6, с. 273], «водянистая медуза», «метаморфозы» [6, с. 274], «наджизненный пейзаж» [6, с. 277]. Так усиливается мысль о бесплотности сегодняшней идиллии.

Начиналось стихотворение с определенной лирической ситуации – вопрошания «Не кажется ли тебе...». Оно второе в цикле и скорее настраивает на ответ: «мне только кажется, что можно вернуться к былому, к былой идиллии». А отсюда и закругление цикла в последнем стихотворении, раз и навсегда ставящем точку в ожидании былой идиллии: «Сказано – нет, и – сколько лет, сколько лет! / Нет и нет, а на нет – и суда нет» [6, с. 283].

Как видим, идиллия – элегия – идиллия – это то же самое, как вечное – пограничное – неизменное. Хотя «неизменное» здесь уже другое. Формальные признаки сохранены, но они уже «не живые». Как чутко сказано у Чиннова в этом же цикле: «...А в греческой урне, любимице Китса, / Не сердце, а м е р т в о е сердце хранится» [6, с. 281]. «Мертвое» написано в авторской редакции разрядкой. В «памяти жанра» идиллическим (как, собственно, и элегическим) остались только эти «редуцированные» жанры.

Понятно, что для современных текстов, обращающихся к идиллическим мотивам, отправной точкой становится не идиллия Феокрита (та, что первая в цепочке идиллия – элегия – идиллия), а элегия, которая в свою очередь выросла из классической идиллии Золотого века. Идиллия в качестве третьего звена цепочки освещена элегией. По-видимому, общая тенденция развития жанра такова, что любая современная «идиллия» по сути своей будет элегоидиллией. Возрождение идиллии неминуемо включает в себя этот предшествующий жанр. Кстати, у Китса в «Оде греческой урне» (перевод Ивана Лихачева) есть примечательные строки: «Векам несешь ты свежесть старины» [1, с. 107]. И тогда ключевым становится центральный образ первого стихотворения цикла, принесенного «тревожащим ветром воспоминаний», – образ птицы:

...Я видел в Британском Музее
черную египетскую птицу. Вот она – сидит неподвижно.
Желтый глаз, как маленькая луна. Она более птица,
чем все птицы на свете [6, с. 271].

Этот образ птицы проясняет нашу триаду, «тройку» идиллия – элегия – идиллия. В одной из Египетских книг мертвых из Британского музея рассказывается о баснословной птице вену, которую греки называли фениксом. В частности, говорится, что, состарившись, она сама себя сжигала и возносилась из пламени в прежней красоте.

Стихотворение с поначалу неясным образом – первое в цикле: оно задает тон восприятию предмета авторских рассуждений – ожидания обновленного воскресения жанра. Однако такая конкретная «более птица» первого стихотворения превратится далее в сплошную неопределенность – «нечто сероватое, певучее» [6, с. 278]. Ясно, что современная идиллия уже никогда не будет подлинной. Но никогда и не остановятся попытки ее возрождения. Стихотворения цикла строятся не как результат, а как процесс, попытка этого прорыва, пусть и безнадежная.

Что нам дает эта формула идиллия – элегия – идиллия? Как известно, «идиллия, проникает внутрь элегии» [3, с. 115], умирая, «оказывается своего рода "точкой отсчета" в формировании ... элегии» [5, с. 439]. Чиннов, на наш взгляд, продлевает вектор: он возрождает идиллию из элегии. Сегодня не только классическая идиллия, но и классическая элегия невозможны, а желание реанимировать их осталось. И. Чиннов в «Элегоидиллиях» зафиксировал свое участие в исторической поэтике, что и отмечено в «слипшемся комке» названия. Не есть ли это способ современной реконструкции идиллии из элегии, уже принятой как продолжение идиллии?

Показательно, что и у других авторов, обращающихся в конце XX века к идиллическим мотивам, находим аналогию этой композиционной тройке, зафиксированной И.В. Чинновым, что, возможно, позволит говорить о некоторой закономерности процесса превращения уже элегии в идиллию. Творчески реализованная И. Чинновым схема идиллия – элегия – идиллия «срабатывает», например, в стихотворении С. Липкина «Свирель пастуха». Очевидно, что идиллия по-прежнему живет:

В горах, где под покровом снега
Сокрыты, может быть, следы
Сюда приставшего ковчега,
Что врезался в гранит гряды,

Где, может быть, таят вершины
Гнездовье допотопных птиц, –
Есть электронные машины
И ускорители частиц.

А ниже, где окаменели
Преданья, где хребты молчат,
Пастух играет на свирели,
Как много тысяч лет назад.

Познавшие законы квантов
И с новым связанные днем,
Скажи, глазами ли гигантов
Теперь на мир смотреть начнем?
Напевным, нежным и горячим

Потрясены верхи громад,
И мы с пастушьей дудкой плачем,
Как много тысяч лет назад [2, с. 121].

Так же и в стихотворении Б. Рыжего идиллия уже оплакана как невозможность, однако попытка прорваться сквозь элегическую беспросветность (см. образы «сплошная ночь», «сплошное небо, как черный зонт») опять-таки остается.

Ирине

Родная, мы будем жить здесь, где нет прохожих,
где лишь созвездья. И пить сплошные сухие вина.
Здесь реки сбросят сухие русла, как змеи – кожу,
за даль метнувшись. И будет пахнуть сырой овчиной.
Закат, что в небо вкравлен Богом, безумной розой
завянет. Ветры утихнут. Слезы пойдут на убыль.
Мы будем жить здесь. Мы будем вместе смотреть...

А звёзды

здесь разноцветны, как в фотоснимке зрачки салюта.
По сути дела не будет лета, зимы и прочих.
Не будет милых моих. Любимых моих. Хороших.
Туман укроет нас белоснежной своей рогожей,
и будут ночи. Сплошные ночи. Сплошные ночи.
Но всё проходит. И мы с тобою пройдем задаром.
И будет небо. Сплошное небо, как черный зонт... А
мы будем в ночи, как в отложении – два омара.
... И безресничный прищур безглазого горизонта [4, с. 294].

Рассматриваемая нами концепция подтверждается поэтической практикой. Сознательно или бессознательно, но в своем стихотворном цикле поэт сам настаивает на взаимодействии двух столь разных жанров. А птица оказывается важнейшим звеном этой тройки: идиллия – элегия – идиллия.

Список литературы

1. Китс Дж. Ода греческой вазе // Джон Китс. Стихотворения. «Ламия», «Изабелла», «Канун св. Агнесы» и другие стихи / отв. ред. Н.Я. Дьяконова, ред. переводов Э.Л. Липецкая. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1986.
2. Липкин С.И. Письмена: Стихотворения. Поэмы. – М.: Худож. литература, 1991.
3. Магомедова Д.М. Жанровый анализ лирического стихотворения. Классические вопросы лирики // Магомедова Д.М. Филологический анализ лирического стихотворения. – М.: Академия, 2004.
4. Рыжий Борис. Оправдание жизни. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
5. Тмарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы: в 2 т. – М.: Academia, 2004. – Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика.
6. Чиннов И.В. Собр. соч.: в 2 т. – М.: Согласие, 2000. – Т. 1. Стихотворения.

**Специфика жанра романа альтернативной истории
(на материале отечественной прозы 1990-х – 2000-х гг.)**

В статье осмысляется специфика трансформации антиутопической традиции в прозе В. Аксенова, Д. Липскерова, В. Войновича, Т. Толстой. Роман альтернативной истории рассматривается как жанровая разновидность антиутопии. В жанре романа альтернативной истории элемент фантастического позволяет создавать условия, максимально полно раскрывающие художественный замысел писателя, а в массовой литературе позволяет заинтриговать читателя. Историческая альтернатива в романе альтернативной истории образует художественную реальность произведения.

In the article is investigating the specificity of transformation tradition of dystopian's in the fiction of V. Aksionov, D. Lipskerov, V. Voinovich, T. Tolstaya. Novel alternate history is seen as a dystopia genre. In the genre of the novel alternate history science fiction element allows you to create conditions, fully revealing the artistic intent of the writer, and in popular literature to intrigue the reader. Historical alternative to the alternative history novel forms the artistic reality works.

Ключевые слова: проза, роман, жанр, антиутопия, роман альтернативной истории, традиция.

Key words: fiction, romance, genre, dystopia, alternative history novel, tradition.

Общеизвестно, что в середине XX века, в период бурных социально-политических и культурных катаклизмов, двух мировых войн и революций, интенсивного развития науки и создания тоталитарных режимов, в рамках которых человек превращается в контролируемую и безвольную составляющую государственной машины, расцвета достигает антиутопия как специфический литературный жанр. По мнению большинства исследователей [1; 4; 5; 6], причины столь интенсивного развития жанра определяются именно историческим контекстом XX столетия: «Антиутопия становится очевидным достоянием XX века в силу своей несомненной связи с научно-технической цивилизацией. <...> В сочетании с трагическими событиями века <...>, которые в одночасье поставили человечество перед угрозой уничтожения едва ли не всех прежних ориентиров существования, цивилизация обретает все более опасную инерцию разрушения. <...> Но в данный момент, еще не ставший историческим, уже таящий в себе знаки кардинальных перемен, ожидающих человечество в XXI веке, вновь мощно материализуется вопрос о будущем. <...> утопия или антиутопия, или какой-то еще неведомый «симбиоз этого жанра» не только не сойдет с литературной сцены, причем с самых видимых ее площадок, но приобретет невиданный масштаб актуальности» [4, с. 19]. С течением времени анти-

утопия развивается, модифицируется, обретая новые специфические особенности: меняется структура персонажей, расширяется диапазон качественных характеристик героев, углубляется трагизм в положении личности, конструируются новые центры сюжетных коллизий, один из которых, «футурологический прогноз *альтернативного будущего России и мира*, перекроенной карты мира под знаком глобализации и предупреждения человечества о ее потенциальных антиутопических последствиях» [4, с. 9 – 10; курсив наш. – Г.М., О.О.]. Это, в свою очередь приводит к формированию на базе жанра поджанров и жанровых разновидностей. В частности, в 1980–90-е годы исследователи выделяют детективную, сатирическую антиутопию, антиутопию–«катастрофу» [6, с. 39]. Однако, формулировавшееся с учетом литературного опыта Е. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлла жанровое определение антиутопии к концу XX столетия раздвигает свои границы и уже не исчерпывается ставшей общепринятой формулировкой Б. Ланина [6, с. 39]. Именно за последнее десятилетие «выстраивание самых разнообразных схем альтернативной истории России превратилось в особый жанр отечественной литературы» [2].

Действительно, практика российской литературы 1990-х – начала 2000-х годов наглядно свидетельствует о расширении жанрового и тематического пространства отечественной антиутопии именно за счет нового литературного феномена – романа альтернативной истории. И хотя так называемая «альтернативная история» занимает одно из первых мест по читаемости в издаваемой продукции, но в отечественном литературоведении этот жанр изучен недостаточно. В связи с этим становится очевидной необходимость выявления особенностей романа альтернативной истории в контексте эволюции ее более крупного жанрового образования, романа антиутопии. Следуя интерпретации современной литературной критики, отечественного и зарубежного литературоведения, мы полагаем, что роман альтернативной истории можно определить как разновидность жанра антиутопии, в которой основным обязательным условием сюжета является введение альтернативного исторического вектора, т.е. вместо хорошо известных исторических событий, имевших место в действительности, автор вводит новый поворот, меняющий ход исторического развития с определенного момента.

Жанр романа альтернативной истории привлекал внимание преимущественно литературных критиков, причем практически все исследователи единогласно выделяют несколько его ключевых характеристик. Во-первых, это обязательное отличие развития исторических событий, описанных в романе от того, что имело место в реальной истории, то есть демонстрация «развилки» (точки бифуркации) – момента, после которого история изменилась. Во-вторых, это показ «ирреальности» мира, в котором какое-либо историческое событие имело другой исход, своего рода рассказ о последствиях изменения исторического процесса. В жанре романа альтернативной истории элемент фантастического (предложенный альтерна-

тивный вариант) позволяет создавать условия, максимально полно раскрывающие художественный замысел писателя, а в массовой литературе позволяет заинтриговать читателя. Таким образом, историческая альтернатива образует художественную реальность произведения.

Говоря об истоках романа альтернативной истории, следует отметить, что, с одной стороны, они восходят к традиции зарубежной и отечественной фантастики (А. Картер, П. Теру, Ст. Лемм, бр. Стругацкие), а с другой, – к экспериментам с альтернативными историческими / географическими моделями в «Аде», «Bend Sinister» и «Бледном огне» В.В. Набокова. Одним из первых образцов романа альтернативной истории в отечественной литературе является «Остров Крым» В. Аксенова, сюжет в котором строится из допущения о том, что случайный выстрел из корабельного орудия, сделанный английским лейтенантом, предотвратил захват Крыма частями Красной Армии в 1920 году. В результате этого события Крым превратился в процветающее демократическое государство, доказав превосходство капитализма над советским социализмом. Создавая произведение в жанре романа альтернативной истории, Аксенов уходит от антиутопии в чистом виде, однако финал романа, повествующий о военной операции по присоединению Крыма к СССР, антиутопичен. Примечательно, что, в общем-то, взяв в основу романа формулу «что было бы, если...», прозаик подчеркивает, что история развивается в соответствии со своими внутренними законами, при этом любое допущение в прошлом может отсрочить, но ни в коем случае не изменить тех или иных событий.

Другой важной вехой в формирующейся отечественной традиции романа альтернативной истории становится, на наш взгляд, «Москва 2042» В. Н. Войновича, в котором главной особенностью авторской стратегии является использование политической сатиры и пародии. Это воплощается, во-первых, в пародировании судеб отдельных личностей. Так, главный герой, писатель-диссидент Виталий Карцев, авторская маска самого Войновича: бывший член Союза писателей, за свою диссидентскую деятельность лишённый членского билета, а впоследствии и советского гражданства, выдворен из страны в Западную Германию. В образе Сим Симыча Карнавалова угадывается Солженицын, с его колоритной внешностью и харизматичностью («Эта сила меня каким-то образом гипнотизировала, выводила из состояния равновесия, никакие реальные причины не вынуждали меня ей подчиняться, но не подчиниться ей я мог, только оказав отчаянное внутреннее сопротивление» [3, с. 105]), политическими воззрениями и специфическим образом жизни в изгнании: «Симыч немедленно прославился не только как самый лучший в мире писатель, но и герой. Об этом отважном русском заговорил весь мир. А как только мир утихал и власти рассчитывали, что, когда совсем всякий шум прекратится, тут же его и слопать, он, не будь дурак, немедленно печатал новую глыбу. Шум начинался еще больший, и предполагаемый его арест мог вызвать международный скандал крупнее даже, чем вторжение в Чехословакию

или Афганистан. Власти крутились и так и сяк. Предлагали ему уехать по хорошему. Он не только не сделал этого, но, помня историю с Солженицыным, обратился ко всему миру с просьбой не соглашаться принимать его, если заголки вздумают выпихнуть его из страны насильно» [3, с. 54]. Кроме того, пародируются судьбы целого государства, а на архитектуральном уровне – и жанровые модели (например, иронически воссоздаются шаблоны научной фантастики – перелет на космолане; пародируется модель литературной утопии – топография города, определяемая кругом и симметричной соразмерностью всех частей, которая противопоставлена хаосу внешнего мира и т.д.). Используя черты, присущие советской действительности (в Москореде 2042 года гипертрофированы черты современного общества: ложь, демагогия, порочная структура власти), В. Войнович рисует идеально гротескное, перевернутое коммунистическое общество. Эта картина создана путем сгущения красок, гиперболизации и абсурдизация разных проявлений жизни в СССР. Так, в Москореде существуют две литературы: бумажная и безбумажная, а писатели делятся последовательно на комписов (коммунистических писателей) и подкомписов (подкоммунистических писателей). Комписы пишут под диктовку, описывая всё, что связано с жизнью и деятельностью Гениалиссимуса (который совмещал одновременно функции Генерального секретаря ЦК КПГБ, Председателя Верховного Пятиугольника, Верховного Главнокомандующего, Председателя Комитета Государственной безопасности и Патриарха Всея Руси) – они коллективно создают бумажную Гениалиссимусиану. Писатели в Москореде «...ничего не должны. Они пользуются полной свободой творчества. Но они сами так решили и теперь создают небывалый в истории, грандиозный по масштабу коллективный труд – многотомное собрание сочинений под общим названием “Гениалиссимусиана”. Этот труд должен отразить каждое мгновение жизни Гениалиссимуса, полностью раскрыть все его мысли, идеи и действия.

– А разве у вас нет писателей детских или юношеских?

– Ну конечно же, есть. Детские писатели описывают детские годы Гениалиссимуса, юношеские юношеские, а взрослые описывают период зрелости. Разве это непонятно?» [3, с. 210].

Подкомписы работают в безбумлите (безбумажной литературе). Тексты ими написанные регистрирует центральный компьютер, которого нет. Руководителем подписателей является подполковник, которого должность называется писатель-наставник. Сержанты пишут, но не видят написанное, потому что ни экранов, ни печатных устройств нет – нет ничего лишнего. Общий компьютер, которого в действительности нет, собирает все материалы и якобы выбирает лучшие. Очевидно, что для В. Войновича жанр романа альтернативной истории становится средством зеркального отображения явлений современной действительности.

Другим показательным образцом романа альтернативной истории является «Невозвращенец» А. Кабакова, в котором главный герой-

экстраполятор, способный переноситься в будущее и оказавшийся в 1993 году – в эпохе, именуемой Великой Реконструкцией (Реконструкция означает гражданскую войну, танки на центральных улицах Москвы и массовые расстрелы), стоит перед выбором: остаться ли в более или менее спокойной, но гнусной современности и стать осведомителем, как ему предлагают, или в жестоком и хаотичном будущем. При этом, описывая Москву недалекого будущего, прозаик гиперболизировал те политические тенденции, которые в момент публикации романа лишь проявлялись (СССР распался на Россию, Закавказье, Туркестан, Бухарские и Самаркандские Эмираты, Прибалтийскую федерацию, Сибирь и Крым, но диктатура новой России сохраняет имперские привычки: Революционную Российскую Армию посылают для оккупации Прибалтийской федерации и Трансильвании; экономическая программа диктатуры неясна, очевидно, это равенство в нищете, «казарменный коммунизм», борьба с богатством, сопровождающаяся безудержным ростом цен, карточным распределением и переходом к натуральному обмену; в Москве действуют многочисленные партийные и прочие организации и формирования – от истребительного отряда угловцев, охотящихся за покупателями винных магазинов, и «афганцев», в упор расстреливающих на улицах «торгашей» из пулемета до подмосковных анархистов – «люберов» и т.д.), и подчеркнул, что в условиях нецивилизованных методов политической борьбы единственное, что ждет с страну – вооруженные столкновения. Писатель, осмысливая современные политические реалии, сквозь призму романа альтернативной истории воссоздал характерную для постперестроечного периода атмосферу всеобщего страха, отразил все тенденции политических движений и общественных настроений, доведя их до абсурда и гиперболизовав.

Отечественная проза 1990-х годов также ознаменована появлением примечательных образцов жанра альтернативной истории. Так, в творчестве Т. Толстой – это, во-первых, роман «Кысь», описывающий жизнь москвичей после ряда разрушительных взрывов, и небольшой рассказ «Сюжет».

«Сюжет» описывает следующую «историческую» коллизию: дуэль между Дантесом и Пушкиным в самом разгаре, первый должен стрелять, но в самый ответственный момент, напуганная шумом птичка «какает на длань злодея», в результате чего Дантес не убивает, но лишь тяжело ранит «наше всё». Эта случайность знаменует первый переломный момент сюжетного развертывания: благодаря ей Пушкин остаётся жив, но пишет теперь редко. Спустя же годы поэт, будучи глубоким стариком, отправляется в городок на Волге к одному любителю старины, где в него попадает снежком мальчишка (как оказалось впоследствии, – маленький Владимир Ульянов), разъярённый Пушкин набрасывается на обидчика и до полусмерти избивает его. Выживший мальчик после побоев коренным образом меняется – и это еще один переломный момент и сюжета, и альтернативного исторического развития: «<...> и даже нравом вроде бы стал поспо-

койнее: если раньше нет-нет да и разобьёт хрустальную вазу или стащит мясной пирог, чтобы съесть в шалаше с прачкиными детьми, а то, бывало, и соврёт – а глазёнки ясные-ясные! – то теперь не то. <...> С дворовыми ребятами совсем перестал водиться. Носик воротит: дескать, вши с них на дворянина переползти могут. <...> Теперь если где грязцу увидит – сразу личико такое брезгливое делается. И руки стал чаще мыть» [8, с. 255]. Мало того, будущий «вождь пролетариата» сближается с царём и становится министром внутренних дел, всю жизнь исправно служит государю, слывет отчаянным патриотом, бдительно наблюдающим за реальными и выдуманскими врагами: «Патриот был необыкновенный, истовый. Когда мы войну с немцем выиграли – в 1918-ом, он тогда уже был Министром Внутренних Дел, – кто, как не он, верноподданнейше просил по поводу столь чаемой и достославной победы дать салют из трехсот залпов в честь Его Величества, еще столько же в честь Ее Величества, еще полстолька в честь Наследника Цесаревича и по сту штук обожаемым Цесаревнам? Даже Николай Александрович изволили смеяться и крутить головой: эх хватили, батенька, у нас и пороху столько не наскребется, весь вышел... Тогда Владимир Ильич предложил примерно наказать всех инородцев, чтобы крепко подумали и помнили, что такое Российская Империя и что такое какие-то там они» [8, с. 260]. После же его смерти при вскрытии выяснилось, что мозг с одной стороны головы был совершенно нормального размера и цвета, а с другой, «где арап ударил», не было абсолютно ничего. Так маленькая птичка, случайно вылетевшая в нужный момент из леса (и здесь очевидна параллель с «Вычитанием зайца» А. Битова), спасла Российскую Империю от кровопролитнейшей Октябрьской революции, гражданской войны, а русскую интеллигенцию от изгнания.

Рассказ Т. Толстой по ряду структурных признаков можно отнести к жанру альтернативной истории. Однако в финале писательница, равно как и В. Аксенов в «Острове Крым», указывает на неизменность, заданность исторического развития в соответствии со своими внутренними законами, намекая, что вместо Ульянова на пост министра внутренних дел будет назначен некий Джугашвили, у которого «с мозгом» всё в порядке.

Приметы жанра альтернативной истории прослеживаются и в прозе Д. Липскерова – достаточно вспомнить роман «Сорок лет Чанжоэ», в котором воссоздана альтернативная версия некоего вневременного бытия России, синтезирующего имперские черты и явное дальневосточное влияние. В романе «Пространство Готлиба», на фоне переплетения реального и параллельного миров, наличия волшебных предметов, игры со временем, перемещений в пространстве, разворачивается история любви двух инвалидов, воплощенная в рамках эпистолярия влюбленных. Сразу оговоримся, что Липскеров, в отличие от других авторов романов альтернативной истории не эксплуатирует переломные моменты исторического развития России (Вторую мировую войну или Октябрьскую революцию), но создаёт собственную альтернативную историю посредством введения

истории «метрической войны» между Россией и коалицией Япония-Греция. Смысл этой абсурдной войны сводится к тому, что Япония в союзе с Грецией хочет перевести Россию на новую систему измерений во всех сферах жизни: вместо привычных для россиян аршина, версты, меры, пуда и т. д., ввести в науку и быт сантиметры, метры, литры, килограммы и т. п. Война же, несмотря на свою нелепость, становится в романе не менее кровопролитной, нежели Вторая мировая – затронута национальное достоинство русских, их система измерений, являющаяся предметом гордости. Придумавшим же и новую систему измерений и неприемлемое для России пражестороннее движение, является россиянин Прохор Поддонный: «– Милые мои сынки! – произнес напутственную речь генерал-полковник. – Есть еще людишки в этом мире, которым не нравится мерить нашим аршином! Да что в мире!.. И наша землячка уродила мелкую дрянь, которая хочет измерить наши просторы европейским метром и агитирует русский народ наливать в стакан граммы! От этой нечисти и свалилось на страну огромное бедствие – война с басурманами и кузнецами олимпийских колец! – Генерал сделал паузу <...>. – На вас, сынки, на ваши тренированные плечи возлагается это нелегкое задание – выудить из вражеского тыла поганку Поддонного! Мы провезем мерзавца по всей стране в медвежьей клетке, как когда-то возили Емельку Пугачева, и позволим населению плевать в Прошкину поганую физиономию! А потом соберемся всем миром на Красной площади и обновим Лобное место свежей кровушкой изменника» [7, с. 188]. Именно здесь в создании непонятной, абсурдной войны и разворачивается основная альтернативная история в романе, однако неизвестно, в какой переломный момент настоящей, реальной истории России и всего мирового сообщества эта война начинается: то ли уже после Второй Мировой, когда Сахалин и все Курильские острова были во владении России, то ли до неё, поскольку год происходящего не указан, предметные или исторические детали в повествовании отсутствуют, но фигурируют лишь числа и месяцы. Это позволяет усомниться в том, что роман вообще справедливо относить к альтернативной истории, однако одновременно текст насыщен отнюдь не вымышленными топографическими названиями (Москва, Питер, Япония, Греция, Старый Арбат, Маньчжурия, Арабские Эмираты, Париж и др.). Кроме того, действие происходит в реальном времени и с реальными разумными людьми, что в свою очередь позволяет говорить о «Пространстве Готлиба» как романе альтернативной истории, исходя из допущения, что было бы, если бы не было СССР, но осталась Россия, пусть не царская, но федеративная, и что если не немцы, а японцы вторглись на её территорию, хотя и по весьма абсурдной причине.

Другая сюжетная линия, описывающая альтернативную историю России, разворачивается в параллельном реальному (с метрической войной) мире. Вводя ставший традиционным для его творчества фантастический элемент, Липскеров описывает историю этой другой России, предлагая в качестве нарратора жука-паразита, поселившегося на теле главного героя,

живущего в реальном мире. При этом жук был в прошлой жизни неродным сыном российского императора, который выгнал его из страны по политическим причинам. И в этом параллельном мире вся история России вроде бы соответствует истории реальной, однако сама Россия, а точнее её размеры, никак с реальностью не сходятся: «– Это очень старое кафе, – сказал я. – В него приходят только знатоки... Как там, в России?»

– Все по-прежнему, – ответил Ахмед, запивая очередную устрицу вином. – *Мне нравится быть здесь, в Париже! Все-таки огромный город, больше, чем вся Россия, вместе взятая! Обратно, цивилизация!..»* [7, с. 335–336; курсив наш. – Г.М., О.О.].

Кроме того, не понятно опять-таки, где именно в параллельном мире происходит переломный момент, и какие глобальные обстоятельства привели другую Россию к её весьма скромному положению в мировом сообществе. Другими словами, в романе сосуществуют две реальности, и в каждой из них существуют две принципиально разные России: одна огромная, ведущая борьбу с японцами в метрической войне, вторая крохотная, ни с кем не воюющая, находящаяся где-то рядом с Арабскими Эмиратами. Соединение же этих миров происходит благодаря магическому предмету, изобретенному учёным Готлибом: с помощью волшебного сосуда люди могут перемещаться в пространстве и во времени, а также менять, либо перестраивать жизни друг друга. Так, жук, ещё будучи человеком, случайно посредством данного сосуда, через пространство и время ранит главного героя и тот становится инвалидом в реальной жизни, что знаменует, кстати, типичную для прозы Липскерова игру со временем – оба мира переплетаются, меняют, влияют друг на друга, сливаясь к финалу в единую цельную картину принципиально иного – третьего – универсума. Очевидно, таким образом, что сочетая жанр альтернативной истории, элементы фантастики и абсурда, Липскеров создаёт особое пространство, синтезирующее и реальную историю России, и вымышленную войну, и магические предметы, в связи с чем «Пространство Готлиба» можно считать модификацией жанра альтернативной истории и условно обозначить как «псевдоальтернативный» роман.

В заключение отметим, что жанр романа альтернативной истории в 1990–2000-е годы, обнаруживая потенциальные жанровые возможности, продолжает активно развиваться, не заменяя полностью роман-антиутопию, но дополняя его, совмещая альтернативное начало с антиутопическим, поскольку альтернативная действительность, создаваемая автором того или иного текста, нередко является антиутопическим миром. Примечательны в этом контексте созданный под очевидным влиянием Набоковской «Ады» «Укус ангела» П. Крусанова, а также ориентированные на массовую литературу переосмысливающие итоги Второй мировой войны романы А. Лазарчука, допускающие пересечения с реалиями XX века, а либерализацию нацистского режима рассматривающие как отражение со-

ветской десталинизации конца 1950-х–начала 1960-х годов («Все, способные держать оружие...»), и О. Чигиринской, описывающей отъединенное от России пространство, на роль которого идеально подошел Крым как зеркало российских перемен («Ваше благородие»).

Список литературы

1. Ануфриев А.Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX в.: Эволюция, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002.
2. Витенберг Б. Игры коррективщиков (Заметки на полях «альтернативных историй»). – [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/vit21.html> (дата обращения: 01.07.2013).
3. Войнович В. Москва 2042. – М.: Эксмо, 2009.
4. Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: дис. ... д-ра филол. наук. – Самара, 2009.
5. Лазаренко О.В. Русская литературная антиутопия 1900-х – первой половины 1930-х годов: Проблемы жанра: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1997.
6. Ланин Б.А. Антиутопия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 2003. – Стлб. 39.
7. Липскеров Д.М. Пространство Готлиба. – М.: Астрель, 2008.
8. Толстая Т.Н. Река Оккервиль. Рассказы. – М.: Подкова, Эксмо-Пресс, 2003.

Мотив пути в романе Ю. В. Бондарева «Берег»

В статье рассматривается мотив пути как один из устойчивых мотивов романа Ю.В. Бондарева «Берег», актуализируется онтологическое значение выбора пути и духовного самоопределения личности.

The article dwells on the motif of the way as one of the steady motives in the Y.V. Bondarev's novel "The Riverbank", actualizing the ontological meaning of the choice of the way and spiritual self-determination of a person.

Ключевые слова: мотив пути, память, поиск истины, смысл жизни, духовно-нравственные искания.

Key words: the motif of the way, memory, searching for truth, the meaning of life, spiritual searches.

Мотив пути, традиционный для русской литературы, является одним из устойчивых мотивов романа Ю.В. Бондарева «Берег». Он возникает уже в самом начале произведения: «Воздушный лайнер гудел реактивными двигателями на высоте девяти тысяч метров, ... а где-то в белой глубине ... оставалась как бы потерянная земля» [2, с. 5]. Здесь это пока еще конкретная реальность изображаемого пространства: советские литераторы Никитин и Самсонов летят в Германию, чтобы принять участие в дискуссии «Писатель и современная цивилизация». Главному герою романа, Вадиму Никитину, участнику Великой Отечественной войны, а ныне известному писателю, не впервые приходилось участвовать в дискуссиях за границей, однако путь в Германию станет для героя отправной точкой, вернувшей его в военное прошлое.

Русских и немцев связывают трагические годы Великой Отечественной войны. Память о них, ответственность перед погибшими Никитин пронесет через всю свою жизнь. Символично, что один из его романов о войне называется «Дорога назад». Спустя четверть века после Победы Никитин помнит своего лучшего друга Андрея Княжко и всех солдат и офицеров, с которыми его связали фронтовые дороги: «Мне порой до тоски не хватает людей, с которыми я встречался на войне... Мы были как братья в одной семье... Прошло много лет, и я почувствовал, что людей лучше тех я потом не встречал» [2, с. 361]. Находясь в Гамбурге, Никитин замечает, что большинство немцев не хочет «беспокоить себя, усугублять комплекс вины» [2, с. 70], старается не вспоминать о прошлых поражениях и рассказывать о них своим детям и внукам. К примеру, герой наблюдает, как немецкий мальчик спокойно, без каких-либо эмоций гуляет около памятника

погибшим во время второй мировой войны немцам, бесцеремонно ходит вокруг по каменным плитам, «балансируя, как на спортивной площадке» [2, с. 30].

По мнению Ю.В. Бондарева, стремление зачеркнуть прошлое может привести к трагедии. Так, трагичен образ хозяина кабачка «Веселая сова» немца Алекса, который во время войны находился в концлагере, а теперь закрывается от воспоминаний о своем военном прошлом, надев на себя маску вечного оптимиста. Алекс проповедует гедонизм как единственно приемлемую форму существования человека. Наблюдения Никитина, сделанные им на экскурсии по Гамбургу, наталкивают героя на мысль о том, что жизненные принципы Алекса не единичны, они широко распространены на Западе, имеют массовый характер. В своем кабачке Алекс стремится уничтожить время, создать мирок, в котором все подчинено удовлетворению только плотских потребностей. Однако клоунская маска героя создает лишь иллюзию безмятежного существования. Интерьер «Веселой совы», придуманный самим хозяином кабачка: «изуродованная пишущая машинка», «обезображенные, вывороченные клавиши пианино» [2, с. 338], – становится отражением внутреннего состояния его исковерканной, поломанной души.

По мере развития действия путь становится не только фоном, на котором разворачиваются события, но и местом, где, по словам М.М. Бахтина, «могут случайно встретиться те, кто ... разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы» [1, с. 391]. В последние дни войны в немецком городке Кенигсдорф «пересекаются в одной временной точке» [1, с. 391] пути Вадима Никитина и немки Эммы Герберт, происходит зарождение любви между людьми, принадлежащими к воюющим сторонам.

Впервые столкнувшись с русскими солдатами, Эмма пережила целую гамму чувств: это и страх за свою жизнь и жизнь брата, и робость, и благодарность, переросшая в любовь к русскому лейтенанту Вадиму Никитину, спасшему ее от насилия. Эмма искренна в своих чувствах, в ее словах и поступках нет фальши, нет ни малейшего притворства. Любви Эммы и Никитина было суждено пройти много испытаний. Сама мысль о том, что Эмма немка, а он русский офицер, будет постоянно мучить Никитина: «Она была там, во враждебном мире, ... на другом берегу, за разверстой пропастью, а он был на этом берегу, залитом кровью, и ничто не давало ему права, ничто не позволяло ему хотя бы на минуту забыть все и перекинуть жердочку на ту опасную противоположную сторону» [2, с. 182]. Но несмотря на все запреты любовь сотворила чудо и соединила эти противоположные стороны.

Самым важным моментом испытания чувств героев стала гибель Княжко. Она явилась для Никитина сильнейшим потрясением. После гибели Княжко на первый план в романе выходит мотив нравственного пре-

дательства, нарастает психологическая напряженность повествования. У Никитина вновь возникнут мысли о своем предательстве, даже вине, а к Эмме он испытает такую сильную неприязнь, что грубо будет прогонять ее, считая и ее виновницей случившейся беды: «У тебя печаль? Какая? Ты, может, скажешь, что тебе жалко русского офицера? Ну, что тебе до него? Что? И какое отношение ты имеешь ко мне? Я сказал тебе – уходи» [2, с. 241]. На эти грубые обличающие слова любимого Эмма ответит таким «страстным порыв сочувствия», такой мольбой, которая окончательно выведет Никитина «из бредового отчаяния одиночества» [2, с. 241].

Героям удастся провести вместе всего несколько дней, обстоятельства разведут их пути на десятки лет, но любовь Эммы к русскому лейтенанту останется такой же сильной и чистой, какой она была в мае 1945 года. Весь смысл ее жизни был в ожидании, в надежде встречи с любимым. Вадим Никитин тоже сохранил в своей душе самые светлые воспоминания о первой любви, хотя его чувства в бурное послевоенное время заслонились другими переживаниями и событиями.

Встретившись в Гамбурге, Эмма и Вадим постоянно ощущают связь друг с другом, как будто их души соединены невидимыми нитями. Даже в кабачке «Веселая сова», где джаз «отбивал апокалипсические ритмы» и все происходящее вокруг напоминало вакханалию, не прерывается разговор их сердец. Эмма и Вадим не произносят вслух ни одного слова. Они понимают друг друга без слов и без слов вспоминают о том самом сокровенном, что было в их жизни двадцать шесть лет назад. Следует заметить, что у героев нет и намек на возможную физическую близость. Они целомудренны не только в словах, движениях, но и в мыслях.

Эмма и Вадим расстаются в аэропорту, в месте, где пересекаются и расходятся пути многих людей, и у Никитина мелькнет мысль, будто «оба они жили на разных планетах, случайно встретившись в момент их враждебного столкновения, на тысячную долю секунды, вероятно, счастливо, как бывает в юности, увидев друг друга вблизи, – и со страшными разрушениями планеты вновь оттолкнулись, разошлись, вращаясь в противоположных направлениях галактики среди утвержденного уже мира» [2, с. 367].

Прощаясь, Никитин увидит «разъятые до пронизывающей синевы, будто подставленные ужасу глаза» [2, с. 372] Эммы, услышит ее полный боли вскрик и почувствует, «как воткнутая железными краями пружинка в груди, распрямляясь, подрезает и сбивает дыхание» [2, с. 370]. Никитин видит свою вину перед Эммой в том, что он оставил ее угасать в безвыходном одиночестве. Нравственная привлекательность героя в том и состоит, что он способен сострадать ближнему до сердечных спазмов, которые стоят ему жизни.

Постепенно мотив пути в романе «Берег» приобретает онтологическое значение, смыкается с проблемой самоопределения личности, ее духовно-нравственных исканий. Определяя своеобразие проблематики своего ро-

мана, Ю.В. Бондарев отмечал: «Берег» – это книга о поисках смысла жизни через познание истины современного бытия» [3, с. 248].

Поиски смысла жизни, стремление к самопознанию и постижению мира, духовная причастность бытию отличают главного героя произведения Вадима Никитина. В последней главе романа на первый план выдвигается сознание героя с его нескончаемой динамикой и психологическими нюансами. Никитин пытается понять, что такое человек и в чем смысл его жизни, его предназначение, и приходит к мысли о бесконечности процесса познания, о том, что стремясь «найти истину», он «ощутил только момент истины», уловил лишь мгновения «какого-то смысла жизни» [2, с. 386].

Вся жизнь Никитина представляет собой этапы пути, вехи постоянного движения вперед, поэтому глубоко символично то, что земной путь героя завершается именно в дороге. Совершая перелет из Германии в Россию, Никитин находится как бы на горизонтальной линии, соединяющей две страны. Однако в момент смерти его душа вырывается из этой двухзвеньевой цепи и поднимается вверх, тем самым заменяя горизонталь вертикалью противостояния неба и земли.

Последние минуты жизни Никитина – это миг слияния прошлого, настоящего и будущего, который ощущается и осознается героем как высшее счастье. В финале романа Никитин медленно плывет (вновь движется) «к тому берегу, зеленому, обетованному, солнечному, который обещал ему всю жизнь впереди» [2, с. 396]. Закончился лишь один жизненный этап героя, но Никитин предчувствует, что жизнь не ограничена пределами земного существования, поскольку душа человека бессмертна.

Итак, мотив пути является сквозным мотивом романа Ю.В. Бондарева «Берег». Путь в нем – это не только фон, на котором происходит действие в произведении, не только место пересечения судеб персонажей, но и непрерывное, порой мучительное движение главного героя в поисках истины и смысла жизни.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975.
2. Бондарев Ю.В. Берег: Роман. – М.: Сов. Россия, 1986.
3. Бондарев Ю.В. Поиск истины. – М.: Современник, 1979.

«Птичьим языком»: поэтика звука в поэзии Иосифа Бродского

В статье на материале корпуса лирических произведений Иосифа Бродского рассматриваются темы, мотивы и образы, связанные со звуком, а также выявляются особенности их функционирования в поэтическом мире и на уровне композиции поэтических текстов.

The article deals with acoustic themes, motives and images of Brodsky's poetry, as well as the peculiarities of their functioning in poetic world and at the level of the composition of the poetic works which is illustrated in the example of the analysis of Brodsky's poems.

Ключевые слова: Иосиф Бродский, акустические темы, мотивы и образы, композиция лирического произведения.

Key words: Joseph Brodsky, acoustic themes, motives and images, the composition of lyrics.

Исследованию акустических тем, мотивов и образов в творчестве Бродского посвящено немало работ. Е.М. Петрушанская в книге «Музыкальный мир Иосифа Бродского» погружает читателя в музыкальный словарь поэта в главе «Система мира в образах звука» [4, с. 79 – 114]. Помимо лексики и образов, связанных с музыкой, исследователь рассматривает повышение и понижение звука, а также образ тишины в творчестве поэта. О.И. Глазунова в исследовании «Иосиф Бродский: американский дневник. О стихотворениях, написанных в эмиграции» [3] рассматривает звуковые метафоры и символы в поэзии Бродского, их пересечения со зрительными образами, но на материале лишь части стихотворений.

Сам Бродский не раз говорил о том, какое значение звуковая сторона и поэзии, и жизни имеет для поэта: «Поэт работает с голоса, со звука. Содержание для него не так важно, как это принято думать» [2, с. 172], «<...> поэту постоянно приходится забираться туда, где до него никто не бывал, – интеллектуально, психологически и лексически. Попав туда, он обнаруживает, что рядом действительно никого нет, кроме, возможно, исходного значения слова или того начального различимого звука» [1]. О важных для человека типах восприятия Бродский говорит в стихотворении «Памяти Т.Б.»: «...тело – незримось; душа, быть может, / зренье и слух» [5, II, с. 234].

Мы поставили цель выявить, по каким законам звук существует в поэтическом мире Бродского и как «работают» темы, мотивы и образы, связанные со звуком, на уровне композиции лирических произведений.

В текстах, созданных в период с 1957 по 1996 год и вошедших в семи-томник «Сочинения Иосифа Бродского» [5], нами выявлено 1356 словоупотреблений, имеющих в составе звуковую сему. Это самая многочисленная из всех групп, связанных с различными типами восприятия. При этом мы не включали в выборку лексемы, относящиеся к речевой деятельности, например, «говорить, высказываться», а также реплики персонажей в целом, поскольку они делают акцент скорее на смысле сказанного, чем на его звучании.

Прежде всего, опираясь на тексты стихотворений, познакомимся со звуком в авторском понимании. И сразу натываемся на двойственную природу этого самого звука. С одной стороны, он объясняется с точки зрения физики: «Всякий звук, будь то пенье, шепот, дутье в дуду, – / следствие тренья вещи о собственную среду» [5, IV, с. 95]. Но с другой стороны, звук становится взаимным дополнением не-звука: «Звук – форма продолженья тишины, / подобье развевающейся ленты» [5, II, с. 325]. Причем тишина – явление всеобъемлющее. Звук продолжает какую-то часть тишины, но он же одновременно сосуществует с этой тишиной: «И звук поплыл, вплетаясь в тишину, / вдогонку удалявшейся корме» [5, II, с. 327]. Продолжением и одновременно хранителем звука является эхо: «Как эхо, продолжающее звуки, / стремясь их от забвения спасти» [5, II, с. 272]. А продолжением эха вновь становится тишина: «когда мой голос отзвучит / настолько, что ни отклика, ни эха» [5, II, с. 45]. Получается замкнутый круг тишины, в котором зарождаются и длятся звуки, потом становятся эхом, гаснут, и вновь воцаряется тишина. Отсутствие звука может восприниматься двояко – угнетающе или освобождающе: «и молчанье не знает по году, / то ли ужас питает оно, / то ли сердцу внушает свободу» [5, I, с. 245]. Сходную мысль автор вкладывает в уста спорящих Горбунова и Горчакова в одноименной поэме: «"А все-таки приятна тишина". / "Страшнее, чем анафема с амво-на"» [5, II, с. 264].

Возникает аналогия между тишиной с возникающим в ней звуком и образом белого листа бумаги с возникающими на нем черными символами. Белый цвет – пустота, но и некая творческая потенция для черного, который сродни заполняющему лист шрифту, – самому творчеству. Так и тишина – это и отсутствие звука, и потенция любого звучания, будь то звучание объекта, события, жизни, творчества.

Автор говорит и о физической природе эха: оно возникает, когда звук встречает преграду: «Это только для звука пространство всегда помеха: / глаз не посетует на недостаток эха» [5, III, с. 131]. Но по ходу объяснений механизм возникновения эха дополняется элементами метафизики, например, возникают понятия «чистое время», «апофеоз звука»: «Ибо в чистом времени нет преград, / порождающих эхо» [5, III, с. 90]; «по небосводу, где / нет эха, где пахнет апофеозом / звука, особенно в октябре» [5, III, с. 105].

Звук в обобщенном смысле обладает рядом характеристик и свойств. Например, в огне звук разгорается и начинает гудеть: «Гори сильней. Ведь каждый звук в огне / бушует так, как некий дух в бутылке» [5, II, с. 110 – 111].

Звук обладает долей самостоятельности и порой существует автономно от человека или – парадокс – от кого-то воспринимающего его: «В холодное время года нормальный звук / предпочитает тепло гортани капризам эха» [5, III, с. 158] или «Звук отрицает себя, слова и / слух» [5, III, с. 45]. Об органе слуха автор тоже упоминает и опять же в связи с феноменом времени: «старение есть отрастанье органа / слуха, рассчитанного на молчание» [5, III, с. 17]. С возрастом лирический герой не вслушивается в звуки внешнего мира, а позволяет себе сосредоточиться на звучании мира внутреннего, духовного. Звук чаще других раздражителей органов чувств оказывается связан со временем: именно во времени он существует, длится. Но есть и другой вид связи звука и времени, более тесный, более образный: «Потусторонний звук? Но то шуршит песок, / пустыни талисман, в моих часах песочных» [5, IV, с. 110].

Особые отношения складываются друг с другом у частных выражения звука: у чистого звука, шума, песни, напева, крика, с одной стороны и у наиболее содержательно наполненной стороны звука – речью, с другой. На звуковом спектре есть как четкие границы между видами выражения звука, так и размытые участки: «мой слух об эту пору пропускает: / не музыку еще, уже не шум» [5, II, с. 225]. В определенной ситуации, при отрицательной коннотации крик оказывается более громким, звонким, чем песня: «Песня, как ни звонка, глуше, чем крик от горя» [5, II, с. 17]. Чистые не наполненные смыслом звуки звучат громче речи: «а после в разговор вмешались звуки, / сливавшиеся с речью поначалу, / но вскоре – заглушившие ее» [5, II, с. 167]. И предпочтение отдается именно звучанию, не наполненному смыслом: «Трудным для подражанья / птичкиным языком. / Лишь бы без содержанья» [5, IV, с. 18]. «Птичкий язык» становится высшим видом творчества в стихотворении «Прощальная ода» [5, II, с. 14 – 19], где щебет дается герою на просьбу о даре песни, достойной его потерянной возлюбленной, а также в стихотворении «Осенний крик ястреба» [5, III, с. 103 – 106].

Доминирование бессодержательного звука над обремененным содержанием как особенность существования звука в поэтическом мире объясняется чуткостью слуха воспринимающего: «Дело, наверно, было / в идеальной акустике, связанной с архитектурой, / либо – в твоём вмешательстве; в склонности вообще / абсолютного слуха к нечленораздельным звукам» [5, IV, с. 84]. Даже неприятный слуху звук оказывается предпочтительнее тишины, молчания: «Но даже режущий ухо звук / лучше безмолвных мук» [5, II, с. 219]. Порой лишь бессодержательный звук может быть услышан: «Я слышу не то, что ты мне говоришь, а голос» [5, IV,

с. 78]; «И зачем мой слух / уже не отличает лжи от правды, / а требует каких-то новых слов, / неведомых тебе – глухих, чужих, / но быть произнесенными могущих, / как прежде, только голосом твоим [5, II, с. 249]. Способной на эти неведомые «глухие слова» помимо лирического героя оказывается только его возлюбленная. Ей же принадлежит прерогатива создания органа слуха героя, его способности и умения вслушиваться, а сам герой является лишь творением: «Это ты, горяча, / ошую, одесную / раковину ушную / мне творила, шепча» [5, III, с. 226].

Порой звук выступает в несвойственной ему ипостаси – он становится картиной, изображающей того, кто звук издает: «Жужжанье мухи, / увязшей в липучке, – не голос муки, / но попытка автопортрета в звуке / "ж"» [5, III, с. 221].

Появляется связь «творение-звучание»: возникая в этом мире, существо получает способность слышать и издавать звук, и самого себя в этом звуке запечатлевает. Творение становится творцом.

Зачастую слух сравнивается со зрением и противопоставляется ему, и преимущества получает то одно, то другое: «слуху зренье не чета, / ибо время – область фраз, / а пространство – пища глаз» [5, II, с. 227]; «Звук уступает свету не в / скорости, но в вещах» [5, III, с. 176]; «Но, устремляясь ввысь, / звук скидывает балласт: / сколько в зеркало не смотришь, / оно эха не даст» [5, III, с. 177]. При всем взаимном соперничестве слух и зрение дополняют друг друга. Когда оказывается бессилён один из этих способов восприятия, второй функционирует интенсивнее: «но, знаете, когда лица не видно, / чуть-чуть острее воспринимаешь голос» [5, II, с. 293]; «в ночную пору то звучит, / что нужно им и нам скрывать» [5, I, с. 240]. При этом звук как раздражитель слуха и свет как раздражитель зрения в конце концов рождаются в своей оторванности от человека: «Оба счастливы только вне / тела. Вдали от нас» [5, III, с. 176].

Из текстов мы знаем, что со временем ожидает звук голоса, что с ним случится: «Так, с годами, улики становятся важнее преступления, дни – / интересней, чем жизнь; так знаками препинания / заменяется голос» [5, IV, с. 171]. Речь идет о паузах и интонациях, которые создают в потоке речи знаки препинания, То есть со временем звук голоса превратится в условные графические изображения, в текст. Устное творение станет письменным.

Чтобы понять, какую роль играет звук и звуковые темы, мотивы и образы на уровне композиции лирических произведений, рассмотрим несколько текстов. Звук часто играет роль детали, участвующей в создании экспозиции. Именно такую функцию звуковые образы выполняют в стихотворении «Раньше здесь щебетал щегол» [5, III, с. 264]: «Раньше здесь щебетал щегол / в клетке. Скрипела дверь./ Четко вплетался мужской глагол / в шелест платья» [5, III, с. 264]. Перед читателем предстает помещение, где раньше торжествовала жизнь, зарождалось чувство. На звуковом фундаменте выстраивается корпус стихотворения. Но на этом функции звуковых

образов не заканчиваются. По ходу текста разворачивается описание нынешнего состояния этого квадрата стен:

Знающий цену себе квадрат,
видя вещей разброд,
не оплакивает утрат;
ровно наоборот:
празднует прямоту угла,
желтую рвань газет,
мусор, будучи догола,
до обоев раздет [5, III, с. 264].

Интерьер удручает, но «пространству вонь / небытия к лицу» [5, III, с. 264]. Обесчеловеченное, а оттого – обеззвученное, пространство привлекательно, по мнению автора. Но оно может позволить себе погрузиться в тишину забвения, потому что уже стало местом появления новой жизни. В финале стихотворения семантическое кольцо защелкивается на двойной замок: «мужской глагол», сплетающийся с шелестом платья, смыкается с упоминанием о двоих в конце текста, а звуки, обозначающие кипение жизни, в начале текста перекликаются с появлением новой жизни в последнем стихе и уже вначале предсказывают ее. А скрип двери будто бы украдкой заменяется упоминанием дверного проема, как границы двух пространств – внешнего и внутреннего: «Только дверной проем / знает: двое, войдя сюда, / вышли назад втроем» [5, III, с. 264]. Более очевидное «звуковое» кольцо возникает в стихотворении «Точка всегда обозримей в конце прямой» [5, III, с. 251]. В тексте рядом с акустическим образом, подтверждая наше наблюдение, оказывается образ, связанный со зрением: «Веко хватает пространство, как воздух – жабра. / Изо рта, сказавшего все, кроме "Боже мой", / вырывается с шумом абракадабра» [5, III, с. 251].

И вновь звук обесценивается смыслом. Все, кроме упоминания Господа, бессмысленно, непонятно, беспорядочно и суетно. Еще больше обесценивается речь в финальном катрене стихотворения: «Дальше ехать некуда. Дальше не / отличить златоуста от златоротца» [5, III с. 251]. Языковая игра превращает златоуста, красноречивого оратора, в золоторотца – бродягу и оборванца, уравнивает их. С другой стороны, та же языковая игра превращает уста –местилище слов, в рот –местилище еды.

Финальные стихи замыкают акустическое кольцо. Помимо этого рядом со звуком упоминается время, чем подтверждается еще одно вышеупомянутое наблюдение: «И будильник так тикает в тишине, / точно дом через десять минут взорвется» [5, IV, с. 97]. Звук неумолимо идущего времени – единственное, что оглашает тишину комнаты, единственное, что оглашает вообще тишину.

«Я проснулся от крика чаек в Дублине» [5, IV, с. 97] – стихотворение, относящееся к позднему периоду творчества Бродского. В первом же стихе возникает тема звучания, причем звучания резкого, пробуждающего лирического героя ото сна: «На рассвете их голоса звучали / как души, которые

так загублены, / что не испытывают печали» [5, IV, с. 97]. Рядом со звуком вновь оказывается зрение. Возникает и тут же перестает существовать, отрицаемое образом брайлевского алфавита, алфавита слепых, который не может быть прочитан, потому что осязать его невозможно из-за стекла, разделяющего лирического героя и надпись: «Облака шли над морем в четыре яруса, / точно театр навстречу драме, / набирая брайлем постскриптум ярости / и беспомощности в остекленевшей раме» [5, IV, с. 97]. Слов, наполненных смыслом, не существует, потому что напечатанные и написанные слова не могут быть прочитаны – зрение отсутствует, слова, написанные брайлевским алфавитом, каплями дождя, не могут быть почувствованы. К лирическому герою приходит осознание: «И я вздрогнул: я – дума, вернее – возле» [5, IV, с. 97]. Почему возле? Потому что дума предполагает хоть какую-то формулировку, смысл облекается в форму, а до этого герой оказался вне слов. Поэтому остается искать себя в одной из крайностей: в звуке, лишенном смысла, или в застывшей тишине, также бессмысленной: «Жизнь на три четверти – узнавание / себя в нечленораздельном вопле / или в полной окаменелости [5, IV, с. 97].

В финале стихотворения следует смена точки зрения. Если ранее рассуждение велось от лица лирического героя, некоего я, то в конце герой самоустраняется, заранее говоря о себе в прошедшем времени: «Я был в городе, где, не сумев родиться, / я еще мог бы, набравшись смелости, / умереть, но не заблудиться [5, IV с. 97].

От пары человек и звук, человек, ищущий себя в звуке и издающий звук, остается только чистый звук, лишившийся человека. Отделяясь от человека, звук очищается и от смыслов, вносимых людьми, от положительных и отрицательных эмоций, и от грамматики, и от языка, становясь не обремененной ничем посторонним чистой нотой:

Крики дублинских чаек! конец грамматики,
примечание звука к попыткам справиться
с воздухом, с примесью чувств праматери,
обнаруживающей измену праотца –
раздирали клювами слух, как занавес,
требуя опустить длинноты,
буквы вообще, и начать монолог свой заново
с чистой бесчеловечной ноты [5, IV, с. 97].

Данный текст подтверждает наше наблюдение о том, что человек «вреден» звуку, он искажает его своими эмоциями и смыслами, которые он облекает в этот звук. Поэтому «бесчеловечный» звук, будь то даже резкий крик птиц, чище любого звука, связанного с человеком. Композиция стихотворения закольцована, словно эхом, криком чаек. Именно этот повторяющийся звук объясняет, что лексема «проснулся» в отношении лирического героя означает не просто выход из состояния сна, а осознание природы звука и природы человека, начиная еще с праматери и праотца.

Теперь становится понятно, почему появилось на свет стихотворение о тайне поэтического творчества: «Тихотворение мое, мое немое» [5, III, с. 136]. Немое стихотворение, судя по законам поэтического мира Бродского, окажется самым «чистым», искренним, и более говорящим. Поэтому характеризуется оно: «однако, тяглое – на страх поводьям» [5, III, с. 136]. Оно честнее любого стихотворения будет служить тому, ради чего было создано. Вновь рядом со звуковым образом, оправдывая тенденцию, появляется зрительный образ, конкретизирующийся до цветового: «Как поздно за полночь ища глазунию / луны за шторою зажженной спичкою, / вручную стряхиваешь пыль безумия / с осколков желтого оскала в писчую» [5, III, с. 136].

Потому автор и говорит «ломоть отрезанный, тихотворение» [5, III, с. 136], что такой «немой» текст не родня всем кричащим, говорящим и потому невнятным произведениям. Тихотворение, словно лирический герой, и словно сам автор – изгой, настаивающий на своей немоте, на своей принадлежности к чистому звуку и честно тянущий свою ляжку.

Подведем итоги всему, сказанному выше.

Звуковые темы, мотивы и образы в поэтических текстах Бродского являются частотными. Нами выявлено 1356 словоупотреблений, связанных со звуком. Лексемы, связанные с речью, а также реплики персонажей не рассматривались, так как в них акцент сделан не на звуковой, а на смысловой составляющей.

Звук в поэтическом мире Бродского имеет двойственную природу: физическую и метафизическую. Первая проявляется в рождении звука при трении вещи об окружающую среду. Второе – в связи его со временем. Звук, с одной стороны, существует во времени, с другой стороны он сам отсчитывает время, что проявляется в образах хода механических часов или шуршания песка в теле песочных часов.

Звук в своем существовании проходит определенные этапы: в царящей тишине он зарождается, длится, при встрече преграды становится эхом, которое выступает как хранитель звука, затем затихает. Тишина тоже амбивалентна: она освобождает от засилья звуков, но она же внушает ужас.

Лирический герой, получивший при прикосновении возлюбленной возможность воспринимать звуки, становится способным на воплощение себя в звуке, как и все живое воплощается звуча. Творение становится творцом благодаря звуку.

Звук и зрительная информация, слух и зрение в поэтическом мире Бродского идут рука об руку, дополняя друг друга. Если одно из этих чувств пропадает, второе обостряется. Но и слух, и зрение выигрывают при автономности, оторванности от человека.

Звук, не обремененный содержанием, звучит громче и чище, чем звук с примесью человеческих эмоций или звук под грузом смысла. Смысл обесценивает звук, превращая его в абракадабру. Единственное слово име-

ет право на существование, то, которое было в начале. Бессодержательный «птичий язык» оказывается честнее речи. Вершиной поэтического воплощения звука – парадоксальное «немое тихотворение», текст об отсутствии самого текста, озвученного смысла. Но при этом звук, даже самый резкий, лучше абсолютного безмолвия. Хотя со временем, к старости, человек более склонен к тишине, чем к звуку.

На уровне композиции лирических произведений звуковые темы, мотивы и образы участвуют в создании экспозиции произведения, выполняют функции тематического стержня, помогают организовать семантическое кольцо. Отдельные тексты, несущие в себе вышеупомянутые темы, мотивы и образы, объединяются в метатекст, благодаря которому можно установить законы и особенности существования звука в поэтическом мире Бродского и проследить путь звука от физического к метафизическому.

Список литературы

1. Бродский И. Скорбь и разум (Из книги эссе. Пер. с англ. Е. Касаткиной) // Иностранная литература. – 1997. – № 10. – [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/inostran/1997/10/brodscy.html>
2. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. – М.: Независимая газета, 2000.
3. Глазунова О.И. Иосиф Бродский: американский дневник. О стихотворениях, написанных в эмиграции. – СПб.: Нестор-История, 2005.
4. Петрушанская Е.М. Музыкальный мир Иосифа Бродского. – СПб.: Звезда, 2007.
5. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001.

Периодическая печать в культуре этноса

В статье рассмотрены вопросы истории якутской журналистики конца XIX – начала XX века, особенности ее развития и роль в общественной и культурной жизни. Показывается, что в этот период завершается эпоха христианизации якутской культуры, журналистика становится инструментом активного влияния на этнокультурное развитие носителей языка.

This article considers the history, the peculiarities of development, public and cultural role of the Yakut journalism in the end of XIX – beginning of the XX century. During this period the era of Christianization of the Yakut culture comes to an end, the national press becomes the instrument of active influence on the ethnocultural development of the native speakers.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), периодическая печать, якутская журналистика, интеллигенция, социокультурная трансформация, национальные издания.

Key words: Republic of Sakha (Yakutia), periodicals, Yakut journalism, intellectuals, sociocultural transformation, national editions.

История якутской периодической печати является частью истории периодической печати Российского государства. В то же время есть и особенности, обусловленные географической отдаленностью от административного и культурно-научного центра бывшей Российской империи и влиянием этнической культуры якутов (самоназвание – саха).

В конце XIX – начале XX века завершается эпоха христианизации якутской культуры, ставшей катализатором процессов социокультурной трансформации якутского общества в контексте демократизации общественной жизни. Одним из наиболее важных факторов этого явления в жизни якутского общества видится зарождение письменности и книгоиздания на якутском языке, возникновение периодической печати. Как справедливо замечает О.Д. Якимов, «национальная пресса является не только составной частью духовной культуры этносов, но и специфическим инструментом активного влияния на этнокультурное развитие носителей языков этой прессы» [20, с. 8].

Якутская периодическая печать развивалась под влиянием и во взаимосвязи с русской журналистикой и литературой, поэтому без учета роли провинциальной печати, в данном случае, якутской, невозможно дать правдивую картину всей истории российской журналистики. Тем более, эпоха рубежа XIX и XX веков, к которой Н. Бердяев применил понятие «русский духовно-культурный ренессанс» [3], была особенным временем и для национальных окраин Российской империи. В контексте развития россий-

ской культуры становится понятным и многое в национальных литературах и журналистике. Мыслящую часть общества волнуют те же идеи и духовные искания, что и русскую интеллигенцию. В России зарождалась особая духовная атмосфера, взаимовлияния и единения культур.

Начало XX века ознаменовалось несколькими событиями, важными для осмысления всего XX века в духовной жизни Якутии. Это написание первого художественного произведения на якутском языке – стихотворения А.Е. Кулаковского «Байанай алгыҕа» («Заклинания Байаная»). Кулаковский Алексей Елисеевич-Ексекулях Елексей (1877 – 1926) – якутский поэт, ученый-просветитель, философ, основоположник письменной якутской литературы. Это произведение было создано, по свидетельству самого автора, в 1900 году и опубликовано впервые в 1923 году в его книге этнографических записок «Материалы для изучения верований якутов» [9]. Эта литературная обработка алгыса, благопожелания духу Байаная – покровителя охоты. «Заклинание Байаная» отражает картины действительной жизни, в которой обилие примет национального быта, пейзаж, национальная психология переданы в национально-специфической форме песнопения» [4, с. 19]. Г.П. Башарин первым из якутских ученых обосновал дату написания «Байанай алгыҕа» как начало отсчета якутской художественной литературы [2]. Позднее такого же мнения придерживались известные якутские литературоведы Н. Заболоцкий, Г. Боескоров, Г. Кардашевский, Е. Шестаков-Эрчимэн, Е. Алексеев и И. Спиридонов [14]. «Байанай алгыҕа» считается, по мнению Г.У. Гермогенова-Эргиса, В.Н. Леонтьева, Н.В. Покатиловой, «первотекстом якутской литературной традиции» [11, с. 29, 37].

Следует отметить, что существуют и иные точки зрения на то, какое произведение называть первым художественным творением на якутском языке. Так, во вступительной статье к книге М.Н. Андросовой-Ионовой «Олонхо, песни, этнографические заметки» (Якутск, 1998) доктор филологических наук Е.И. Коркина приводит мнения Г.В. Ксенофонтова и И.В. Пухова о том, что олонхо «Старик Кюль-Кюль и старуха Силирикээн», написанное по бетлигковской традиции в 1893-94 годах, может быть признано первым якутским художественным произведением. Часть авторов придерживаются более раннего датирования, считая А. Уваровского автором первого произведения на якутском языке («Воспоминания» А.Уваровского были написаны по просьбе академика Бетлинга и опубликованы в 1848 году). Профессор Н. Тобуроков указывал также на существование перевода «Отче наш» на якутском языке в книге Витсена и ряд церковных изданий и фольклорных публикаций. Отмечая эти факты, мы не углубляемся в их проблематику, так как она не является предметом рассмотрения данной работы.

В момент написания «Байанай алгыса» в Якутске не было периодического печатного издания на якутском языке (в изданиях Якутской епархии печатались на якутском языке только церковные или религиозные тексты, например, молитвы). Поэтическое произведение А.Е. Кулаковского не могло быть напечатано на якутском языке и стать доступным для читающей публи-

ки. Только с появлением светской периодической печати становится возможным публикация доступных для широкой аудитории художественных произведений первых профессиональных писателей из якутов.

Именно на рубеже веков художественное творчество и письменная культура становятся неотъемлемой частью общественно-политической жизни Якутской области. По мнению историка В.Н. Иванова, «новая общественно-политическая ситуация в России и особенно события буржуазно-демократической революции 1905 - 1907 годов активизировали национальную интеллигенцию. ... На окраинах России развернулось национально-освободительное движение, направленное против крепостничества и выдвинувшее главным образом демократические требования» [6, с. 84].

Прежде чем говорить о развитии словесности, следует, хотя бы в самых общих чертах, представить себе, как была организована общественная жизнь Якутии того времени и в каком состоянии находилась тогда якутская культура и письменность. Традиционная культура коренных народов Якутии во второй половине XIX века претерпевала известную модернизацию, связанную, прежде всего, с расширяющимися контактами местного населения с культурой России, влиянием православия.

Весь XIX век можно, на наш взгляд, рассматривать как прелюдию к достижениям в духовной жизни якутян в XX веке. Закладывались основы для возникновения и развития печатного слова и расцвета художественной литературы первой четверти XX века. Начиная с 20-х годов XIX века, с первого опыта парламентаризма – Степной думы – начинается постижение якутами политической культуры Российской империи, их активное участие в общественной жизни. Как свидетельствуют документы, Степная дума в 1829 году подписывалась на газету «Московские ведомости» [16]. Потребность в грамотных людях, приобщение к периодической печати, не могли пройти бесследно для развития якутского общества.

Реформы конца 50-х и 70-х годов XIX века заметно активизировали развитие издательской деятельности и журналистики не только в центре, но и в национальных областях. Послабление цензуры, появление в 1865 году новых «временных правил» давали возможность развитию печатного слова.

Грамотная часть населения Якутской области нуждалась в печатном слове, стремилась сотрудничать с сибирскими газетами. Например, в газете «Амур», выходившей в 1860 – 1862 годах в Иркутске, постоянно появлялась информация об общественной жизни г. Якутска. Весьма любопытна статья, опубликованная в № 9 за 31 января 1862 года под заголовком «Общественная жизнь в Якутске» [13]. Находим одно из свидетельств развития литературного творчества среди грамотных людей тогдашнего Якутска и в этой газете. В одном из номеров был опубликован рассказ «Чая» с подзаголовком «Якутская сказка» [12].

Система печати, если говорить о печати как об общественном институте, в Якутской области в целом она по предпосылкам возникновения и задачам, истории не отличалась от общероссийской картины. Но была и

своя специфика – на протяжении некоторого времени единственными печатными периодическими изданиями были церковные издания. Здесь отметим, что печать православной церкви включала периодические издания не только в виде газеты и журнала, но и неперіодические.

«Якутским областным начальством возбужден вопрос об издании вместе с Епархиальными Ведомостями и Областных. Но так как разрешение этого вопроса зависит от высшей власти и требует немало времени, то, по взаимному соглашению г. Начальника области с Его Преосвященством, найдено полезным, для удобнейшего и скорейшего опубликования областных распоряжений, помещать их пока в епархиальном органе под рубрикой Распоряжения областного начальства», – сообщают в заметке «От редакции» «Якутские Епархиальные Ведомости» в № 5 за 1890 год. Газета печатает в этом же номере приказы якутского губернатора и другие материалы областной администрации. В дальнейшем это становится регулярным. Появляются кроме официальных документов губернатора и другие материалы, включая циркуляры окружного полицейского управления, открывается рубрика «Правительственные распоряжения».

О.Д. Якимов пишет: «... Возникнув как ответ на общественную потребность (не одних только церковников и истинно верующих) в клерикальном печатном слове, газета «Якутские Епархиальные Ведомости» и журнал «Голос якутской церкви» представляли собой один из компонентов начинавшей складываться в Якутской области системы печати. К последнему десятилетию XIX века система эта включала два компонента – печать русской православной церкви и издания местной царской администрации периодического и неперіодического характера» [19, с. 44].

8 января 1892 года вышел первый номер «Якутских Областных Ведомостей» – официального органа администрации области. Этот день по праву называется началом официальной правительственной печати в Якутии. Газета выходила два раза в месяц объемом от 4 до 8 полос. В начале 1900-х годов «Якутские Областные Ведомости» стали ежедневно выходить с приложением «Телеграммы Петербургского телеграфного агентства», объемом до четырех полос. Приложение распространялось в розницу в Якутске и также было самокупаемым. Публиковалась обширная информация о событиях в России и сообщения из-за рубежа.

Основное содержание «Якутских Областных Ведомостей» – официальная информация органов управления Российским государством и Якутской областью. Во втором отделе официальной части газеты – циркуляры иркутского генерал-губернатора и его благодарности «за службу» улусным головам, родовым старостам и другим должностным лицам; циркуляры якутского губернатора и его приказы, объявления о «вызове к торгам» и т. п.

Вслед за исследователями истории якутской периодической печати считаем, что система официальной печати Якутской области сложилась только в 90-х годах XIX века. И этот период длится с 16 апреля 1887 года –

выхода первого номера газеты «Якутские Епархиальные Ведомости» до 1907 года – выхода первого номера независимой общественно-политической газеты «Якутский край» («Саха дойдута»). То есть до того периода когда начинается история печати независимой и на двух языках – русском и якутском. При рассмотрении влияния периодической печати на распространение идей просветительства правомерно, на наш взгляд, исходить из этой периодизации.

Таким образом, ко второй половине 1890-х годов в Якутской области по существу сформировалась система официальной периодической печати, включавшая два епархиальных издания «Якутские Епархиальные Ведомости» и «Голос якутской церкви», четыре правительственных – «Памятные книжки Якутской области», «Якутские Областные Ведомости», сначала газету «Якутское хозяйство», а затем журнал под тем же названием. Каждое из этих изданий различных типов, рассчитанных на свою читательскую аудиторию, ставивших перед собой конкретные цели, не только не дублировало другие, но все они взаимодействовали, не противоречили одно другому, действовали в русле общей политики царизма в колониальных окраинах России, в осуществлении которой тесно взаимодействовали государство и церковь.

К официальным изданиям можно отнести и журнал «Якутское хозяйство». Как справедливо отметил О.Д. Якимов, «ссылка редакции на то, что газета «Якутское хозяйство» и журнал под таким же названием издавались «местной агрономической организацией», не дает оснований отнести оба издания к неправительственной периодике. Это были официальные издания – они проводили в своих публикациях политику администрации в области сельского хозяйства, финансировались, пусть частично, из государственного бюджета, и наконец, в качестве издателя выступало должностное лицо областного правления — агроном М.П. Скадченко» [19, с. 64].

Из официальных изданий только церковные вели культурную, проветительскую работу. Чувствовался недостаток культурной информации. Толчком к появлению новых изданий, отвечающих новым потребностям общества, стала первая русская революция 1905-1907 гг. – новый рубеж просветительской деятельности в Якутской области. Возникают национально-культурные объединения, начинает свою работу Инородческий (Якутский) клуб в форме популярных в тогдашней России клубов – народных домов. При клубе работали библиотека, театрально-лекционный зал, воскресная школа, книжная лавка. Огромное влияние имели культурно-просветительные общества «Общество просвещения», «Союз якутов», «Саха аймах» («Якутское племя») и другие. Многие из них ставили задачу обучение грамоте на якутском языке, перевод художественной и другой литературы. Эти общества вели свою работу за счет взносов, пожертвований от правительственных, общественных учреждений и частных лиц, купцов и предпринимателей [1, с. 9 – 13]. С января 1906 года стали ре-

гулярными театральными инсценировками. О значении этого писал Г.У. Эргис: «Богатырский эпос якутов имеет в известной степени значение и в зарождении театрального искусства. Якутская интеллигенция до революции устраивала инсценировки на темы олонхо... Спектакли пользовались успехом у якутской публики» [17, с. 55]. Известно, что это первая попытка объединить людей, занимающихся литературным творчеством. Как пишет Е.П. Антонов, учредителями кружка «Любителей якутской литературы» в 1910 году выступили А.Е. Кулаковский, А.И. Софронов, И.Н. Эверстов, Н.Г. Соловьев, К.М. Стручков. Их целью было собирание народного творчества, переводы книг с русского на якутский язык и обратно, а также издательская деятельность. К сожалению, после долгого ожидания – 11 марта 1912 года Областное присутствие по делам об обществах и союзах отказало в просьбе зарегистрировать устав кружка [1, с. 11].

Общественную жизнь Якутии в начале века характеризовало следующее: стремление сравняться с центральной Россией; понимание того, что Якутия – часть России, что развитие возможно только в составе Российского государства; желание освоить в кратчайшие сроки достижения европейской цивилизации и найти, внести свое «Я» - национальное, местное.

Общество было готово к появлению неофициальной периодической печати и 1 июля 1907 года стала выходить первая в Якутии находившаяся в частных руках общественно-политическая и литературная газета «Якутский край» («Саха дойдута»). Эту дату исследователи журналистики считают началом истории периодической печати на языке саха [18]. «Саха дойдута» по всем признакам классифицируется именно как самостоятельное издание, а не только как публикация отдельных материалов или подборки в русскоязычной газете. Не практиковался перевод статей и материалов «Якутского края», за исключением передовой из № 1, в которой излагались цели и задачи газеты.

Следует заметить также, что в регионах Сибири и Дальнего Востока не было аналога независимой от властных структур печати на двух языках. Газета «Жизнь на восточной окраине», издававшаяся П.А. Бадмаевым в г. Чите и выходившая в 1895 – 1897 годах, не печатала оригинальные статьи на бурятском языке, а выходила только с полным переводом текстов с русского на бурятский язык. Только в 1916 году в Чите начала выходить небольшая газета на бурятском языке «Кооперативное слово» [7, с. 10, 19]. В то же время «Саха дойдута» как издание, собравшее вокруг себя лучшие литературные силы национальной и местной русской интеллигенции, ставящее просветительские цели, было не единственным на окраинах Российской империи. Так, в апреле 1906 года А.С. Бутаев получил разрешение на выпуск в свет «Ирон газет» («Осетинская газета»). Эта газета после выхода 9-ти номеров была закрыта. С марта 1907 года начала издаваться газета «Ног цард» («Новая жизнь»). Вышло 75 номеров. В 1909 году во Владикавказе на русском и осетинском языках стала выходить газета «Хабар» («Известия») [15]. Таким образом, видны созвучия в далеких друг от друга регионах –

в Якутской области и Северном Кавказе – возникновение светской периодики на национальных языках было тесно связано с подъемом национального движения, что в свою очередь было инициировано Первой русской революцией 1905 – 1907 годов, общностью социально-экономических и политических задач народов России. Влияние общероссийской периодики на национальные издания привело к тематической и типологической общности журналов.

Авторы «Истории русской журналистики XVIII – XIX веков» отмечают: «Россия всегда была многонациональной страной. Вместе с развитием национальной культуры, экономики регионов, под воздействием русской культуры шло становление национального самосознания народов. Но национальный срез в дифференциации журналистики был своеобразен и не получил развития. Власть в этом отношении проводила довольно жесткую политику, в результате которой многие народы не имели своей письменности, не говоря уже о периодике. В 1894 г. в стране выходило 785 периодических изданий, в том числе на русском языке – 638, на латышском – 79, польском – 64, немецком - 41, эстонском – 11, французском – 8, на армянском – 5, грузинском – 5, еврейском – 3, финском – 1. И только в XX века начнет решаться назревшая задача: создание такой журналистики, которая отразила бы национальное своеобразие российского общества» [7, с. 588].

Общественность обсуждала необходимость печатного слова. В этой связи любопытный факт упоминал С.К. Дмитриев, а О.Д. Якимов нашел тому подтверждение в журнале «Каторга и ссылка» за 1928 год [8]. Речь идет об однодневной газете «День печати в Якутии», которая, как свидетельствует «Каторга и ссылка», вышла 18 мая 1915 года в г. Якутске. В передовой статье этой газеты писалось следующее: «Население Якутской области в своем взгляде на существующее печатное слово (с 1907 года) разделилось на несколько частей. Одна часть считает печать необходимым явлением в жизни далекой окраины не только потому, что она способствует развитию края по пути приобретения начатков культуры, но и видит в печатном слове конечный пункт, где должна торжествовать справедливость и правда. Другая часть населения, наоборот, считает печатное слово лишним балластом, который лишает этой части населения округлять свои капиталы или заниматься «темными делами» [8]. Таким образом, первые якутские печатные издания возникли, в том числе, и как ответ на дезинформацию со стороны официальной печати, органов управления, например, в вопросе освещения русско-японской войны и т.д.

С появлением первых изданий, публикующих литературные тексты, стало возможным бурное развитие литературного творчества. Все, что русская литературная традиция достигла за столетия эволюционного развития, стало вдруг доступным Якутии в одночасье: и романтизм, и сентиментализм, и реализм, и натурализм, и первые декадентские и модернистские опыты. Была одна особенность – якутская словесность начинала жизнь сразу на двух языках: русском и якутском. Возникла проблема двуязычия.

Есть интересное свидетельство переписки известного русского книговеда, библиографа и писателя Н.А. Рубакина (1862 – 1946) и классика якутской литературы Н.Д. Неустроева (1895 – 1929). Одно из писем было опубликовано в феврале 2001 года в литературном приложении-газете «Утро Лены» [10]. Как видно из письма, связь с Якутской областью была весьма интенсивной. Н.А. Рубакин знал многих представителей местной интеллигенции, давал конкретные рекомендации Неустроеву, а тот, в свою очередь, отправлял ему свои литературные опыты. И здесь же дана оценка, скорее всего впервые, литературной деятельности Неустроева: «Ваше сочинение мне очень понравилось. Пишите еще. Все, что пишете от души, из ея глубины, всегда хорошо», – пишет Рубакин и заключает: «Итак, работайте и работайте, и бодро идите вперед. Какова бы ни была Ваша глушь, и в ней живут люди, и в ней есть люди живые, стремящиеся к свету и к лучшей жизни. Помогайте им всячески, и сами вооружайтесь знаниями» [10].

Мы знаем Неустроева как одного из первых якутских писателей, проявившего свои литературные силы на двух языках: якутском и русском. Рассказ «Дикая жизнь», написанный на русском языке в 1915 году, был опубликован в 1917 году в № 6 журнала «Сибирские записки». «Хорошо в тайге у нас. Кто сказал, что мимо нас проходит жизнь, что мы дикари занесены снегом и вечным молчаливым покоем? Тот тысячу раз неправ! Потому, что мы тоже люди, мы тоже живем, и истина ясно говорит за нас, за обездоленных детей мрачного севера; где существует человек, там и жизнь идет», – такие сильные слова написал молодой тогда еще человек и начинающий писатель.

В «Слове к читателю» редакции первого на якутском языке журнала «Саха сангата» (ежемесячный общественно-политический и литературный журнал, издавался в 1912 – 1913 годах, всего вышло 7 номеров) было определено кредо журнала, отражавшее традиции журналистики и всей словесности. Дальнейшее развитие словесности и общественного самосознания только подтверждает этот вывод. Четко прослеживаются тенденции, впервые заявленные в этом маленьком манифесте.

Возникновение печати на языке саха диктовалась также и теми функциями, которые исполняла национальная печать, а именно: пропаганда, агитация и организаторская работа (входит сюда и распространение алфавита, организация школ, и т.д.); связь с этнической культурой; влияние на возникновение и формирование основных жанров и тем художественной литературы. Проводником социокультурных трансформаций в обществе становится плеяда блестящих представителей якутской интеллигенции. К ним относятся В.В. Никифоров-Кюльмнюр, А.Е. Кулаковский, А.И. Софронов, Н.Д. Неустроев, С.А. Новгородов, Е.М. Егасов, Р.И. Оросин, С.Н. Донской II и другие, также представители местной русской интеллигенции Н.Е. Афанасьев, П.Н. Черных-Якутский. В их разнообразной просветительской деятельности важное место занимает

журналистская работа, публицистические произведения, которые оказались способны двигать образование и просвещение в большие массы народа. О.Д. Якимов отмечает, что «Национальные издания служили средством распространения грамотности и информации, способствовали национальной консолидации, утверждению национального сознания и норм родного языка, зарождению национальной художественной литературы. Одним словом, они служили инструментом этнокультурного развития носителей языка печати» [20, с. 16]. Кроме благоприятной общественно-политической ситуации, предпосылкой появления печати и литературы на якутском языке можно считать и развитие этнической культуры, достигшей в своем развитии нового этапа. Печать становится частью этнической культуры якутов. Печать имеет и свои специфические черты. Являясь частью этнической культуры, печать служит распространению и развитию этой культуры. И в этих основополагающих моментах значение массовой печати – газет и журналов – было значительным. Первые газеты обеспечили доступность литературы на якутском языке для читающей части общества того времени, они предвосхитили расцвет художественного творчества в 20-х годах XX века.

Это время вошло в историю якутской культуры как ренессансное, оказавшее влияние во все последующие годы на общественное сознание народа и самосознание. Именно в эти годы традиционные национально-культурные и духовные ценности становятся фундаментом дальнейшего культурного развития народа саха. Стремлением к расширению круга тем и поднимаемых проблем, огромное влияние на эти процессы оказывают первые официальные и частные общественно-политические периодические издания. Якутская интеллигенция активно участвует в интеллектуальной жизни Российской империи, якутская культура становится частью мировой и русской культуры в целом и Сибири, в частности. Печать и художественная литература нерасторжимы в литературном процессе XIX – начала XX веков. Комплексное изучение якутского печатного слова с учетом становления газетного и журнального дела в Якутии, связей литературы и периодики с изданиями других регионов, образования национального кадрового потенциала литературы и журналистики дает представление не только о литературной деятельности провинциальных газет и журналов, но также об их роли в общественной и культурной жизни Якутской области. Якутская журналистика, зародившись в виде официальных изданий, с появлением независимых изданий усиливает свою роль в литературном процессе, выполняя в обществе информационную, просветительскую, воспитательную и политическую функции. В начале XX века якутская журналистика превращается в сферу самостоятельной общественно-политической деятельности, важным фактором этнокультурного развития.

Список литературы

1. Антонов Е.П. Культурно-просветительное общество «Саха омук» (1920 – 1928). – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998.
2. Башарин Г.П. Три якутских реалиста-просветителя (Из истории общественной мысли дореволюционной Якутии). Воспроизведение издания 1944 г. – Якутск, 1994.
3. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М., 1990. – С. 238 – 239.
4. Васильева Д.Е. Национальное и общечеловеческое в якутской литературе. – Якутск: Полиграфист, 1995.
5. Дондоков В.Ц. Возникновение и развитие партийно-советской печати в Бурятии (1918–1937 гг.). – Улан-Удэ, 1960.
6. Иванов В.Н. Пересечение исторических судеб: народы, люди. – Якутск: АН РС (Я), Институт языка, литературы и истории. – Якутск, 1995.
7. История русской журналистики XVIII – XIX веков: учеб. / Л.П. Громова, М.М. Ковалева, А.И. Станько, Ю.В. Стенник и др.; под ред. Л.П. Громовой. – 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.
8. Каторга и ссылка. – 1928. – № 6. – С. 390 – 391.
9. Кулаковский А.Е. Материалы для изучения верований якутов. – Якутск, 1923.
10. Письмо Н.А. Рубакина Н.Д. Неустроеву. Комментарий Ю.И. Васильева // Елуенэ сарсыардата (Утро Лены). – 2001. – 28 февраля.
11. Покатилова Н.В. «Байанай алгыһа» А. Е. Кулаковского: к текстологическому анализу вариантов // А.Е. Кулаковский: начало XXI века / сост. Л.Р. Кулаковская и др. – Якутск: Бичик, 2002.
12. Полярная звезда. – 1999. – № 6.
13. Сидоров О.Г. «...Мы постаремся ... идти тою дорогою, которою идет наш век...» (газета «Амур» о жизни Якутской области) // Илин. – 1999. – № 3–4. – С. 22 – 25.
14. Спиридонов И.Г. 100 лет якутской художественной литературе // Писатели Земли Олонхо: Биобиблиографический справочник. – Якутск, 2000.
15. Таказов В.Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1998.
16. НА РС (Я). Ф. 180 (як. Земский суд). Оп.1. Д.576. Л.39.
17. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974.
18. Якимов О.Д. На волне революции 1905 года // Илин. – 1997. – № 1–2. – С. 39 – 42.
19. Якимов О.Д. Очерки истории печати Якутии (От формирования предпосылок для возникновения печати до февраля 1917 года). – М.: Гендальф, 1998.
20. Якимов О.Д. Печать Якутии на весах времени: монография. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012.

**Далматинско-Дубровницкое Возрождение –
от истоков до расцвета**

В статье рассматриваются истоки Далматинско-Дубровницкого Возрождения и выявляются закономерности литературного процесса у южных славян. Культура Возрождения Далмации и Дубровника была наделена национальными особенностями. Творчество далматинско-дубровницких поэтов достигло высокого художественного уровня к середине XV века на латыни, а в XVI веке — на родном, хорватском, языке.

The article considers the beginnings of Dalmacia-Dubrovnik Renaissance and brings to light the regularities in the literary process of Southern Slavs. The Renaissance culture of Dalmacia and Dubrovnik was acquired national distinctive features. The creative activity of Dalmacia-Dubrovnik poets reached its peak in the XVth century in Latin, and the XVIth century in the native language, Chroatian.

Ключевые слова: Ренессанс, хорватская литература, драматургия, Далмация, Дубровник, развитие национальной культуры.

Key words: Renaissance, Chroatian literature, dramatic art, Dalmacia, Dubrovnik, development of national culture.

Культура эпохи Ренессанса в основе своей едина и зиждется на общей мировоззренческой художественной базе, но при этом имеет два направления развития: магистральное – характерное для ведущих стран Западной Европы: Италии, Испании, Англии и Франции; и маргинальное, примером которого являются Далмация и Дубровник, Венгро-Хорватское государство, Чехия и Польша. Ренессанс не был однородным – и испанский, и итальянский, и французский, и английский – все они имели свою историю, отличающуюся чертами национального своеобразия. Для одних стран, таких как Испания и Италия, это был золотой век расцвета культуры. А в Англии и Франции Ренессанс – это эпоха становления национального искусства и литературы, на протяжении веков соперничавших за лидирующую роль в европейском развитии. Именно Италия стала родиной европейского Возрождения. Ее художественная традиция играла значительную роль в формировании западноевропейской литературы. Согласно ее канону создавались произведения культуры и искусства в Испании, Франции и Англии. В то же время художественная традиция итальянского Возрождения корректировалась в соответствии с национальными особенностями этих стран.

Стиль Ренессанса в искусстве и литературе по-новому представил человека и окружающий его мир. Сочинения возрожденческой гуманистической литературы во все времена поражали мощью титанизма образов и

художественной формой их воплощения. Эпоха Возрождения дала миру величайших поэтов, писателей, драматургов, которым посвящена огромная исследовательская литература. Однако славянская ветвь европейского Возрождения оставалась на периферии внимания ученых. Далматинско-Дубровницкому Возрождению уделялось меньше внимания по причине как его уникальности, так и своеобразия путей его развития. Почти неизученными остаются его театральное искусство и драма. Это, несомненно, обедняет общую картину европейской культуры того времени, ибо художественное наследие Далмации и Дубровника представляется весьма важным, так как являет одну из граней становления ренессансного театрального искусства и по-особому обозначают сложность художественного процесса в развитии европейского Ренессанса.

Искусство Возрождения Далмации и Дубровника сформировалось позже и было наделено национальными особенностями, тесным образом связанными с народной культурой южных славян. В XV–XVI веках на побережье Адриатики далматинско-дубровницкого региона возникает уникальная гуманистическая культура. Хорватская литература и театральное искусство отличались своеобразным славянским менталитетом, особой образностью поэтического языка. Эта ветвь европейского Возрождения выдвинула выдающихся деятелей художественной культуры, среди которых поэты Марко Марулич, Джоре Држич, Шишко Менчетич, Петр Гекторович; драматурги Мавро Ветранович, Никола Налешкович, Ганибал Луцич; публицисты Бенедикт Котрульевич и Фауст Вранчич. Особенно выделялся своим художественным творчеством Марин Држич, талантливый дубровницкий драматург и публицист.

Для Далматинско-Дубровницкого Возрождения, как и для итальянского, человек являлся центром Вселенной. Но в Далматинско-Дубровницком ренессансе сформировался особый славянский тип, рожденный местной средой и культурой, наиболее ярким и значительным его представителем которого является Марин Држич. Неповторимость далматинской культурной традиции заключалась в том, что она развивалась на собственной романской почве. Благодаря собственному, отраженному в древнеримской литературе, античному прошлому и ассимиляционным процессам закладывались основы народного хорватского языка.

Поэтическое творчество далматинских и дубровницких поэтов достигло высокого уровня к середине XV века на латинском, а в XVI веке на местном славянском, хорватском языке. Однако широкой европейской известности далматинско-дубровницкая литература не имела: помимо своего региона, ее хорошо знали лишь в Сербии, Боснии, Герцеговине, Македонии и Черногории. Чтобы понять неповторимость художественного своеобразия Возрождения Далмации и Дубровника, необходимо обратиться к рассмотрению его истоков, выявить закономерности литературного процесса южных славян.

Благодаря территориальной близости к Апеннинскому полуострову, торговым и культурным контактам с европейскими городами, мореплаванию, у далматинцев и дубровчан в XV веке возрос интерес к наукам и искусствам итальянских гуманистов Падуанского, Флорентийского, Сиенского университетов, где в этот период получали образование многие славяне. Изучению ими наук и искусств способствовала местная традиция употребления латинского языка. Таким образом закладывались основы для возникновения далматинской ренессансной литературы.

Первые явления культуры Возрождения возникли в Далмации и Дубровнике в начале XV века. Прежде всего, к ним следует отнести латинские школы, возглавляемые такими известными итальянскими гуманистами, как Филипп де Диверсис, Тидий Аччарини, Марин Бечикемо. Многие состоятельные далматинцы продолжали образование в Италии, обычно их направляли на обучение в Падуанский университет. Испытав воздействие итальянского гуманизма, далматинские поэты в то же время создавали самобытные сочинения, не похожие на итальянские, на латинском, а затем и на хорватском языке.

В XV веке в Далмации усиливаются гуманистические тенденции и происходит латинизация преподавания. В те годы сочинение стихотворений на латинском языке стало обязательным предметом в школах для тех, кто изучал гуманитарные науки. К середине XV века появляются произведения, близкие по духу ренессансной литературе Италии. Это тексты на латинском языке Юрая Шижгорича (1420 – 1509), Дживо Гучетича (1450 – 1524), Карло Пуцича (1458 – 1522), Якова Бунича (1468 – 1532) и Марко Марулича. Особо значимую роль сыграло творчество Марко Марулича, который первым закладывает основы хорватского языка.

Гуманист Тидий Аччарини во второй половине XV века дал славянскому миру двух поэтов. Его учениками были Марко Марулич (1450 – 1524) и Илия Цриевич (1463 – 1520). Марко Марулич, сплитчанин, овладевший в совершенстве образцами латинской классической поэзии, первый обратившийся к народному языку, широко использовал эпитеты, сравнения, метафоры, почерпнутые из устного эпического творчества. Илия Цриевич – дубровчанин – родной хорватский называл искаженной иллирикой (*ilirska iskrivljenost* или *stribiligo illyrica*), и сочинял только на латыни, но зато он познакомил дубровчан с комедиями Плавта и Теренция. В 1484 году в Академии Помпонио Лето в Риме Илию Цриевича увенчали лавровым венком как «*poeta laureatus*», за сочинение о Плавте и представление его комедий, за исследование жизни и поэзии Вергилия, и за «Лексикон», в котором он собрал фрагменты из классических трудов по философии, филологии, астрономии и географии, а также за стихотворения любовной лирики, посвященную римской красавице Флавии.

Помимо Помпонио Лето Цриевич испытывал литературное влияние кардинала Александра Фарнезе и Понтано. По традиции Цриевич получил латинское имя *Aelius Lampridius Cervinus*. Среди поэтов *laureates* были

Спенсер, Чосер, Муссато, Петрарка. В своем стихотворении «О Плавте по поводу представления “Амфитрион”» (“De Plautum argumento Amphitriionus”) Илия Цриевич писал: «...чтоб Плавта вновь смогли ценить комедии, – узнал о них впервые Рим от Элия» [6, с. 150]. Это произведение было посвящено конкретному событию — тому моменту, когда Цриевич вместе с Помпонио Лето в 1487 году занимался постановкой «Амфитриона» в Риме. Илия Цриевич стал распространителем творческого наследия Плавта (о чем он и говорит в данном поэтическом сочинении) не только в Риме, но и в Далматинско-Дубровницком регионе (позже М. Држич в предисловии к комедии «Скупой» показал отношение современников к плавтовской традиции).

Латинские сочинения далматинских поэтов были близки к произведениям поэтов-латинистов итальянского Возрождения, таких как Тито Веспасиано Строцци (1422 – 1505), Джованни Понтано (1426 – 1513), Маттео Боярдо (1434 – 1494), Михаил Марулл Тарханиота (1453 – 1500), Анджео Полициано (1454 – 1494) и Якопо Саннадзаро (1455 – 1530) [1, с. 35 – 72]. Итальянские гуманисты и их творчество становились примером для подражания, благодаря им стихотворцы Хорватии, Венгрии, Чехии и Польши постигали ренессансные основы стихосложения и стилистики, а также фабульные мотивы. Генетическая общность латинского направления, источником которого были философские и эстетические образцы, предопределили саму типологическую общность литературного процесса эпохи Ренессанса в этих странах.

Следует особо отметить, что становление гуманизма в Венгерско-Хорватском государстве, Польше, Чехии не было идентичным, ибо определялось местными историческими, политическими и социальными условиями. Но общим было то, что определяющая роль в формировании и развитии польской, чешской и венгерской литературы принадлежала итальянскому Ренессансу. При сопоставлении литературы и искусства ряда славянских стран, рассмотрении исторических и культурных условий, сложившихся в Венгро-Хорватском государстве, Чехии и Польше и сравнивая их с развитием городов далматинско-дубровницкого региона, становится ясно, что Далмация и Дубровник находились в более благоприятной ситуации для освоения литературы, театрального искусства и особенно драмы итальянского Ренессанса. Этому способствовали далматинские средневековые города-коммуны, возникшие на месте бывших античных поселений, где древнеримские сооружения использовались в качестве храмов, жилых помещений, театрально-сценических пространств.

Культура Ренессанса, сформировавшись в рамках средневековой цивилизации и не порывая с ее ценностями, тем не менее, существенно сместила акценты в средневековой картине мира [3, с. 8 – 38]. Гуманисты эпохи Возрождения Далмации и Дубровника – ученые, изучавшие античность, посвятили себя гуманитарным наукам и искусствам – грамматике, риторике, истории, поэтике и драме. «Будучи доведением до логического

конца светских тенденций в средневековой культуре и являясь стержнем культуры Ренессанса, гуманизм, как известно, стремился не просто к возрождению греко-римской древности, но к созданию глобального синтеза позитивных знаний, добытых античностью, и христианской веры» [5, с. 21]. Гуманизм становится главной ценностью эпохи, и в связи с этим преобразуется само искусство, а, как известно, далматинская и дубровницкая культура, как и итальянская, выросла на фундаменте античного искусства.

Историческое движение, в особенности в идеологической сфере, не всегда напрямую обусловлено экономическими и социальными предпосылками. Часто роль инициатора играют различные влияния извне, как это произошло в Далмации. Исторические обстоятельства этого региона способствовали тому, что здесь не было прочно сложившейся государственной системы. Городам была продиктована роль не столько инициатора, сколько посредника, для других государств Юго-Восточной Европы. Только в Дубровнике сформировалась совершенно иная ситуация.

На Адриатическом побережье возникает город-республика Дубровник, один из красивейших, и богатейших морских торговых центров Далмации. Дубровницкая республика стала знаменитым центром европейской цивилизации, ибо отстояла свою независимость у Османской империи благодаря мудрой дипломатической политике правителей. Реальные события тех лет – борьба с турецким нашествием и гнётом – воссоздаются в сюжетах героических песен южных славян, начиная с песен косовского периода, песен цикла о королевиче Марко и циклов о Бранковичах и Якшичах, о хорватских банах, венгерских воеводах, с которыми сербы сражались против турок на протяжении XV – XVII веков. Существовали циклы и о гайдуках, боровшихся внутри страны.

Для понимания процессов, происходящих в хорватской литературе, необходимо иметь представление об истории Далмации и Дубровника. Без упоминания исторического прошлого этого региона невозможно осознать значение художественных произведений литературы и драматургии Далматинско-Дубровницкого Возрождения. Исследование исторического контекста способствует пониманию генезиса литературных явлений, а также эволюции словесности. В рассматриваемый период Далмация занимала часть восточного побережья Адриатического моря от Истрии до Боки-Которски (Черногорское приморье) и Албании. На протяжении веков ее территория меняла свои очертания.

В начале IV века до н.э. здесь возникли греческие колонии Эпидавр (современный Цавтат, недалеко от Дубровника), Салон (Солон – неподалеку от Сплита), Трагурион (Трогир). Римляне покорили все Адриатическое побережье к III веку до н.э., и его восточная часть стала называться Далмацией (от лат. *Dalmatia*). Памятники материальной культуры на этой территории свидетельствуют о поселении племен иллиров, греков и римлян.

Рабовладельческий строй утверждался в Далмации благодаря римскому завоеванию. Историографы полагали, что предками далматинцев

были римляне, которые позже оказали сопротивление пришедшим славянам и другим народностям. Однако ни один итальянский автор не считал, что Далмация заселена итальянцами и в географическом смысле принадлежит Италии [8, с. 18].

В I веке н. э. Далмация относилась к Римской империи и называлась Иллирик (Шлугія). Римские завоевания способствовали росту городов на ее территории, развитию торговли, строительству дворцов, амфитеатров, храмов и акведуков. Развалины этих построек можно встретить в современных далматинских городах. Возникновение античной цивилизации и развитие культуры способствовали выдвиганию императоров из среды местной знати. Так, римский император Гай Аврелик Валерий Диоклетиан (243 – между 313 и 316), сын вольноотпущенника, был родом из Далмации. Он был приверженцем римских традиций и поклонялся культу Юпитера; в 303 – 304 гг. предпринял гонение на христиан и, безусловно, замедлил распространение этой религии.

В период падения Римской империи авары, готы, гунны и отчасти славянские племена совершали захватнические набеги на Далмацию, разрушая ее города и уничтожая памятники классической культуры. На месте разрушенных античных построек они воздвигали могильники, города-убежища, святилища с изображением многоликих языческих богов.

С VII века н. э. начались славянские завоевания этих земель. Славяне создавали новую культуру, основанную на собственных традициях и связях с другими народами. Племенной строй славян наряду с более усовершенствованным римским содержал в себе гуманитарные ценности, такие как понятия о равноправии, свободе, недопустимости эксплуатации членов своего племени, отсутствовавшие, по мнению историков, в Европе до самого Нового времени.

Летописи относят первые поселения славян на этой территории к концу VI века. В VII веке византийский император Константин IV Погонат (Pogonatos – «бородатый») разрешил славянам занять Далмацию. Некоторые римские колонии, уцелевшие после уничтожения, начинают объединяться, благодаря чему возникают новые поселения, которые постепенно перерастают в города.

Далматинское приморье уже в XI веке относилось к Хорватии. Чтобы противостоять Венеции, далматинская часть Хорватии и ее основная территория – панонская – соединились с Венгрией на федеральных основаниях. К концу XI века в Далмации появились угры. Войны угров с Венецией и Византией за владение Далмацией закончились победой угров. В 1102 году в Биограде на побережье Адриатического моря венгерский король Коломан из династии арпадов короновался, получив разрешение хорватских старейшин. Но постепенно венецианская власть все же утверждается в Далмации. Начиная с 1000 года венецианский флот во главе с дожем Петро Орсело вел захватническую политику, подчинив полностью города Задар, Трогир, Сплит, разрушив Биоград на море. После

захвата Венецией почти всей Далмации значительная часть далматинских земель, лежавших вдали от Адриатического моря, осталась во владении Венгро-Хорватского государства, короли которого наследовали политику своих славянских предшественников, продолжая бороться с венецианским гнетом в XII – XIV веках. К началу XIV века венецианцы овладевают Далмацией, и в 1409 году в ней окончательно утверждается их власть. Документы из Дубровницкого архива свидетельствуют, что венецианцы старались навязать Далмации свою культуру [2, I, с. 49 – 62].

Как видно, на территорию Далмации постоянно претендовали западные и восточные страны. С 1468 года в Далмации происходили столкновения с турками. Только город Дубровник смог отстоять сравнительную независимость от Венеции, Венгрии и Турции. Мудрая взвешенная политика правителей способствовала обширной торговле дубровчан с Западом и Востоком. К 831 году относится первый торговый договор с Боснией, а торговые отношения с Апулией и Сицилией начались в 871 году. Расширяя свои торговые связи, дубровчане в 1000 году наладили торговые связи с Великим Болгарским государством. В X – XI веках Дубровник учредил торговые колонии в Мельфи, Бари (Южная Италия), в приморских городах на Адриатическом побережье Балкан [4, с. 13 – 15].

Начиная с IX века Дубровник характеризовался как купеческий и ремесленный центр. Он находился на перекрестке морских и сухопутных дорог между Западом и Востоком. В течение нескольких столетий Дубровник является также важным центром транзитной торговли, связывавшим южнославянские государства с Левантом и странами Западной Европы. В связи с этим расширением территории Дубровника, безусловно, повышался его международный авторитет. Экономический подъем обусловил процветание города в XIII – XVI веках, когда он становится свободной автономной общиной и получает соответствующий документ от короля Венгрии Людовика Великого. Дубровнику было выгодно находиться в составе Венгро-Хорватского государства: тем самым он спасался от Венеции, которая всегда относилась к Дубровнику враждебно [7, с. 49 – 98].

Этнически население города Дубровника было смешанным – и романское, и славянское, причем последнее стало постепенно преобладать. Дубровник становится культурным центром славянского мира, сюда устремляются многие образованные и талантливые люди балканских городов, благодаря которым происходило знакомство дубровчан с сербским языком Боснии, Герцеговины, Сербии, что подтверждается дубровницкими рукописями XIII – XIV веков.

Литературный хорватский язык формировался в сфере глаголической и книжной традиции. Не существует конкретных свидетельств о времени появления хорватской литературы. Славянизация далматинских городов, по мнению историков литературы, началась уже в IX веке, в Северной Далмации складываются благоприятные условия для деятельности учени-

ков Кирилла и Мефодия. Древнейший хорватский глаголический текст был обнаружен около 1100 года близ Башки на острове Крк, получивший в науке название Башчанская плита. Текст был составлен на народном языке с фрагментами старославянского. Исследования памятников письменности хорватских авторов эпохи Средневековья показывают, что они пользовались глаголицей, кириллицей и латиницей, при этом в текстах обнаруживается взаимопроникновение трех азбук. При изучении рукописного наследия современные исследователи относят к первому периоду развития хорватской литературы следующие фазы: первая – с VIII – IX веков до середины XIII века, вторая – до конца XIV века. Второй период развития хорватской литературы начинается в XV веке, а завершается на рубеже XVI века.

Хорватская литература до XVI века включала литургические, библейские сочинения, сборники легендарно-агиографической прозы, юридические документы. Именно в этот период в Далмации и Дубровнике активно осваивается латинская и итальянская литература, формируются также сборники нелитургического содержания, созданные на народном языке с использованием церковнославянизмов.

Появление литературы на латинском языке было обусловлено римским населением далматинских городов, притоком итальянских писателей, венецианским политическим влиянием в Далмации, но главное — принятием христианства, пришедшим из Рима. Латинский язык использовала церковь, на нем создавались книги, осуществлялось государственное управление, как в городах Адриатического побережья, так и на островах. Однако, при несомненном воздействии латинской литературы на общий ход развития хорватской словесности, параллельно формировался хорватский народный язык. Этому способствовала просветительская деятельность последователей Кирилла и Мефодия, распространявших церковнославянский язык. Постепенно, к XIII веку, был снят запрет на проведение богослужения на славянском языке. Благодаря сильным корням славянской народной культуры в Далмации и Дубровнике, итальянское влияние не смогло нивелировать исконное славянское ядро.

Таким образом, Дубровник постепенно вовлекается в общеевропейский ренессансный процесс, в результате чего национальное культурное развитие начинает определяться сложным взаимодействием двух разнородных тенденций. Первая, автохтонная (самостоятельная), связана с давними традициями дубровницкой жизни, которые становились все более и более чуждыми общеренессансной культуре с присущим ей национальным универсализмом. Другая, заимствованная, которая проникала из Италии и других стран Европы, соотносима с магистральной линией развития европейского Ренессанса. В литературе XV–XVI веков в далматинской поэзии наблюдается сближение, процесс конвергенции с итальянской поэзией, способствующий созданию средиземноморской культурной среды.

Список литературы

1. Голенищев-Кутузов И.Н. Ренессансные литературы Западной и Восточной Европы (Сопоставительный обзор) // Голенищев-Кутузов И.Н. Романские литературы. Статьи и исследования. – М.: Наука, 1975. – С. 35 – 73.
2. История Югославии: в 2 т. – М., 1963.
3. Косиков Г.К. Средние века и Ренессанс. Теоретические проблемы // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000 – 2000. Учеб. пособие / Л. Г. Андреев, Г. К. Косиков, Н. Т. Пахсарьян и др.; под ред. Л. Г. Андреева. – М.: Высшая школа, 2001. – С. 8 – 39.
4. Макушев В.В. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. – СПб., 1867.
5. Соколов В.В. Европейская философия XV – XVII веков. – М., 1984.
6. Rački F. Iz djela E.L. Crijevića. JAZU Zagreb, 1872.
7. Scok P. Les Origines de Raguse: Etude de toponymique et de linguistique historiques // Slavia. – Praha, 1931. – Т. X. – N 3.
8. Sunjić M. Dalmacija XV Stoljeću. – Sarajevo, 1967.

Отличительные особенности жанра английской народной баллады

В статье рассматривается английская баллада как жанр народной поэзии, имеющий ряд характерных стилистических особенностей, своеобразную композиционную структуру, собственный тип сюжетосложения.

Considered in the paper is British ballad as a poetical genre with its characteristic stylistic devices, original composition structure, peculiar subjects.

Ключевые слова: баллада, композиция, стилистика, диалог, эпитет, архаизм, рифма, ритм, рефрен, балладная строфа.

Key words: ballad, composition, stylistics, dialogue, epithet, archaism, rhyme, rhythm, refrain, ballad stanza.

Литературный жанр (от французского «genre» – род, вид) – исторически сложившаяся группа литературных произведений, объединенных совокупностью формальных и содержательных свойств. Для жанра баллады характерен ряд композиционных и стилистических особенностей, а также специфический балладный тип сюжета. Но что является главным отличительным признаком жанра баллады? Бытуют различные точки зрения по данному вопросу. Жирмунский В.М. в своей статье «Английская народная баллада» (1916) писал, что «своеобразная художественная форма» представляет «характерное отличие баллады как поэтического рода». Далее автор отмечает, что баллада по своей форме является произведением эпическим, с сильной лирической и драматической окраской [4, с. 96]. Балладам с преобладанием эпического начала свойственна динамичность повествования. Отсутствие рефренов и запевов – одна их характерных черт баллад данной группы. В балладах эпического цикла всегда присутствует вступление. Эта черта отличает их от других типов баллад.

Для баллад с выраженной лирической окраской характерно большое количество повторов, рефренов и запевов. В композиции баллад данной группы отсутствуют описания исходных ситуаций, природы, места действия, действие в них развивается стремительно, задерживается автор лишь на ключевых моментах, поэтому часто логической связи между событиями нет. Нельзя обойти вниманием обязательный атрибут баллад данной группы – рефрен: «...припев (refrain, burden), то потерявший свое первоначальное значение и сохранивший лишь музыкальный, чисто звуковой характер, то подчеркивающий и лирически осмысляющий действие и варьирующийся в зависимости от содержания отдельных строф» [5, с. 221]. Рефрены построены в форме параллели, что является неотъемлемым свойством

народной лирики. Например, «цветочные» рефрены алая роза, расцветающий ландыш, зеленеющий лес символизируют любовь [3, с. 123 – 124]. В роли рефренов выступают междометия (например, в балладе «Эдуард» (“Edward”) междометие «о» усиливает трагизм описываемых событий). Запевы, хотя в них нет прямого параллелизма, выполняют такую функцию с помощью символов. Если женщина одинока, то постель ее «узко постелена», а ушедшую молодость символизирует убегающее тесто.

Баллады, тяготеющие к драматической форме, также имеют ряд композиционных особенностей. В балладах данной группы основной формой повествования является диалог. По мнению В.Я. Проппа, эта особенность композиционной структуры объясняется неспособностью средневекового типа мышления к абстракции [7, с. 150]. В большинстве таких баллад мотивы и причины поступков действующих лиц не указываются, для этого еще не выработаны художественные средства [7, с. 53]. Герои баллады действуют во имя любви, находятся под властью ненависти или ревности, то есть их деяния обоснованы психологически. Это новый прием в фольклорной поэтике того времени. Долгие вступления (или вступление как таковое) чужды балладам с драматическим началом. Примером может служить баллада «Леди Мейзри» (“Lady Maisry”). Неотъемлемой чертой балладного повествования является отрывочная, фрагментарная форма [4, с. 96; 5, с. 221]. Вступление, характеристики действующих лиц, описание места действия обычно отсутствуют в балладе. Действия описываются скачкообразно, без связующих пояснений. Например, в начале баллады «Прекрасная Анни из Лох-Роян» (“The Lass of Loch-Royal”) стоит вопрос:

“O who will shoe my bonny foot,
And who will glove my hand,
And who bind my middle slim
With a long, long linen band?”

Иногда читатель встречается с безымянными персонажами, слышит речь, при этом не зная, кто говорит. Примером является баллада «Трагедия Дугласов» (“The Douglas Tragedy”), которая начинается со слов:

“Rise up, rise up, now, Lord Douglas,” she says...

Кто «она», читатель понимает только из второй строфы:

“Rise up, rise up, my seven bold sons...”.

В балладе «Рыцарь-карлик» (“The Elfin-Knight”) читатель становится свидетелем беседы между рыцарем и его возлюбленной Леди Изабель. Однако не ясно, где происходит этот разговор.

Именно фрагментарная форма повествования придает балладе особую эмоциональность и драматическую окраску, что дает слушателям или читателям возможность ее особого восприятия и истолкования. Старинная народная баллада была обращена к совести человека, способного различить добро и зло. Возможно именно поэтому финалы баллад трагичны, но не однозначны, что в свою очередь открывает простор воображению читателей.

Повествование в балладе часто ведется в диалогической форме, что усиливает динамику рассказа. Это особенность композиционного строя баллады неразрывно связана с фрагментарностью. Диалог обычно составляет большую часть произведения, при этом одна диалогическая сцена сменяет другую, прерываясь несколькими повествовательными строками. Иной вариант построения баллады с помощью диалога – вопросно-ответный тип построения произведения, где полностью вытесняется повествование. При такой форме изложения диалог в балладе выполняет и функцию описания, и функцию повествования. Так, например, оценка героев баллады приводится в их собственных изречениях. Именно в диалоге, сквозь речь персонажей читатель воспринимает действие. Ярким примером может служить баллада «Два ворона» (“The Twa Corbies”), где из диалога двух воронов мы узнаем о погибшем рыцаре, который был покинут всеми близкими:

“In behind you old turf duke
I wot there lies a new-slain knight,
And nobody knows that he likes there
But his hawk and his hound and his lady fair”.

«Баллада обладает запасом традиционных образов и положений, которые создают особый поэтический стиль: они появляются всякий раз и при всяком сюжете, лишь только действие вступает в соответствующую фазу развития» [4, с. 97]. Стиль балладного жанра имеет формульный характер. Эта особенность объясняет наличие огромного количества эпитетов и повторений. Еще в эпосе, как отмечает Веселовский А.Н., предмет характеризовался по отношению к его идеальному совершенству [2, с. 98]. Гребень для волос – золотой, плащ на рыцаре – пурпурный, золото – красное и так далее. Поэтому каждый раз при описании героев баллады в сознании певца, где уже были заложены эпические клише, возникали те или иные готовые формы. Волосы всегда русые:

He’s woo’d her for her yellow hair,
But his mother wrought her mickle care (“Willie’s lady”).

Конь – молочно-белый:

He’s mounted her on a milk-white steed,
Himself on a dapple grey... (“Douglas Tragedy”).

Употребление готовых формул не всегда оказывается оправданным. Так, например, женщина не всегда красива (fair, bright), а верная возлюбленная (true love) может оказаться коварной.

Подбор персонажей баллады и описания их внешности также обусловлены типами. Рыцарь всегда храбр и отважен, а верный друг его – молочно-белый конь. Невеста – белокожая девушка с русыми волосами и рубиновыми губами. Герои не наделены индивидуальностью. По мнению Проппа, героя нельзя оторвать от сюжета, важна динамика конфликта, действующие лица при этом нужны лишь для развития драматической ситуации [7, с. 76]. В основном читатель не знает имен героев, но даже в тех

немногочисленных случаях, когда персонаж назван, для каждого имени есть свой эпитет: William-sweet, Annie-bonny, Robin-brown.

В качестве еще одного стилистического приема выступают архаичные единицы. Однако как часть стилистической системы могут выступать только те архаичные слова, которые уже являлись элементами устаревшей лексики на момент возникновения или первой записи баллады. Они были отобраны в качестве языковых средств, воздействующих эмоционально на слушателей. Устаревшая лексика в балладе представлена архаизмами и историзмами, которые используются для описания и изображения всех сфер жизни человека определенного времени. Архаичные слова употребляются для описания внешности, одежды, поступков героев и их эмоциональной сферы, а также для изображения животных. Архаизм *ugsome* (ужасный) имеет место в балладе «Сер Олдинггар» (“Sir Aldingar”):

Since he has kissed your ugsome mouth,
Shene ver kissed mine...

С помощью данного архаичного эпитета выражено отношение короля к безобразному нищему. Сердце короля полно негодования и боли, он презирает уродца, так как королева отдала ему свое предпочтение. Использование архаизма в этом случае усиливает эмоциональную напряженность. В этой балладе мы находим еще примеры употребления архаичных слов с целью усиления стилистического эффекта – слова *bale* (несчастье) и *boot* (польза):

When bale is at hiest,
Boot is at next, help enough there may be.

Архаизм *chivalry* (рыцарское достоинство) в балладе “Flodden Field” возвращал слушателей в рыцарскую эпоху, реалистичнее изображая то время. Для описания понятия «одеяние» в балладах имеется целый ряд архаизмов. Так, например, *pall* (мантия, облачение) обозначало платье из дорогого материала, доступного лишь богатым дамам. В балладе “Thecruel brother” использование данного архаизма подчеркивает социальный статус героя:

- What will you leave your mother dear?
- My velvet pall and my silken gear.

Архаизм *robe* (женское платье) используется в балладе “Marry Hamilton”:

Marry, put on your robes o black
Or put robes o brown...

Слово *steed* до его вытеснения из активной лексики обозначало боевого коня. Со временем оно стало использоваться в исторических балладах в поэтических целях:

What will you leave your father dear?
The silver-shod steed that brought me here (“Thecruel brother”).

Для изображения более реальной исторической обстановки помимо архаизмов в балладе используются и историзмы. Историзм *bill* (алебарда)

часто можно встретить в исторических балладах, которые описывают сражение между Англией и Шотландией. Другой пример – историзм *gorget* (латный воротник) служит для описания боевой одежды в эпоху средневековья. Архаичные единицы в жанре баллады использовались «для передачи исторического стиля, местного колорита, для создания настроения сказочного, временной и пространственной отдаленности» [4, с. 100].

Ритмический строй баллады также заслуживает отдельного внимания. Баллада – произведение поэтическое, рифма, ритм, метр являются ее неотъемлемыми частями. Каждая баллада имеет свой метрический рисунок, где открывается простор для самых разнообразных музыкальных возможностей. Одна из наиболее важных функций метроритмической структуры, по мнению Лотмана Ю.М., – это деление текста на эквивалентные сегменты. В повседневном общении лишь слово имеет лексико-семантическое значение, а в художественном тексте его приобретает и рифма, и ритм, и метр. Благодаря именно такому строению текста читатель воспринимает его как поэтический [6, с. 53 – 55]. Обычно в английской балладе строфа состоит из четырех строк, при этом рифмуются только вторая и четвертая строки, заключая в себе по три ударения. Первая и третья строки насчитывают по четыре ударения, рифмы в них нет. Схематически такой рисунок можно представить следующим образом: a – b – c – b. Например:

There lived a wife at Usher's Well (a)

And a wealthy wife was she; (b)

She had three stout and stalwart sons, (c)

And sent them o'er the sea (b) (“The Wife Usher's Well”).

В данном примере использован ямбический метр, являющийся самым распространенным балладным метром. Возможно, ямб был самым легким из всех метров для запоминания и воспроизведения устных произведений фольклора. По мнению Жирмунского В.М., ритм народной баллады разнообразнее, нежели метрическая схема, обычно представленная в виде четырехстопного ямба, попарно чередующегося с трехстопным. Свойственные народной поэзии германских народов богатство и многообразие ритма проникли вместе с балладой и народной песней в английскую и немецкую романтическую лирику. С того времени они представляют собой основу песенного строения стиха [4, с. 99]. Разделяет эту точку зрения В.М. Жирмунского Елина Н.Г., выделяя композицию и ритмическое строение баллады как наиболее существенные ее признаки [3, с. 105].

По мнению Алексеева М.П., «отличительным свойством баллады, как произведения устной народной поэзии, является отсутствие в ней каких-либо существенных признаков индивидуального авторства» [5, с. 219]. С течением времени баллада стала произведением народного творчества. Изначально каждая отдельная баллада (здесь мы говорим только о балладах, дошедших до наших дней) имела своего автора – талантливого певца из народа или профессионального менестреля. Передавалась она из уст в уста, от поколения к поколению. Вследствие этого текст баллады претерпе-

вал множество изменений, появлялись иные варианты исполнения. Непосредственно запись большей части баллад производилась позднее их возникновения. Поэтому участие народа, «видоизменяющего и перепевающего в устном предании дошедшую до его слуха балладу», оказывается доминирующим над индивидуальным началом [4, с. 101].

Аринштейн Л.М. считает, что сюжетность выделяет балладу среди других лирических жанров. При этом он указывает, что по мере развития жанра, особенно во время зарождения баллады литературной, над сюжетностью начинает преобладать лирическое начало [1, с. 15]. Создатели баллад черпали сюжеты из самых различных источников. Среди них христианские легенды, рыцарские романы, средневековые поэмы, бродячие сюжеты, в редких случаях античные мифы и произведения греческих и римских авторов в средневековом пересказе. В основу баллад легли и подлинные исторические события, стилизованные в соответствии с традиционными песенными формулами [4, с. 95 – 96; 5, с. 221].

Из всего этого многообразия можно выделить две основные линии, по которым шло развитие балладных сюжетов: баллады героико-исторического характера и баллады, в основе сюжета которых лежит тема любви [1, с. 15]. Конечно, четкой границы между ними провести нельзя.

Героические баллады имеют в большинстве случаев эпический характер. В их основе лежат те или иные исторические события, что, по мнению Аринштейна Л.М., дает нам право называть их героико-историческими, они повествуют о войнах между шотландцами и англичанами, о героических подвигах, совершенных во имя личной и национальной свободы. Но не только конкретно исторические события составляют основу таких баллад. Скупые факты истории, изложенные в старинных народных песнях, окрашены рассказами о человеческих отношениях. Баллады повествуют нам, как мыслили, говорили, чувствовали и переживали люди того времени. Примером данной группы баллад может служить баллада «Битва при Дерхеме» (“Durham Field”), которая описывает кровопролитную битву при Дерхеме (1346). Шотландцы были разбиты, а их король Давид попал в плен. В Лондоне он встретился с королем Англии Эдуардом и французским королем, также взятым в плен Черным принцем. Слагатели баллады объединили здесь несколько битв: битва при Кресси, битва при Пуатье во Франции и битва при Дерхеме в Англии. По их мнению, все они произошли в один день. Такое изложение событий отражает английское происхождение этой баллады.

Баллада «Битва при Оттерберне» (“The Battle of Otterbourne”) описывает ожесточенное сражение, относящееся к 1388 году, которое произошло также между шотландцами под предводительством Дугласа и англичанами, возглавляемыми Перси. В результате Дуглас погибает, а Перси попадает в плен, иными словами, победителя в этом столкновении не было. Но так как баллада шотландского происхождения, в конце концов, побеждают шотландцы. В балладе «Охота у Чевиотских холмов» (“The Hunting of

Cheviot” или позднее “Chevy Chase”) главные лица – уже знакомые нам шотландский граф Дуглас и английский лорд Перси. В данном изложении событий оба воина погибли. Эта баллада была популярна, до наших дней она дошла в нескольких вариантах. Филипп Сидней упоминает «старую песню» о Перси и Дугласе в своей «Защите поэзии» (1581). Кроме того ее сюжет можно проследить в романах В. Скотта, а в 1749 году в Германии Клопшток написал в подражание ей «Военную песню» [5, с. 223].

Все те баллады, которые были сложены в пограничной полосе между Англией и Шотландией и рассказывали о столкновениях между этими странами, получили название «порубежные» (border) баллады. В. Скотт выпустил целый сборник «порубежных» баллад “Minstrelsy of the Scottish Border”, 1802 – 1803), собрав в нем все известные подобные баллады того времени.

Отдельного внимания в данной группе баллад заслуживают баллады о Робин Гуде, пользовавшиеся в течение многих веков особой популярностью. Главный герой Робин Гуд – защитник бедняков и сирот, враг феодалов, друг угнетенных. Симпатии простых людей Англии воплотились в образе этого народного героя. Многие баллады, повествующие о приключениях героя и его дружины, были объединены в циклы или своды: «Малая песнь о деяниях Робин Гуда» (Lyttel Geste of Robin Hode) и более обширный цикл, состоящий из восьми разделов, «Деяния Робин Гуда» (A Geste of Robin Hode). В них прослеживается тенденция к слиянию отдельных баллад в одно цельное эпическое произведение. Дошедший до наших дней балладный цикл о Робин Гуде представляет собой сорок отдельных баллад. В ранних балладах о Робин Гуде на первый план повествования выходят рассказы о формировании его дружины. В основе лежит незамысловатый сюжет: все верные товарищи Робин Гуда (силач Маленький Джон, весельчак-монах Тук, горшечник) изначально пытаются его захватить, но входят в состав его дружины, видя храбрость щедрого и мужественного гонителя несправедливости. Все они живут вольно и весело в Шервудском лесу. Баллады о Робин Гуде пропитаны антифеодальными настроениями, ненавистью к церковным правителям и местным властям. Такое положение дел соответствует исторической обстановке XV столетия. В XVI веке предпринимались попытки описать всю жизнь Робин Гуда путем объединения и дополнения баллад о герое. В это время появляются новые баллады, например, «О смерти Робин Гуда». История Робин Гуда нашла свое отражение в произведениях многих авторов, оставив огромный след в мировой литературе. Его упоминают поэты и драматурги второй половины XVI – начала XVII веков: Шекспир, Ф. Сидней, Бен Джонс, Драйтон, Роберт Грин. В. Скотт ввел в свой роман «Айвенго» несколько обработанных им эпизодов из этой балладной истории.

Вторую группу баллад, условно разделенных по тематическому признаку, составляют баллады, посвященные теме любви. Они наиболее многочисленны [1, с. 18], имеют лирико-драматический характер, повествуя о

препятствиях и опасностях, которые подстерегают влюбленных. Нескончаемая вражда между кланами, семьями, членами семьи вызвана похищениями, завистью, ревностью, недоразумениями. Глубина переживаний, силы страстей, острота ситуаций создают атмосферу драматической напряженности. Большинство таких баллад окрашены в зловещие тона, имеют роковой исход. Например, в балладе «Прекрасная Анни из Лох-Роян» (“The Lass of Loch Royal”) Анни в холодную ночь с ребенком на руках спешит к своему возлюбленному, но его мать прогоняет молодую женщину, а ее милый спит и не слышит зова. Девушка, отправившись в обратный путь, гибнет в морской пучине. В балладах данной группы женщины полны чувства ненависти, они жаждут мести. Будь то злая мать, мачеха, жена, любовница – все они обезумели от зависти, ревности или отчаяния. Древняя баллада «Эдуард» (“Edward”) представлена в форме разговора между матерью и сыном, в котором женщина убеждает сына совершить убийство отца. В другой балладе «Леди Изабель» (“Lady Isabel”) мачеха дает яд своей падчерице. Жена убивает своего мужа, оскорбившего ее, в балладе «Лорд Вористоун» (“The Lord of Waristoun”).

В некоторых балладах встречается тема кровосмешения, «...быть может, отзвук древних песенных сюжетов эпохи древнейших родовых отношений» [5, с. 231]. Таковы баллады «Ножны и нож» (“Sheath and Knife”), «Баллада о Леди Джин» (“The King’s Tochter Lady Jean”), «Лизи Уен» (“Lizie Wan”). В каждой подобной балладе неизбежна гибель за греховную связь. Однако любовь доставляет героям не только горе, но и величайшее счастье. Главный герой баллады «Чайлд Уотерс» (“Child Waters”) женится на девушке, чья любовь преодолела все трудности, унижения и муки. Атмосфера ненависти и насилия породила в сознании людей уверенность, что в реальном мире счастливая любовь невозможна. Вследствие этого в балладах нередко встречаются мотивы любви потусторонней, символом которой являются цветы (обычно это роза и шиповник), вырастающие на могилах влюбленных и сплетающиеся своими ветвями. Такая любовь не знает преград [5, с. 232].

Большое значение придавалось «обручальному обету», нравственный смысл которого заключался в верности: «Леди Мейзри» (“Lady Maisry”), «Воды Клайда» (“Clyde Water”), «Клятва Верности» (“Sweet William’s Ghost”), «Трагедия Дугласов» (“The Douglas Tragedy”) и другие. В конце таких баллад мы встречаем фантастический элемент. Вырастающие на могилах цветы, свидетельствуя о незыблемости любви главных героев, обретают символическое значение.

Интересно заметить, что в период расцвета балладного творчества фантастика в этом жанре не играла ведущей роли и никак не была связана с силой зла. Как замечает Аринштейн Л.М., в настоящее время известно около трехсот английских и шотландских народных баллад, а сверхъестественные события встречаются только в пятидесяти – то есть примерно в каждой шестой [1, с. 22]. Фантастический элемент в некоторых «волшебных балладах» мог быть использован как поэтический прием и как аллего-

рия. В балладе «Мальчик и мантия» (“The Boy and the Mantle”) мантия способна указать на неверную женщину, а волшебный рог выплескивает вино на платье труса. «Волшебство» здесь помогает дать нравственную оценку реальным человеческим порокам.

Нередко в балладах можно услышать и комическое звучание. Многочисленные комедии, басни, фаблю, сатиры свидетельствуют о том, что люди умели смеяться во все времена. Но и в смешных сюжетах встречаются элементы трагедии. В «Балладе о мельнике и его жене» (“Our Goodman”) бытовые подробности жизни супругов выходят на первый план. Подвыпивший мельник, вернувшись домой, уличает жену в измене, но лукавая женщина пытается его разубедить. Между героями разворачивается игровой диалог, имеющий фарсовый характер. Также комическое звучание присуще следующим балладам: «Старуха, дверь закрой» (“Get up and Bar the Door”), «Старый плащ» (“The Old Cloak”) и многим другим.

Анализ материала, изложенного в данной статье, позволяет сделать следующее заключение: жанр баллады уникален в своем роде. Особенности развития балладного жанра определили его многообразие. С течением времени и развитием жизни певцы и рассказчики постоянно обогащали жанр баллады новыми приемами сюжетосложения, стихосложения, элементами стилистической и композиционной системы. Помимо этого следует учесть тот факт, что баллада развивалась не изолированно, она существовала в непосредственном взаимодействии с другими жанрами. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что нельзя выделить один определенный признак, отличающий балладу от других поэтических жанров. Наличие всех свойств баллады: эпическое начало, лирическая и драматическая окраска, фрагментарная форма повествования, наличие рефренов и запевов, обилие диалогов, типизация, большое количество эпитетов и повторов, особое ритмическое строение, отсутствие признаков индивидуального авторства, трагическая развязка, песенная форма исполнения, – все это позволяет нам говорить о ней как об особом жанре народной поэзии.

Список литературы

1. Аринштейн Л.М. Вступительная статья // Английская и шотландская народная баллада / сост. Аринштейн Л. М. – М.: Радуга, 1988. – С. 11 – 28.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высш. шк., 1989.
3. Елина Н.Г. Развитие англо-шотландской баллады // Английские и шотландские баллады. – М.: Наука, 1973. – С. 104 – 131.
4. Жирмунский В.М. Английская народная баллада // Английские и шотландские баллады. – М.: Наука, 1973. – С. 87 – 103.
5. История английской литературы / под ред. Алексеева М.П., Анисимова И.И., Елистратовой А.А., Жирмунского В.М., Морозова М.М. – М.: АН СССР, 1943. – Т. I.
6. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – М.: Просвещение, 1972.
7. Пропп В.Я. Поэтика фольклора. – М.: Лабиринт, 1998.
8. Child F.J. English and Scottish popular ballads. – Vol. 1 – 5, 1882 – 1890.
9. Koenigsberger H. G. Medieval Europe 400-1500. – London: Longman, 1987.

Образы лотоса и лилии в мифологических системах Востока и Запада

В статье дается обзор основных символических значений мифопоэтических образов лотоса и лилии, получивших широкое распространение в различных мифологиях мира. В статье определяются ключевые символические дефиниции указанных образов в соответствии с их репрезентацией в мифологических системах Востока и Запада.

The given article is devoted to the review of key symbolic meanings of mythopoetic images of lotus and lily widely spread in various world mythologies. In the article major symbolic definitions of these symbols are given in accordance with their representation in mythological systems of east and west.

Ключевые слова: мифопоэтический образ, лотос, лилия, роза, символ, мифология.

Key words: mythopoetic image, lotus, lily, rose, symbol, mythology.

Многовековое исследование всемирного культурного наследия, богатейший опыт изучения произведений искусства, созданных на протяжении всей истории существования человечества, свидетельствуют о наличии трех универсальных мифопоэтических образов, к числу которых можно отнести дерево, розу и корабль. Ключевые для мировой культуры в целом и западноевропейской в частности, эти образы лежат в основе подавляющего большинства произведений искусства. Оставаясь актуальными и востребованными в каждую эпоху, они порождают все новые трансформации, находящие отражение в лучших образцах литературы, живописи, скульптуры, архитектуры, музыки и кинематографа.

Мифопоэтический образ дерева (Древо Мировое, или Arbor mundi), воплощающего универсальную концепцию мира и зафиксированного практически повсеместно в различных видах и формах искусства, представляется доминантным в предложенной триаде. Среди наиболее известных его вариантов, широко представленных в различных мифологических системах мира, «дерево жизни», «небесное дерево», «дерево плодородия» и «дерево познания». В контексте мировой культуры особое значение приобрели два его художественных воплощения: ветхозаветное дерево познания добра и зла и германо-скандинавское мировое дерево – ясень Иггдрасиль.

Образ розы обладает не меньшим культурологическим значением. В качестве обязательного компонента религиозно-мифологической системы, этот символ выполняет разнообразные функции. Его значения варьируются от «единства», «божественной любви», «милосердия» и «райского блаженства» до «удовольствия», «мудрости», «тайны» и даже «гордости».

Наиболее устойчивыми значениями данного мифопоэтического образа, прочно закрепившимися в мировой культуре, являются «любовь» и «тайна». Важное символическое значение приобрели и такие связанные с этим концептом образы, как «розовое дерево», «розовый сад», «венки из роз», «роза на кресте» и др.

Третий компонент – корабль, являет собой полноценный интердискурс, содержание которого определяют дискурсы Ноева Ковчега, Летучего Голландца и Корабля Дураков.

Такова общая характеристика упомянутой триады универсальных мифопоэтических образов. Изучению первого из указанных компонентов триады – *Arbor Mundi* – посвящено немало серьезных научных исследований, целью которых, главным образом, является рассмотрение образа Мирового Древа в качестве модели космоса: «Наиболее распространенной..., конкурирующей с антропоморфной... или с ним отождествленной, является «растительная» модель в виде гигантского космического дерева. <...> ...Космическое древо структурирует мир, созданный из антропоморфного первосущества» [2, с. 213]. Мифопоэтический образ корабля, в полной мере заявивший о себе уже в лоне шумеро-аккадской (миф о Зиусудре) и вавилонской (миф о Гальгамеше) мифологиях, получил дальнейшее распространение в иудаистических (Ноев ковчег), античных (ладья Харона, Арго, корабль Одиссея) и германо-скандинавских мифах (корабль из ногтей мертвецов Нагльфар и «лучший струг» Скидбладнир), в итоге прочно закрепившись в культуре стран Западной Европы – начиная с эпохи позднего Средневековья и до сегодняшнего дня интердискурс корабля представлен в различных произведениях искусства от живописи до кинематографа. В этом контексте мифопоэтический образ розы и родственных ему символов в контексте серьезных научных исследований отходит на второй план, при этом, согласно верному замечанию Умберто Эко, роза «...как символическая фигура до того насыщена смыслами, что смысла у нее почти нет» [4, с. 7]. Обзор историко-культурного бытования этого мифопоэтического образа, при ближайшем рассмотрении представляющего в роли поистине всеобъемлющего символа, представляется весьма любопытным и заслуживает пристального внимания, так как с течением времени *rosa mundi* оформилась в полновесный художественный дискурс западноевропейской культуры – один из самых востребованных и актуальных на протяжении многих столетий. Особый интерес в этом контексте вызывают два других компонента так называемого цветочного кода, тесно связанные с мифопоэтическим образом розы, а именно лотос и лилия, особенности бытования которых в мифологических системах востока и запада и составляют предмет настоящей статьи.

«Царственные» лотос и лилия, наряду с розой, являют собой доминантную триаду цветочного кода, получившую широкое распространение в различных мифологических системах мира. Среди множества значений, которыми насыщены эти образы, ключевыми и общими для всех трех яв-

ляются: источник жизни, созидательная сила, королевская власть и божественная непорочность. Лотос, испокон веков почитаемый на востоке, и лилия – классический атрибут западного искусства, на протяжении веков вели соперничество с розой за звание священного цветка. В лоне восточной культуры первенство лотоса обозначилось довольно скоро, в то время как борьба лилии и розы в культуре стран запада завершилась окончательной победой последней лишь в искусстве эпохи Возрождения.

Как уже было сказано выше, лотос выступает в роли бесспорного фаворита в культуре востока: наибольшее распространение этот мифопоэтический образ получил в мифологии Египта, Индии и Китая, выступая в качестве алломорфа мирового яйца, рождающего вселенную – «...боги, особенно в Египте и Индии, выходят из цветка лотоса» [2, с. 202]. Согласно сохранившимся вариантам египетского космогонического мифа, солнечное светило родилось из распустившегося лотоса, выросшего на холме, что возник из хаоса; из лотоса рождается бог Ра. Цветок, связанный с культом Нила, по берегам которого он рос, означал плодородие, источник жизни и воскресения, служил символом богини плодородия Изида, а также украшал голову бога солнца Осириса. Лотос выступал в качестве эмблемы царской власти (скипетр представлял собой цветок лотоса на длинном стебле), изображался на монетах, широко использовался в качестве основного элемента праздничного убранства. Во время пиршеств ни один гость не оставался без цветка лотоса – если он начинал вянуть, его тут же заменяли свежим. Особое предпочтение в Египте отдавалось голубому лотосу, иначе называемому небесной водяной лилией, из-за его необычной окраски и тонкого аромата. Лотос присутствует и в египетской архитектуре (форма колонн, капителей и т.д.). Отварные корневища лотоса использовались египтянами в пищу наподобие картофеля, из его семян делали муку для выпекания хлеба.

В Индии лотос олицетворяет богиню-мать, источник божественной силы. Значение этого образа как «...универсального принципа, управляющего миром и развивающейся в нем жизнью» [2, с. 71] реализуется в мотиве рождения из тела Вишну гигантского лотоса, на котором восседает Брахма: по мере того, как распускаются лепестки цветка, разрастается и вселенная; а также образе лотоса как отражения всей земли, что плавает по поверхности океана подобно водяному цветку. Индийские буддисты почитают цветок лотоса как символ благовещения о рождении Будды. Согласно древнему преданию, в день его появления на свет красные, синие и белые лотосы царского сада раскрылись и замерли в ожидании. Когда в сад вошла Майя деревья склонились перед ней. В момент рождения Будды земля содрогнулась и начался дождь из лотосов. Как только маленький Будда сделал свои первые шаги по саду, все увидели, как на месте его следов стали тут же вырастать огромные лотосы. Эти цветы сопутствуют Будде на всех этапах его жизненного пути вплоть до самого последнего часа, и когда на седьмой день после смерти его тело должно быть предано огню, с

неба сыплются лотосы всевозможных расцветок. В живописной традиции на стопе божества непременно присутствует знак лотоса, а сам он изображается с цветком в руке или покоящимся на нем.

Согласно другой индийской легенде, творец мира, преследуемый своим непримиримым врагом водой, повсюду ища укрытие, обрел его лишь в цветке лотоса. Когда опасность миновала, Брама покинул свое убежище и отправился в мир, обретя еще большее величие. Брахманисты видят в лотосе и в родственном ему цветке нелюмбиуме символ плодотворных сил природы. Согласно мифологическим представлениям брахманизма дыхание Вишну – благоухание лотоса, а сам он покоится на девяти золотых лотосах, что были преподнесены ему богами.

Прежде чем Вишну признал величие розы как самого прекрасного цветка на земле, этот почетный титул носил лотос. Н. Ф. Золотницкий приводит текст индуистского предания о споре Браммы и Вишну, согласно которому Брама, сошедший к Вишну с лотоса, потребовал признать первенство за его цветком, однако Вишну отказался, заявив, что самый прекрасный цветок – роза, находится в его саду. Брама согласился признать первенство Вишну среди богов, если тому удастся доказать свою правоту в отношении розы. Войдя в свой сад, Вишну указал на нее, воскликнув: «Вот красивейший из цветов всех райских садов» [1, с. 171], – и тут же навстречу ему из лепестков распустившейся розы вышла Лакшми, объявив, что станет его женой в награду за верность и прямодушие. Став свидетелем подобного чуда, Брама признал превосходство Вишну и его цветка, а «...слышавшая все это синяя птица, ...поспешила сообщить лотосу, и цветок Браммы принял тотчас же зеленоватый оттенок зависти, которым с тех пор отливают его блиставшие прежде дивной белизной лепестки» [1, с. 172].

В китайской мифологии образ лотоса связан с чистотой и целомудренностью, является одной из восьми эмблем удачного предсказания, а также символизирует производительную силу. Буддистами Тибета и Монголии особо почитается красный лотос. В горах до сих пор встречаются высеченные на камне или прикрепленные к скалам таблички с надписями-обращениями к Будде: «Да будет благословен Он с лотосом и драгоценным камнем» и «Перл создания в лотосе». Согласно буддистской мифологии процесс творения мира представляет собой бесконечную череду лотосов, раскрывающихся один за другим. С X века в Китае существовал культ так называемой «лотосовой ножки» – крошечной женской стопы, миниатюрный размер которой считался верхом изящества и идеалом красоты вплоть до 1912 года, когда традиция бинтовать ножки 4 – 5-летних девочек официально прекратила свое существование.

Как уже было отмечено, соперницей лотоса за титул царственного цветка в мифологии востока являлась роза. Статус розы был настолько высок, что по установленному обычаю любой, принесший розу царю, мог просить его выполнить свою просьбу. Роза также служила украшением

храмов, ею усыпали дорогу, по которой следовали правители или статуи богов, розами платили дань царю. В домах индийской знати каналы, вырытые вдоль парковых дорожек, были наполнены лепестками роз, чтобы ее аромат всегда оставался в воздухе. Древний миф гласит, что Лакшми, богиня красоты, появилась из розы, которая с той поры стала почитаться как священный цветок, символ тайны и красоты.

Вечная соперница розы лилия, как и лотос, символизирует плодородие и процветание; одновременно этот мифопоэтический образ выступает в качестве символа первоисточника жизни: в культуре майя лилия является атрибутом крокодила, несущего на своей спине весь мир. Цветок лилии, как символ непорочной красоты, был почитаем у персов, столица которых носила название Суза, то есть город лилий, а на гербе было изображено несколько белых цветков. Согласно еврейской традиции лилия возникла из слез Евы, изгнанной из Рая. Иудеи полагали, что лилия была единственным цветком, который остался неоскверненным в райском саду в то время, когда Дьявол искушал Еву. Почитая лилию как символ чистоты и невинности, евреи украшали ею священные алтари. Изображениями лилии тирский архитектор декорировал стены и потолок храма Соломона; форму лилии автор придал капителям величественных колонн своего грандиозного сооружения – священный цветок был призван поддерживать в молящихся должную сосредоточенность и подобающий духовный настрой.

Однако именно в лоне западной культуры этот мифопоэтический образ приобрел особенное значение. В соответствии с греко-римской мифологией лилия произошла из капель молока Юноны. Согласно легенде, царица Фив Алкмена, опасаясь мести Юноны, спрятала рожденного от Юпитера Геркулеса под густым кустарником. Однако вскоре Минерва нарочно отвела Юнону к этому месту, указав на покинутого всеми младенца. Малыш настолько понравился богине, что она напоила проголодавшегося ребенка своим молоком. Однако он так сильно укусил ее, что она была вынуждена оттолкнуть его от себя – тогда «...молоко брызнуло и, разлившись по небу, образовало Млечный путь, а несколько капель его, упав на землю, превратилось в лилии» [1, с. 75]. Другой вариант легенды гласит, будто бы Юпитер приказал Морфею приготовить для Юноны снотворное зелье и отправил Меркурия подложить под грудь богини новорожденного Геркулеса, чтобы он стал бессмертным. Малыш так жадно сосал молоко, что пролил несколько капель на землю, из которых затем и выросли лилии, получившие имя розы Юноны. У римлян лилия была связана с апрельским праздником в честь богини весны Флоры, когда женщины соревновались в борьбе и беге, а также считалась символом достатка и даже роскоши, в связи с чем патриции и патрицианки старались украшать себя, свои колесницы и ложа как можно большим количеством лилий. Этот цветок считался символом надежды на грядущее изобилие и чеканился на римских монетах в сопровождении следующей надписи “*Spes populi, spes augusta, spes populi romani*” (Надежда народа, надежда царя, надежда римлян). Ли-

лия присутствовала и в праздничном убранстве римских молодоженов: переплетенные с пшеничными колосьями эти цветы возлагались на головы жениха и невесты в знак пожелания благоденствия супружеской паре.

В германо-скандинавской мифологии с молнией в правой руке и скипетром, увенчанным лилией, в левой изображался грозный Тор. В средневековом западноевропейском фольклоре король фей и эльфов, Оберон, своим атрибутом имел жезл, увенчанный лилией, которая одновременно ассоциировалась с крошечными волшебными созданиями – эльфами, согласно легендам, рождавшимися и умиравшим каждый вместе со своим цветком. Венчики цветов служили им колокольчиками, при помощи которых они созывали своих собратьев на молитву, а также крошечными модельными, в которых они преклоняли колени, после чего вновь возвращались в чашечки цветочных колыбелек.

В качестве символа божественной непорочности лилия выступает неприменным атрибутом христианских святых. В католических странах с лилией в руке изображались Св. Иосиф, Св. Иоанн, Св. Франциск, Св. Гертруда и Св. Цецилия. Существует легенда, согласно которой в день Благовещения архангел Гавриил явился к Марии с лилией в руке – так в живописной традиции его принято изображать и в наши дни. Лилия связана с образом Моисея, колыбель которого, как гласило предание, остановилась под этим цветком. По завету пророка форма лилии должна быть придана семисвечнику и купели первосвященника. В первые годы христианства девушки принимали святое Крещение, будучи облаченными в венки из белых лилий. До настоящего времени сохранилось предание, объясняющее причину возникновения красных лилий: в ночь, которую томимый ощущением близкой смерти провел в Гефсиманском саду Иисус, все цветы склонили головки в знак сострадания, и только гордая лилия, блистающая своей несравненной белизной, непокорно вглядывалась в Спасителя, не желая склониться перед его печалью. Христос, пораженный ее особым блеском в лунном свете, взглянул на цветок, и в этот момент лилия, ощутив его страдания и будучи не в силах вынести его взгляд, залилась румянцем, который окрасил ее лепестки в алый цвет – «вот почему красные лилии никогда не стоят с поднятыми кверху головками и к ночи смыкают ...свои лепестки» [1, с. 80].

Иная трактовка образа лилии связана с загробным царством: душа мертвого возвращается на землю в виде белоснежного цветка. Известно также предание, согласно которому лилия вырастает на могиле невинно осужденного человека. В египетской традиции лилиями украшали тела умерших девушек. Схожее значение придается белоснежному цветку и в немецкой народной культуре: согласно народным преданиям надгробная лилия, как и роза, является одновременно свидетельством преданности живых умершим и символом посмертной мести покойного. Этот цветок никогда не сажают на могилу, однако он вырастает сам под влиянием мистических сил, при этом чаще всего распускаясь на могилах самоубийц или

людей, погибших в результате насильственной и жестокой смерти; в случае если лилия «...вырастает на могиле убитого, то служит знаком грозящей мести, а если на могиле грешника — то прощения и искупления им грехов» [1, с. 86]. В фольклоре стран Западной и Восточной Европы образ лилии зачастую связан со смертью, разлукой, печалью — хрупкий бело-снежный цветок выступает в качестве главного героя целого ряда народных легенд и преданий, повествующих о трагической любви юноши к прекрасной незнакомке, ускользающей от него в образе белой лилии.

Подобно розе Тюдоров, лилия стала царским символом — стилизованное изображение цветка (три золотые геральдические лилии — *Fleur-des-Lis*) является эмблемой французских королей с 1147 года. Согласно сохранившейся легенде, во время ожесточенной битвы с алеманами французский языческий правитель Хлодвиг обратился к христианскому богу, которому поклонялась его супруга Клотильда, с мольбой о помощи. «И тогда внезапно явился ему ангел Божий с ветвью лилий и сказал, чтобы отныне он сделал этот цветок своим оружием и завещал его своим потомкам» [1, с. 79]. Обретя мужество, воины французской армии одержали победу, и в 496 году король франков вместе со своими подданными отправился в Реймс, чтобы принять святое крещение. С того времени цветок лилии выступает в качестве атрибута французской монархии, символизируя защиту королевской власти на земле святой церковью. Две лилии, изображенные на синем поле, присутствуют и на гербе Жанны д'Арк, пожалованном ей Карлом VII. Образ лилии прочно закрепился во французском языке, будучи представленным в таких фразеологизмах, как “*Les Lys ne filent pas*” — «Лилии не прядут» (т.е. женщины не могут восседать на престоле) и “*être assis sur des Lys*” — «Восседать на лилиях» (т.е. занимать высокую должность).

Как следует из приведенного выше обзора значений мифопоэтического образа лилии, во многом она обнаруживает очевидное сходство с розой: наравне с розой лилия высоко почиталась римлянами и так же, как и роза, служила непременным атрибутом праздника в честь Флоры, символизируя роскошь и изысканный вкус; в христианстве символом Девы Марии являлись оба цветка, а в позднесредневековой традиции лилия, как и роза, порой перенимала черты древа жизни — распространение получил образ Иисуса Христа, распятого на цветке. С течением времени, однако, именно розе было суждено занять место верховного божества цветочного Олимпа и стать царицей из цариц.

В контексте целостного восприятия мировой культуры важнейшее значение приобретает изучение каждого элемента, лежащего в ее основе, исследование его взаимосвязи с другими составными частями, а также анализ их взаимовлияния. Очевидно, что для систематического подхода к указанной проблеме необходим целый ряд предварительных исследований,

а потому предпринятая попытка наглядно представить ключевые значения связанных с мифопоэтическим образом розы, лотоса и лилии представляет собой лишь первый шаг на пути всестороннего понимания одного из наиболее значимых для культуры стран Западной Европы дискурса.

Список литературы

1. Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1913.
2. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература, 2006.
3. Рошаль В.М. Полная энциклопедия символов. – М.: АСТ, 2006.
4. Эко У. Заметки на полях «Имени Розы». – СПб.: Симпозиум, 2007.

К проблеме определения литературного языка древнейшего периода

В статье рассматривается проблема определения русского литературного языка древнейшего периода, его материальной основы и корпуса текстов, составляющих сферу литературного языка Древней Руси. Анализируются отношения литературного языка с языком письменности, языком художественной литературы; рассматривается вопрос о существовании устной разновидности литературного языка древней поры, возможность применения категории нормы к древнерусскому литературному языку.

This article concerns the problem of Old Russian literary language definition and corresponding problems: literary language and written language, spoken type of Old Russian literary language, literary language and literature, material basis and standard of Old Russian literary language.

Ключевые слова: литературный язык, древнерусский язык, признаки древнерусского литературного языка.

Key words: literary language, Old Russian language, Old Russian literary language characteristics.

Понятие «литературный язык» применительно к древнерусскому периоду (X – XIV вв.) до сих пор не имеет однозначного определения. Этому есть целый ряд причин. Прежде всего, отдаленность эпохи не позволяет ученым взглянуть на то явление, которое мы привыкли называть литературным языком (далее – ЛЯ), «изнутри», с точки зрения носителя русского языка той поры (нам известно только одно исследование, в рамках которого автор предпринял попытку изучения древнерусского литературного языка с учетом языкового сознания средневекового носителя русского языка – это работа В. В. Колесова «Древнерусский литературный язык», см.: [9]). О том, что признавалось литературным, а что выходило за рамки ЛЯ, можно судить лишь по косвенным признакам. В результате, осознанно или нет, мы анализируем ЛЯ Древней Руси на основе тех же категорий, которые характеризуют ЛЯ современности. Вероятно, другого пути пока нет, но следует постоянно помнить о том, что содержание категорий литературного языка исторично, и понятия «норма», «стиль», «кодифицированность» имели иное наполнение, нежели сейчас.

Следующая проблема, связанная с понятием древнерусского ЛЯ, это проблема корпуса текстов, которые включаются или не включаются в сфе-

ру ЛЯ. Надо отметить, что наукой об истории ЛЯ пока не разработаны четкие критерии, которые бы позволяли говорить о несомненной принадлежности того или иного текста ЛЯ древнейшей поры, так что данный вопрос решается субъективно, в зависимости от взглядов на ЛЯ конкретного исследователя.

Далее, с проблемой отнесения древнерусского текста к ЛЯ связана проблема соотношения ЛЯ и письменного языка. Смыкается с предыдущим вопросом о соотношении ЛЯ и языка литературы.

Актуальным до сего дня является и вопрос о материальной основе древнерусского ЛЯ. Несмотря на то, что в большинстве трудов по истории ЛЯ постулируется смешанная основа русского ЛЯ [1, 4, 7, 8, 9, 12], в последней трети XX века появились работы, отходящие от этой общепризнанной концепции.

Нет единого мнения и относительно возможности применения понятия «норма» к древнерусскому ЛЯ [7, 9, 20].

Итак, мы обозначили основные спорные моменты, от решения которых зависит понимание русского ЛЯ X – XIV веков. К этому надо добавить непоследовательное употребление терминов, связанных с понятием ЛЯ и его признаками (эта проблема подробно освещена в: [1, с. 80 и след.]). Попытаемся обобщить существующие исследования по проблеме определения ЛЯ древнейшей поры и выявить объективные его характеристики.

Методологически правильным в лингвистике считается подход «от языковой действительности к теоретическим обобщениям», а потому в определении ЛЯ следует отталкиваться от того языкового материала, в котором реализуется ЛЯ, то есть – от текстов. Закономерна постановка вопроса: какие же тексты признавать включенными в орбиту древнерусского ЛЯ?

Часто древнерусский ЛЯ называют языком литературно-письменным [17]. Точка зрения на древнерусский язык как на язык письменности прочно укрепилась в отечественном языкознании: «...литературный язык сливается с языком всего того, что сохранилось в письменной форме от древних эпох, с языком письменности...» [1, с. 80]. П.Я. Черных пишет: в старину «существовали, собственно говоря, две формы древнерусского языка; письменный язык, имевший две разновидности: литературный (книжно-литературный) и канцелярский (деловой) языки, и разговорный — народный, устная общенародная речь» [25, с. 10]. Б.А. Успенский также признает только письменную форму существования ЛЯ, точнее – двух литературных языков: церковно-славянского литературного и русского административного [24, с. 15].

Удивительно, что такой огромный пласт культурного наследия, как устное народное творчество, остается за пределами научных интересов исследователей ЛЯ. Своими корнями устная поэтическая традиция уходит в глубокую древность. Б.А. Рыбаков убедительно доказывает, что мифолого-

космогонические представления, интерес к отважным героям, легшие в основу сказок, заговоров и других жанров устного народного творчества, сформировались уже к 15 000 до н.э. [22, с. 119 и др.].

В. В. Виноградов признает, что влияние южнославянской языковой стихии не могло «подавить передачу на письме и дальнейшую литературную обработку восточнославянской народно-поэтической и историко-мемуарной речевой традиции» [1, с. 87], однако здесь же замечает, что книжно-славянский литературный язык и литературно обработанный народный язык «не уместаются в рамках одной языковой структуры и применяются в разных сферах культуры и с разными функциями» [1, с. 87]. Данное утверждение не бесспорно, ибо языковая структура письменной книжной речи и устной народной разговорной речи едина; работа над словом, над формой в рамках традиционного устного текста не прекращалась на протяжении тысячелетий. Функциональное же размежевание так называемой «книжной» речевой стихии и устного народного творчества лишь свидетельствует в пользу тезиса о полифункциональности древнерусского ЛЯ.

Невозможно обойти вниманием исследования Д.С. Лихачева, посвященные изучению русских летописей [13; 14; 15]. Продолжая разработки А.А. Шахматова, Д.С. Лихачев достоверно установил, что в древнерусских летописях отражены различные типы устной речи, которые развились на Руси до появления письменности и сохранялись вплоть до XIII века (см.: [15]). Это, прежде всего, речи послов, воинские речи, которые обращали князя своим дружинникам, а также вечевые речи – своего рода политические программы. Все перечисленные жанры отличались лаконичностью, выразительностью, традиционностью формулировок, общим высоким уровнем культуры устной речи. «Есть все основания думать, что еще в дописьменный период русской истории существовало высокое искусство устной речи, поэтической и деловой. В существовании искусства поэтической речи убеждает наличие фольклора, развитого и сложного; в существовании высокого искусства деловой речи убеждает самый характер русской политической и социальной истории до XI века: развитость норм обычного права, наличие обширных дипломатических сношений с соседними народами и между отдельными племенами» [15, с. 149]. (Ср. Б.А. Успенский: «"Русская Правда", бесспорно, возникла в устной форме еще до крещения Руси, т.е. текст этого памятника отражает дохристианскую и дописьменную традицию (упоминание о «русском законе» мы находим в договорах с греками 911 и 945 гг.» [24, с. 14]). Представляется, что устная деловая и поэтическая речь должны быть признаны составляющими древнерусского ЛЯ, обслуживавшими определенные сферы общественной жизни.

Как показатель «литературности» / «нелитературности» определенной формы существования языка часто указывается уровень образованности носителя этой формы языка. Вряд ли кто-то будет отрицать тот факт, что

послы, князья, сказители были грамотными, образованными людьми своего времени. С этой точки зрения также жанры устной речи имеют полное право называться «устной разновидностью» ЛЯ. (Конечно, трудно оценивать соотношение грамотных, образованных и необразованных носителей древнерусского языка; этот вопрос крайне сложен для изучения.)

Еще один спорный момент в определении ЛЯ древнейшей поры – это вопрос об отношении ЛЯ к литературе. Конкретное решение этой проблемы, в конечном итоге, определяет круг памятников древнерусской письменности, который составляет корпус текстов ЛЯ.

В.В. Виноградов отмечает, что смешение понятий ЛЯ и язык литературы отмечается в русской филологической традиции уже с XIX века [1, с. 85]. Результатом развития этой тенденции стало формирование двух точек зрения на соотношение ЛЯ и языка литературы. Одна из них заключается в отождествлении того и другого. Так, например, И.С. Улуханов полагает, что ЛЯ донациональной поры – это «язык религиозно-философской, исторической, научной и художественно-повествовательной литературы. Донациональный язык деловых документов и частных писем, как не входящий в сферу литературы, обычно не включается в сферу литературного языка» [23, с. 17 – 18].

Б.В. Томашевский считал, что «Литературный язык не то же самое, что „язык литературы“ или „поэтический язык“. Применение литературного языка выходит далеко за пределы художественной литературы...» [Цит. по: 1, с. 80]. В.В. Виноградов скептически отнесся к высказанной Б.В. Томашевским точке зрения, но эта позиция нашла поддержку среди ученых-лингвистов: Н.А. Мещерский, П.И. Еремин, В.В. Колесов, М.А. Камчатнов расширяют понятие ЛЯ, включая в него деловую и бытовую письменность. Введение деловых текстов в сферу ЛЯ в настоящее время не вызывает сколько-нибудь серьезных вопросов, а вопрос о статусе бытовой письменности остается дискуссионным. Под бытовой письменностью в данном случае понимаются грамоты на бересте. Н.А. Мещерский считал, что берестяные грамоты, отражающие частную переписку, – это образцы формирующегося эпистолярного стиля. Отнесение этих памятников письменности к ЛЯ возможно, по мнению Н. А. Мещерского, благодаря использованию в текстах этих памятников «устоявшихся речевых трафаретов, закрепленных длительной традицией» [16]. В.В. Виноградов, А.И. Горшков [1; 2] полагали, что язык берестяных грамот отражал лишь особенности древненовгородского диалекта, а потому не может рассматриваться как часть общелитературного языка. Однако следует учитывать результаты многолетних исследований А.А. Зализняка [5; 6], согласно которым русский ЛЯ возник как результат длительного взаимодействия центрально-восточного и древненовгородского диалектов. В свете работ А.А. Зализняка представляется целесообразным изучение языка берестяных грамот в рамках истории формирования русского ЛЯ.

Возвращаясь к отношению ЛЯ и литературы, отметим, что само понятие «литература» применительно к X – XIV векам отличалось от современного. Д.С. Лихачев пишет, что повествовательная литература Древней Руси была ориентирована на исторически достоверное отображение действительности, а потому в древнерусской литературе не было чисто развлекательных жанров [13]. В силу этого обстоятельства весьма затруднительным становится проведение границы между литературой и «не литературой» древнерусской поры, а потому споры о тождественности или нетождественности ЛЯ языку литературы становятся бессмысленными.

Не менее важным для определения понятия литературного языка оказывается понимание его материальной основы. Так, признание в качестве последней церковнославянского языка приводит к исключению текстов делового характера из системы ЛЯ древнейшей поры.

Вопрос о материальной основе ЛЯ остается дискуссионным и в современной лингвистике (ср. точки зрения А.А. Шахматова, С.П. Обнорского, Б.А. Ларина, В.В. Виноградова, позднее – И.С. Улуханова, М.Л. Ремневой, Б.А. Успенского, В.В. Колесова, М.А. Камчатнова). Удивляет настойчивость, с которой отдельные ученые пытаются произвести древнерусский язык из старославянского (см., напр., [20; 23]), в то время как осознание самостоятельности этих двух языков, их параллельного (но не последовательного, один из другого) развития произошло уже в трудах М.В. Ломоносова; это положение было подтверждено затем А.Х. Востоковым и другими представителями сравнительно-исторического языкознания. Говорить о церковнославянской основе русского ЛЯ по меньшей мере странно, принимая во внимание генетическое родство старославянского и древнерусского языков. Там, где некоторые ученые видят «церковнославянскую основу» русского ЛЯ, на деле обнаруживается общеславянский фонетический, грамматический, лексический фонд.

Достижения в области сравнительно-исторического языкознания и многочисленные исследования памятников древнерусской письменности позволяют говорить о том, что в основе русского ЛЯ лежал язык восточных славян; именно он стал той движущей силой, которая стимулировала постоянное изменение и развитие русского ЛЯ. Многие исследователи упускали из виду один общеизвестный факт, на который обратил внимание В. В. Колесов: несмотря на значительное влияние церковнославянской традиции, намеренной архаизации (славянизации) русского ЛЯ (имеем в виду второе южнославянское влияние – прим. авт.), мы все же получили три разных восточнославянских литературных языка: русский, украинский и белорусский, каждый из которых отличается своими особенностями [9, с. 4]. Да и каков был круг владеющих церковнославянским языком? Можно ли говорить о том, что большая часть восточных славян знала этот язык? Однозначного ответа на эти вопросы наука об истории языка пока не дать может.

Принятие положения о восточнославянской основе русского ЛЯ, о формировании ЛЯ в условиях тесного взаимодействия восточнославянского языка и церковнославянской традиции выглядит обоснованным, логичным и закономерным. Тогда понятие ЛЯ будет охватывать и деловые тексты, и различные жанры устной литературной речи.

Обладал ли древнерусский ЛЯ нормой? Некоторые исследователи (напр.: [8]) обходят этот вопрос; большинство же ученых придерживается мнения, что понятие «норма» не применимо к ЛЯ Древней Руси [7; 9]. Действительно, понятие нормы в современном ЛЯ и ЛЯ древнейшей поры оказывается наполненным разным содержанием, но отрицать существование какой бы то ни было нормы представляется не совсем верным. М.Л. Ремнева понимает норму древнерусского ЛЯ близко к современному наполнению этого понятия и с этой точки зрения обследует обширный круг древнерусских памятников различного содержания. Ученый обращает внимание, прежде всего, на реализацию системы прошедших времен, формы двойственного числа, употребление сложноподчиненных предложений. В результате М. Л. Ремнева приходит к выводу о том, что русские книжники придерживались определенных правил в употреблении фонетических и грамматических элементов системы языка в зависимости от жанровой принадлежности текста. В.В. Колесов понимает норму несколько иначе. В своих работах по русскому языку древней поры [9; 11] ученый разрабатывает идею, что в XI – XV веках (и позднее) основной единицей языка была синтагма, а единицей смысла – словесная формула. Именно такая традиционная формула и функционировала как некий образец употребления, как своеобразная норма, с которой были знакомы книжники, и которую они бережно хранили. Тем не менее, норма и тогда была изменчива. В. В. Колесов убедительно показывает эволюцию формул, характерных для разных жанров (например, для жанра притчи, слова, поучения, молитвы, жития, повести, грамоты и т.д.) [7]. О формульности древнерусского ЛЯ писали и такие исследователи, как Д.С. Лихачев, П.И. Еремин, Б.А. Рыбаков [3; 13; 21].

Итак, из всего сказанного выше вытекает, что русский ЛЯ древней поры не замыкался в границах «художественной» литературы. Корпус текстов древнерусского ЛЯ формировали тексты, зафиксированные в памятниках письменности разного содержания и функционального предназначения, а также устные фольклорные и устные деловые тексты.

ЛЯ Древней Руси существовал как в устной, так и в письменной форме, и обладал нормой, понимаемой как совокупность образцовых употреблений, устойчивых формул, характерных для конкретных жанров устной и письменной речи. Норма реализовалась как на уровне грамматической, так и на уровне лексической подсистем древнерусского языка.

В заключение отметим, что уточнение терминов, связанных с русским ЛЯ древнейшей поры, остается одной из самых актуальных задач изучения истории ЛЯ.

Список литературы

1. Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избранные труды. – М., 1978.
2. Горшков А.И. История русского литературного языка: Краткий курс лекций. – М., 1965.
3. Еремин И.П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ – М.-Л., 1949. – Т. 7. – С. 67 – 97.
4. Ефимов А.И. История русского литературного языка. – М., 1955.
5. Зализняк А.А. Значение берестяных грамот для истории русского языка // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. – М., 2003. – С. 218 – 223.
6. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Камчатнов А.М. История русского литературного языка XI – первая половина XIX века. – М., 2005.
8. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. – М., 1992.
9. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л., 1989.
10. Колесов В.В. Критические заметки о «древнерусской диглосии» // Литературный язык Древней Руси. – Л., 1986. – С. 22 – 41.
11. Колесов В.В. Функция и норма в литературном языке // Функционирование языка и норма. – Горький, 1986. – С. 3 – 11.
12. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). – М., 1975.
13. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.-Л., 1947.
14. Лихачев Д.С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Исторические записки. – 1945. – Т. 17. – С. 201–224.
15. Лихачев Д.С. Русский посольский обычай XI – XIII вв. // Исторические записки. – 1946. – Т. 18. – С. 42–55.
16. Мещерский Н.А. История русского литературного языка. – Л., 1981. – [Электронный ресурс]: <file://localhost/C:/Users/755E~1/AppData/Local/Temp/7zO712B.tmp/Мещерский.htm>
17. Мещерский Н.А. О лингвистическом разграничении памятников древнеславянского языка русского извода и древнерусского литературного языка XI – XIV вв. К постановке проблемы // Мещерский Н.А. Избранные статьи. – СПб., 1995. – С. 33 – 39.
18. Мещерский Н.А. Существовал ли «эпистолярный стиль» Древней Руси? Из заметок о грамотах на бересте // Мещерский Н.А. Избранные статьи. – СПб., 1995. – С. 39 – 44.
19. Обнорский С.П. «Русская Правда» как памятник русского литературного языка // Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. – М., 1960. – С. 120 – 144.
20. Ремнева М.Л. История русского литературного языка. – М., 1995.
21. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». – М., 1972.
22. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1998.
23. Улуханов И.С. О языке Древней Руси. – М.: Наука, 1972.
24. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). – М., 1994.
25. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. – 2-е изд. – М., 1954.
26. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. – М., 2002.
27. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – М., 1953.

Актуальность изучения языкового выражения оптимизма/пессимизма для теории языка

В статье обосновывается актуальность проблемы языкового выражения оптимизма и пессимизма для общей теории языка. Целью статьи является подтверждение теоретической значимости данной проблемы для современной лингвистической науки.

The article is dedicated to substantiation of the topicality of the problem of optimism and pessimism verbal expression for the general theory of language. The purpose of this article is to confirm the theoretical significance of the problem for contemporary linguistics.

Ключевые слова: оптимизм, пессимизм, языковое выражение, речь, высказывание, текст, оценка.

Key words: optimism, pessimism, verbal expression, speech, utterance, text, evaluation.

Одной из наиболее актуальных и интересных проблем современной лингвистики является проблема определения характера отдельных высказываний и целых текстов. На сегодняшний день имеется не так много информации о том, что такое оптимизм и пессимизм, каким образом они проявляются в речи. Попытаемся обосновать актуальность изучения языкового выражения оптимизма и пессимизма для общей теории языка.

Прежде всего, изучение проблемы языкового выражения оптимизма/пессимизма может внести некоторые уточнения в решение проблем соотношения языка и речи, а также языка и мышления. Ученые из самых разных областей науки, включая философию, психологию, лингвистику и психолингвистику, с давних времен занимаются изучением данных проблем. Говоря о проблеме соотношения языка и речи, необходимо учитывать тот факт, что язык в отличие от речи абстрактен, идеален, его нельзя наблюдать непосредственно; в свою очередь речь конкретна и материальна, проявляет себя в высказываниях и текстах. В качестве материала исследования предлагается использовать контексты и высказывания, взятые из текстов песен. При более подробном анализе этих высказываний на грамматическом и лексическом уровнях появится возможность выхода с речевого уровня на более высокий – языковой – уровень. В нашем материале мы исходим из того, что соотношение языка и речи – это соотношение общего и особенного, сущности и явления и т.п. [14, с. 21 – 23]. Такой подход позволяет определить собственно языковые характеристики проявления оптимизма и пессимизма в конкретных высказываниях.

Если говорить о втором аспекте – о соотношении языка и мышления, то достаточно большое количество ученых занимается исследованиями в

области влияния позитивного и негативного, оптимистичного и пессимистичного мышления на язык и речь индивида. Рассматривается также и обратное действие – влияние языка на мышление. Именно особенность языка влиять на мышление человека используют в своей практике ученые-психологи, стараясь тем самым помочь пациенту побороть пессимистичное настроение и депрессию (более подробно см. М. Зелигман, К. Петерсон, Г. Аффлек и др.). На сегодняшний день немало известно о том, что в средствах массовой информации также нередко используются специальные языковые конструкции, которые содержат в себе так называемую имплицитную (скрытую) информацию [10] и позволяют особым образом воздействовать на потенциальную аудиторию. В нашем материале мы исходим из того, что соотношение мышления и языка – это соотношение всеобщего и общего, бытия и сущности [14, с. 21 – 23]. Таким образом, изучение языкового выражения оптимизма/пессимизма может внести дополнительный материал в исследование такой «вечной» проблемы теории языка, как проблема «Язык и мышление».

Ученых, занимающихся исследованиями в области внутренней структуры языка и построением языковых моделей, также могут заинтересовать проблемы языкового выражения оптимизма и пессимизма.

Лингвистическая модель обозначает объект, сконструированный исследователем «с целью познания того или иного фрагмента действительности, т.е. объекта-оригинала» [8]. Существует несколько типов моделей: порождающие [8], синтетические [6, с. 304], аналитические. Именно последний тип моделей в данной ситуации представляет наибольший интерес. Аналитические модели направлены на восприятие и извлечение смысла из текста. Это своеобразный переход «текст → смысл». Использование конкретных контекстов и текстов в качестве материала исследования при попытке их последующей «расшифровки» дает возможность исследователю двигаться от текста к его смыслу с возможностью определения позитивной/негативной и, как результат, оптимистичной/пессимистичной направленности этого текста.

Изучение проблемы языкового выражения оптимизма и пессимизма может внести определенный вклад в семантику синтаксиса, занимающуюся изучением плана содержания синтаксических конструкций [8]. Семантика синтаксиса оперирует такими понятиями, как ситуация (основной смысл, выражаемый конкретной синтаксической конструкцией), десигнат (элемент ситуации), партиципant/семантический актaнт (участник ситуации) и т.д. [8]. Конкретное высказывание, взятое из текста, например, песни и рассматриваемое вне контекста, то есть в отрыве от речевой ситуации, может представлять интерес для ученого, занимающегося исследованием структурной составляющей предложений.

В настоящей работе различаются такие понятия, как предложения и высказывания. Для последовательного разграничения этих понятий нельзя не обратиться к известной дихотомии язык – речь. Речь – это материальное

проявление языка. По справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой, «речь есть воплощение, реализация языка, который обнаруживает себя в речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение» [3, с. 414]. То же самое можно сказать и о соотношении предложение-высказывание: высказывание является реализованным в речи предложением. Именно поэтому в конкретном тексте имеют дело не с предложением в его терминологическом смысле, а с высказыванием, некой речевой единицей, которая конкретизирует свой смысл в этом тексте [7]. Говоря об отборе высказываний из песен (эмпирический материал нашего исследования), мы имеем в виду, что рассмотрение данной проблемы должно происходить с учетом речевой ситуации, то есть в рамках конкретного контекста/текста.

В качестве эмпирического материала исследования проблемы языкового выражения оптимизма и пессимизма мы используем тексты и контексты песен. Песня – «стихотворное и музыкальное произведение» [13, с. 514], следовательно, рассмотрение светлых и темных (оптимистичных и пессимистичных) поэтических текстов может быть актуально для такого известного психолингвистического направления, как фоносемантика.

Фоносемантика как учение о звуках поэтической речи занимается изучением совокупности приемов фонетической организации текста в их возможной связи с его содержанием [15]. Нередко поэты, авторы песен, тщательнейшим образом отбирают звуки для придания тексту ритмизации и благозвучия. Существуют некие звуковые повторы (аллитерация, консонанс и ассонанс), которые иногда связываются с определенным семантическим значением. Порой семантизированный повтор звука или сочетания звуков встречается только в конкретной части текста, но данное явление также может быть распространено и на все стихотворное произведение (анафония). Ученого, занимающегося рассмотрением данных феноменов, может заинтересовать вопрос о том, есть ли звуковые повторы в конкретных песнях, какая окраска (светлая или темная) сопровождает тексты с оптимистичной и пессимистичной направленностью.

На современном этапе развития лингвистики семантика, по мнению Ю.Д. Апресяна, занимает совершенно особое место благодаря тому, что язык представляет собой средство общения, а также кодирования и декодирования определенной информации [1]. Мы уже отмечали, что изучение проблемы языкового выражения оптимизма/пессимизма может быть актуально для семантики синтаксиса. Оно может быть актуально и для лексической семантики, особенно в плане решения проблемы языковой и речевой многозначности.

Языковая многозначность может корениться либо в грамматике языка в случае неоднозначности синтаксических конструкций, либо в лексике и словаре [2]. Как отмечает Апресян, речевая многозначность возникает при условии, что позиция подлежащего замещается «существительным со значением лица», а сказуемым является динамичный глагол, «имеющий такое значение физического действия, в которое непосредственно не входит ни

указание на целенаправленность, ни указание на нецеленаправленность действия», ср. Ребенок часто задышал (высказывание может быть понято как намеренное или, наоборот, как ненамеренное действие) [2]. Существует ли языковая и речевая многозначность в текстах песен с оптимистичной и пессимистичной направленностью – этот вопрос пока остается открытым, требующим более детального рассмотрения.

Проблема языкового выражения оптимизма и пессимизма может дать дополнительный материал для изучения семантики предложения-высказывания.

В процессе рассмотрения проблемы оптимистичного / пессимистичного характера высказываний крайне необходимо обратиться к вопросу о смысле высказывания. Смысл высказывания представляет собой, с одной стороны, инвариант сообщения, который соотнесен «с ситуацией действительности в сознании отправителя и получателя сообщения», с другой стороны, «содержание речевого произведения в данной конкретной ситуации, результат взаимодействия семантической и ситуационной информации» [16]. Можно говорить о существовании нескольких типов смысла высказывания. Например, различают буквальный и актуальный (речевой) смыслы. Также говорят об эксплицитной и имплицитной информации, заложенной в высказывании. Эксплицитная информация является явно, недвусмысленно выраженной; имплицитная информация выражена неявно [12] и характеризуется «косвенностью кодирования» [10].

Конечно, вопрос о смысле высказывания и компонентах этого смысла интересовал и по-прежнему интересует ученых, поэтому на сегодняшний день можно найти разноплановую информацию на эту тему. Некоторые исследователи предлагают свой набор специфически структурированных компонентов, среди которых выделяют: пропозициональный смысл высказывания, интенциональный смысл, эмотивный смысл, который, в свою очередь, включает в себя оценочный, эмоциональный и реляционный (субъективный) смыслы [17]. В настоящей работе на рассмотрение представлена проблема языкового выражения оптимизма/пессимизма, которая тесно связана с позитивной/негативной оценкой высказывания. Именно поэтому считаем необходимым остановиться именно на последнем – эмотивном – компоненте смысла высказывания.

В.И. Шаховский отмечает, что эмоции играют важнейшую роль в жизни человека как языковой личности. «Эмоции не только испытываются, но и манифестируются языком, демонстрируются сознательно, имитируются, провоцируются говорящими. С этой целью они концептуализируются, вербализируются и семантизируются языком и в языке, что позволяет и выражать их, и говорить о них» [19]. Г.В. Колшанский писал о том, что в познавательном акте человека уже имеется так называемый «оценочный момент». Таким образом, оценка содержится всюду, «где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [11, с. 142].

Вопрос о том, нужно ли рассматривать оценочный и эмоциональный компоненты высказывания отдельно или в совокупности (В.Н. Телия, Е.М. Вольф и др.), по-разному решается разными авторами. В целом отмечают, что между оценкой и эмоциями существует определенная разница. Так, оценка сообщает нам о норме (хорошее соответствует норме, плохое «сигнализирует об отклонении от нормы») и аномалии [4], а «эмоциональный компонент определяет категорию чувств-отношений» к аномальному явлению [17]. Тем не менее, очень часто оценочный элемент тесно переплетается с эмоциональным элементом. Именно поэтому говорят о так называемой эмоциональной оценке, которая бывает положительной и отрицательной [20].

В процессе исследования проблемы проявления оптимизма / пессимизма в высказываниях необходимо из конкретных текстов песен выбирать именно контексты с оценочными высказываниями. Такие высказывания обладают определенного рода характеристиками, среди которых наличие оценочной/эмоционально-оценочной лексики, обращений, которые являются прагматически информативными, «синтаксических операторов порождения эмотивного смысла» (наличие усилительных слов, необычный порядок слов, опущение отдельных элементов предложения) [17].

Таким образом, в лингвистике ставится вопрос о существовании положительной и отрицательной оценки, но вопрос о том, каким образом оптимистичность и пессимистичность высказывания соотносится с данной проблемой, ранее не затрагивался, следовательно, может представлять особый интерес для семантики предложения-высказывания.

Представленная в настоящей работе проблема изучения языкового выражения оптимизма и пессимизма может внести вклад в дальнейшее развитие проблемы семантической правильности высказывания, а также правильных и аномальных высказываний (предложений). Особый интерес для исследователя представляет, конечно же, вторая группа высказываний, изучением которой занимаются не только ученые-филологи, но также философы и логики. В чем же коренится аномальность? Причины могут быть разными. Так, выделяют грамматическую аномальность (Катя ходить по квартире очень сердитый), ложность утверждения (ср. Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин родился в Новосибирске), контрадикцию/логическое противоречие (Муж Ирины – холостяк), тавтологию (Муж Ирины женат), бессмыслицу (Муж у Ирины пятикомнатный). Однако в зависимости от контекста, в котором употреблено конкретное аномальное высказывание, оно может быть воспринято вполне нормально. Речь идет об употреблении стилистических фигур, таких как, например, оксюморон, метафора, олицетворение [9, с. 200 – 206]. Вопрос о том, какова специфика высказываний с оптимистичной и пессимистичной направленностью, как в них проявляется аномальность, пока остается открытым и требует дальнейшего исследования.

Проблема языкового выражения оптимизма/пессимизма в текстах песен может приобрести особый смысл в рамках психолингвистики, особенно в свете учения физиолога А.А. Ухтомского о доминанте как факторе поведения. Данная концепция доминанты в гуманитарном аспекте представляет собой учение о направленности сознания людей на поступки определенного характера: «доминанта сопряжена с постоянной готовностью человека к действиям, она определяется, прежде всего, духовной волей человека, приобщенного к культурной традиции» [18]. «Наши доминанты и наше поведение стоят между нашими мыслями и действительностью» [5, с. 55]. Следовательно, можно говорить о том, что любой текст, художественный или поэтический, представляет собой личностную интерпретацию действительности. Автор, независимо от того, прозаик он или поэт, «описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком; развивает такие соображения, которые ему близки и понятны; использует языковые элементы и метафоры, которые наполнены для него личностным смыслом. <...> картина мира, отображенная в художественном тексте, является структуризацией и вербализацией картины мира автора как личности, обладающей акцентуированными характеристиками» [5]. Когда говорят о том, что какое-то высказывание носит оптимистичный или пессимистичный характер, как раз имеется в виду ранее отмеченное: поведение автора, его доминанта и негативно или позитивно значимые установки влияют на ту лексику, те грамматические конструкции, которые он использует при написании текстов. Каждый текст, имея свои языковые особенности, может многое «рассказать» о своем создателе, в том числе о негативной/позитивной оценке, оптимистичном/пессимистичном настрое.

Помимо всего сказанного, изучение языкового выражения оптимизма / пессимизма в текстах песен может дать новый интересный материал для социолингвистики. Каждый текст отражает взгляды и установки автора, что проявляется в стиле написания, использовании определенных конструкций и т.д. Как известно, в песенном творчестве существуют различные жанры, ср. рок, поп-музыка, шансон и др. У каждого из направлений есть свои особенности написания текстов и требования к их содержанию. В основном авторы используют разговорную речь. Несомненно, разговорная речь, заниженная лексика и т.д. интересуют исследователей-социолингвистов и могут сообщить о социальном статусе автора, его настроении, характере описываемой ситуации и многом другом.

Таким образом, общая теория языка включает в себя широкий спектр лингвистических проблем. Проблема языкового выражения оптимизма и пессимизма песен имеет лингвистическую и психолингвистическую природу и может внести свой вклад в развитие таких направлений, как семантика синтаксиса, фоносемантика, грамматическая семантика, лексическая семантика, семантика предложения-высказывания, социолингвистика. Таким образом, представленная в настоящей работе проблема является интересной и весьма актуальной для общей теории языка.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. – М., 1995. – Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – [Электронный ресурс]: http://genhis.philol.msu.ru/article_67.shtml.
2. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – М., 1971. – Т. XXX. – Вып. 6. – [Электронный ресурс]: <http://www.classes.ru/philology/apresyan-71.htm>.
3. Арутюнова Н.Д. Речь // Большой энциклопедический словарь Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е (репринтное) изд-е «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 414.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.
5. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). – М.: Тривола, 2000.
6. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Модель в языкознании // Большой энциклопедический словарь Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е (репринтное) изд-е «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 304.
7. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003.
8. Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. – М.: Наука, 1977.
9. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
10. Кобозева И.М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 100 – 114.
11. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975.
12. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2007.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1998.
14. Пузырёв А.В. Прологомены к эстетике языка и оценка содержательной основы массовых песен: учебное пособие к курсам «Социальная психология», «Теория и практика массовой информации», «Психология массовой коммуникации», «Психология журналистики». – Ульяновск: УлГТУ, 2010.
15. Ремнева М.Л., Чернец Л.В. и др. Фоносемантика и ее предмет. Понятие о звукописи. – М., 2009. – [Электронный ресурс]: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?course=4&raz=4&pod=3&vvie=c>.
16. Смысл высказывания // Толковый переводоведческий словарь. – М., 2003. – [Электронный ресурс]: <http://perevodovedcheskiy.academic.ru/1596/>
17. Трофимова Н.А. Мозаика смысла: элементы и операторы их порождения (монография). – СПб.: ИВЭСЭП, 2010.
18. Хализев В.Е. Ухтомский // Культурология. XX век. Энциклопедия. – 1998. – [Электронный ресурс]: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/707/
19. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность. – [Электронный ресурс]: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/sh/shakhovsky02.shtml
20. Эмоциональная оценка во фразеологии // Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило. – М., 2010. – [Электронный ресурс]: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/4975/

Предложно-падежные конструкции с предлогом *от*, выражающие объектные отношения, в современной русской речи

В статье рассматриваются объектные отношения в предложно-падежных конструкциях с предлогом *от* в современной русской речи. Автор анализирует 9 различных структурно-семантических типов объектных отношений в предложно-падежных конструкциях с предлогом *от*, которые являются модификациями базового инвариантного значения указанных конструкций.

This article considers object relations in prepositional-case constructions with preposition OT in the modern Russian. The author analyzes 9 various structural-semantic types of the object relations in prepositional-case constructions with preposition OT which are modifications of the principle invariant meaning of such constructions.

Ключевые слова: объектные отношения, предложно-падежные конструкции, предлог *от*, русский язык, глагол, имя существительное, словосочетание.

Key words: object relations, prepositional-case constructions, preposition OT, Russian language, verb, noun, word combination.

Предложно-падежные конструкции с предлогом *от* в русском языке выражают самые разнообразные типы объектных отношений. Объектные отношения – это отношения, которые устанавливаются в словосочетании между господствующим словом (чаще всего глаголом) и зависимым словом (чаще всего именем существительным в косвенном падеже без предлога или с предлогом) и которые обозначают различные отношения между действием и предметом, на который это действие направлено (прямо или косвенно): *написать изложение, интересоваться искусством, чтение книги, разговор о поездке* [2].

Объектом называется лицо или предмет, на который направлено действие, выраженное глаголом. Глагол без существительного, обозначающего лицо или предмет, как правило, является семантически неполнозначным, поэтому существительное дополняет, изъясняет его. Отношения между глаголом и формой, которая его изъясняет, то есть семантически и структурно дополняет, называются объектно-изъяснительными [1, с. 287].

Объектно-изъяснительные отношения возникают, например, между глаголом и существительным. Так, глагол *читать* семантически неполнозначен без существительного *книгу*. Существительное *книгу* вступает в объектно-изъяснительные отношения с глаголом, дополняет, изъясняет семантику глагола *читать* [1, с. 287].

Объектные отношения возникают при семантико-грамматическом взаимодействии глаголов, в том числе причастий и деепричастий, с имена-

ми существительными и, реже, с инфинитивом. Такие отношения свойственны, прежде всего, словосочетаниям с глаголом, требующим распространения винительным падежом прямого объекта: *купить книгу, надеть платье, пригласить друга, обдумать решение, написать письмо*. Эти словосочетания семантически ограничены: главное слово в них обозначает действие, состояние, восприятие, чувство, а зависимое – объект этого действия, восприятия, чувствования: *ловить рыбу, поймать зайца, любить товарища, ждать брата*. Глагол может также обозначать движение, а существительное иметь предметно-пространственное значение: *перейти дорогу, перебежать улицу*.

Объектные отношения возникают и при сочетании глаголов разных семантических классов с другими падежами без предлогов: с родительным части (*выпить воды, купить молока*); с дательным лица или предмета, на которые направлено действие (*возражать оратору, доверять товарищу, поклоняться красоте*); с творительным орудия (*писать карандашом, рубить топором*) и т.д. Существительные с предлогами также вступают с глаголами в объектные отношения: *учиться у товарища, лечиться у доктора, петь для слушателей, пристроить к дому, прикоснуться к руке, постучаться в дверь, завернуться в шаль, благодарить за добро, ударить о землю, говорить о жизни, поссориться с другом, послать за доктором, сжалиться над человеком, работать на станке*. В качестве зависимых слов в глагольных словосочетаниях могут выступать и другие части речи – местоимения, числительные, количественно-именные сочетания и, конечно, субстантивированные прилагательные и причастия: *ждать его, пригласить много друзей, увидеть двоих, опросить учащихся, навестить больного*.

Объектные отношения возможны и в словосочетаниях с зависимым инфинитивом, однако такие словосочетания ограничены лексически. В качестве главного слова в них выступают глаголы движения, сочетающиеся с объектным инфинитивом, семантически сближающимся с винительным прямого объекта: *подать обедать – подать обед; принести ужинать – принести ужин; дать закурить – дать папироску*. В таких случаях инфинитив приобретает оттенок предметности.

Объектные отношения могут возникать в словосочетаниях с главным словом – прилагательным и существительным. Такие словосочетания, однако, заметно испытали на себе влияние глагольных словосочетаний. Так, например, словосочетания с прилагательным в роли главного слова обычно по своему составу или по значению соотносительны с глагольными словосочетаниями. Эти словосочетания могут прямо соответствовать глагольным, существуя параллельно с ними, будучи семантически и словообразовательно с ними связанными: *бодрый духом – бодриться духом; похожий на отца – походить на отца; гордый победой – гордиться победой; свободный от предрассудков – освободиться от предрассудков; послушный чувству – послушаться чувства; готовый к севу – готовиться,*

приготовиться к севу; удостоенный, достойный награды - удостоиться награды; чуждый зависти – чуждаться зависти; слабый духом – слабость духом.

Другие построены по аналогии с ними, они передают отношения, свойственные глагольным словосочетаниям, типичные для них: *удобный для работы, полный смысла, способный к учебе, понятный человеку, счастливый любовью, обычный для города, трудный для детей, строгий к себе, равнодушный к природе, ласковый с сыном, добрый к людям.* Такая аналогия родилась на почве функциональной близости, поскольку словосочетания формируются в предложении, вычлениются из предложения, ср.: *гордый победой* (он горд победой) - *полный смысла* (он полон смысла) [3].

Объектные отношения выражаются именем существительным, местоимением или другой частью речи в значении существительного, которые в родительном падеже с предлогом *от* обозначают лицо или предмет, от которого исходит действие. С ними сочетаются глаголы широкого спектра значений, чаще со значением избавления, защиты от чего-либо: *получить, отстать, защищать, защищаться, закрывать, спасаться, укрываться, скрываться, избавиться* и др. *Студент получил письмо от родителей; Горы защищают залив от ветра; Я долго не могла избавиться от неприятных мыслей* [1, с. 295].

Опираясь на работы Г.А. Золотовой «Синтаксический словарь», «Объяснительный словарь русского языка» под ред. В.В. Морковкина и «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах [7, VIII], мы выделим следующие объектные отношения для предлога *от*.

1. Источник исхождения света, тепла, запаха, звука. Употребляется при указании на предмет, явление, которые служат источником возникновения чего-л., обуславливают наличие чего-л. Примеры: *Пар от варившихся галушек разносился по утихавшим улицам* (Гоголь, Сорочинская ярмарка); *И, дрожая, тихонько льется свет волшебный от луны* (Полонский, Лунный свет); *От воды веяло свежестью, и тихий плеск небольших волн ласкал слух* (Тургенев, Накануне); *От железной печи идет легкое тепло вместе с запахом угара* (Куприн, Ночная смена); *Можжевельника запах сладкий от горячих лесов летит* (Ахматова); *Шум и визг от железных скобок и ржавых винтов разбудили на другом конце города будочника* (Гоголь, Мертвые души); *дым от костра; холод от окна; запах от пирога; тень от кресла; свет от лампы; следы от грязных ботинок.*

2. Компонент со значением субъекта-отправителя, владельца отчуждаемой информации, знаний. Употребляется для обозначения лица или предмета, служащего источником каких-либо сведений, знаний, вестей и т. п. Примеры: *Ступайте к Анджели и знайте от меня, / Что если девица, колена преклоня, перед мужчиною и просит и рыдает, / Как бог он все дает, чего ни пожелает* (Пушкин, Анджемо); [Бобчинский:] *А Петр Иванович уж услышали об этом от ключницы вашей, Авдотьи* (Гоголь, Ревизор);

Я хотел поразить дядю, чтоб допытаться от него решительных мер (Достоевский, Село Степапчиково); *Он просмотрел его* [письмо. – М.М.] *бегло. Живы, здоровы. Поклоны от родственников и знакомых* (Панова, Спутники); *узнать что-л. от брата; от какого слова образовано это существительное?; получить письмо от знакомого; подарок от бабушки.*

3. Компонент со значением посессивного субъекта–отправителя, владельца отчуждаемого предмета или качества. Употребляется для обозначения социальной среды, группы, из которой кто-либо происходит, или предмета, явления, по которому что-либо называется: *Родился я от небогатых родителей* (Тургенев, Гамлет Щигровского уезда); *От речушки и деревня называлась Глинище* (Вс. Иванов, Старик).

В комплексе с синтаксемой к + Д.п., называющей получателя: *от поколения к поколению.*

Предицирующий компонент, указывающий происхождение предмета или его свойства: *Признаю лишь один талант – неистребимую жажду работы... И талант этот не от бога и не от природы, а только от родителей* (Б. Васильев, Летят мои кони).

В составе предицирующего компонента в моделях «в нём есть что-то от кого-то» и характеризующих обозначенной формой «в ком» субъект признаком, уподобляющим его названному синтаксемой от + Р.п. лицу или животному. Употребляется при указании на человека, предмет, явление, с которым устанавливается близость кого-л., чего-л. по своим свойствам, качествам: *в её характере нет ничего от матери; деревня Сосновка получила своё название от реки Сосновой; в этом стихотворении есть что-то от старинных баллад; от отца осталось у него пристрастие к изысканным географическим картам; достаться от предков; остаться от предшественников, хотеть чего-л. от детей, ждать чего-л. от жизни...; выговор от начальника; стипендия от какой-л. организации; похвала от учителя.*

В экспрессивной модификации оценочной модели компонент со значением субъекта или каузатора потенциального действия, прагматические или эмоциональные последствия которого оцениваются в предложении: *Пустое дерево, вечно что-то бормочет, а что, - не разберёшь, да и мне от него поживы никакой* (Мамин-Сибиряк, Лесная сказка); *мне от тебя ничего не надо; от него одни неприятности; я многого жду от этой встречи.*

4. Употребляется для обозначения предмета, лица, обстоятельства, явления, которые устраняются действием, названным управляющим словом:

а) нежелательное или угрожающее действие, явление, в сочетаниях с ограниченной группой глаголов каузативно–отложительного значения (с общим смыслом предотвратить потенциальную угрозу): *избавлять(ся), освободить(ся), оберегать, уберегать(ся), охранять, защищать(ся), застраховать(ся); спасать(ся), уклоняться, удерживаться, ограждать, очищать(ся), заклинять от кого-л., чего-л., утаивать, укрываться, скры-*

вать(ся), прятать(ся), заслонять(ся) от чьего-либо взгляда и т.п.; очнуться от сна. Старик! / Я слышал много раз, / Что ты меня от смерти спас (Лермонтов, Мцыри); [Негина:] На сцене вы все бежали от меня; я желаю теперь поговорить с вами здесь (А. Островский, Таланты и поклонники); Когда, излечившись от вывиха руки, Нора впервые показалась в цирке, Менотти задержал, здороваясь, ее руку в своей (Куприн, Allez!); очистка от снега, освобождение от какой-л. обязанности, спасение от смерти, избавление от необходимости что-л. делать, гарантия от уменьшения чего-л., страховка от пожара.

При обозначении предмета, явления, которое устраняется, от которого освобождаются, а также состояния, из которого выходят, которое прекращается: *И возраст сурово диктует от лишних избавиться дел (А. Межиров); Ты счастлив, ты свой домик малый, обычай мудрости, храня от злых забот и лени вялой застраховал, как от огня (Пушкин);*

б) а также при обозначении удаления, отстранения и т. д. в сочетании с ограниченной группой модально–отложительных глаголов (с общим смыслом «отвергнуть нежелательное явление»), включающих в опрощенную основу бывшую приставку от-: *отказывать(ся), отворачивать(ся), отвыкать, отделяться, отделяться, отрывать(ся), отставать, отступать, отвлекать(ся), отстранять(ся), отлучить, отнимать от кого-чего: отвертеться от поручения; отдохнуть от забот; отмахиваться от мух; отговорить друга от поездки; отнять ребёнка от груди; отдёргивать руку от горячего утюга; Смотрит в небо жерло телескопа, / От земных волнений отстраняясь (Р. Рождественский); Никто не дерзал отказаться от его приглашения (Пушкин, Дубровский).*

5. При обозначении средств против чего-л., указания на что-л. удаляемое, подлежащее устранению, направленное против чего-л. Употребляется при обозначении состояния, явления, лица и т.п., против которого, для предотвращения которого используется, употребляется или служит что-л., в значении: против чего-л., для избежания чего-л., для избавления от чего-л. в именных сочетаниях: *средство от кашля, капли от насморка, порошок от желудка, мазь от комаров, очки от солнца, навес от дождя; лекарством от укушения упыря служит земля, взятая из его могилы (Пушкин, Песни западных славян, примеч.); [доктор. – М.М.] дал мне порошки.. от нервов и желудка и приказал, не ужинав, принять на ночь (Достоевский, Письмо жене, 21 июля 1876); Откуда эта беда? Причина, по-моему, в отказе от проблемного подхода к делу, от размышлений, от поисков (Известия, март 1968); В январе 1565 года Иван II выехал из Москвы в Александровскую слободу и объявил об отречении от трона (Р. Скрынников).*

6. Употребляется для обозначения предмета, от которого что-л. отделяется (обычно при управляющих глаголах с приставкой от-).

В сочетаниях при глаголах, приобретших значение направленного действия (чаще – отделения части от целого), синтаксема от + Р.п. обозна-

чает целое (отсоединение от предмета) с глаголами, имеющими приставку от-: *откусить, отстать, отрезать, отделиться, оторваться, отломать, отвалиться, оттолкнуться, отколоть, откинуть* и т.п.; *оторвать пуговицу от пальто; отрывать кого-л. от занятий; отвязать лошадь от дерева; отрезать часть от доски; отделиться от родителей; отойти от прежней компании; отстать от идущих впереди; отвлечь внимание от неё; удалиться от дел; отлучить кого-л. от церкви; отломать корку от пирога; Она отправилась вперед по тропинке, ... откидывая хорошенькую ручкой, локоны от лица (Тургенев, Накануне); Дальнейшее развитие, занятия и направления еще более отвели Райского от всех преданий старины (Гончаров, Обрыв); – Напрасно ты вышучиваешь каждое наше хорошее дело, – сказал Костя. – Ты, Борис сам того не замечая, откалываешься от коллектива (Изюмский, Призвание); Пароход медленно отвалил от пристани (Горький, В людях).*

7. Сопоставление, сравнение предметов, явлений, свойств. Употребляется при указании на человека, предмет, явление, которым кто-л., что-л. противопоставляется, на которые кто-л. не похож, что-л. не похоже: объект при глаголе отличать(ся): *Даже единомышленники должны отличаться друг от друга, иначе каждый утратит индивидуальность (Знание – сила, 1981, № 2); Пушкин от всех предшествовавших ему поэтов отличается именно тем, что по его произведениям можно следить за постепенным развитием его не только как поэта, но вместе с тем как человека и характера (Белинский, Сочинения А. Пушкина); Захар, питая в глубине души к барину преданность, свойственную старинным слугам, разнился от них современными недостатками (Гончаров, Обломов).*

8. Устаревшие и просторечные формы. При страдательных причастиях или глаголах употребляется для обозначения лица как действующего субъекта (в этих случаях возможна синонимическая замена конструкцией с творительным субъектом): *Одинокая, впотьмах, / Брошена от друга / В страшных девицах местах (Жуковский, Светлана); Исполнен долг, завещанный от бога / Мне грешному (Пушкин, Борис Годунов); И словом, от родни и от друзей любезных / Советов тысячу надавано полезных (Крылов); Впрочем, глаз у Матрены был всегда подбитый не от Марьи Алексеевны, а от любовника (Чернышевский, Что делать?).*

9. Устаревшая форма. Употребляется для обозначения области знания, к которой действие относится (предлог *от* соответствует предлогу *по*): [Тимковский. – М. М.] *любит рассуждать от философии, любопытен, как человек эдакий увесистый, хотя и маленький (Горький, Письмо А. П. Чехову, 3 июня 1899).*

В результате исследования мы пришли к выводу, что предложно-падежные конструкции с предлогом *от* выражают самые разнообразные типы объектных отношений в русском языке, но при этом все они имеют общее семантическое свойство – способность указывать источник какого-

либо действия, состояния, знания и прочих разновидностей деятельности человека.

Разнообразные модификации общего значения источника чего-либо зависят от семантики управляющего слова (глагола, существительного, прилагательного) и от семантики зависимого слова (абстрактное, конкретное существительное, личное местоимение), а также от контекста.

Список литературы

1. Крючкова Л.С. Русский язык как иностранный: синтаксис простого и сложного предложения. – М.: ВЛАДОС, 2004.
2. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976.
3. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис / учеб. – М.: Высш. шк., 2003.
4. Словарь русского языка в 4 т. / под ред. Евгеньевой А.П. – М.: Русский язык, 1986. – Т. 2. К-О.
5. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
6. Объяснительный словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель; АСТ, 2003.
7. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. – М.; Л.: Академия Наук СССР, 1959.
8. Лингвистический энциклопедический словарь; под гл. ред. Ярцева В. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002.
9. Современный русский язык; под ред. Белошапковой В.А. – М.: Азбуковник, 2003.
10. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2004.
11. Толковый словарь русского языка / под ред. Ушакова Д.Н. – М.: Астрель; Аст, 2000.
12. Шелякин М.А. Справочник по русской грамматике. – М.: Дрофа, 2006.

**Пространственные послелогои как средство выражения
пространственных отношений в современном хакасском языке
(в сравнении с алтайским и шорским языками)**

В статье выявляются пространственные отношения, передаваемые пространственными послелогоми, в современном хакасском языке в сравнении с двумя южносибирскими тюркскими языками (алтайский и шорский). Автором выявлены послелогои, которые, подобно падежным аффиксам, в составе локализаторов выполняют реляционную функцию. Но в отличие от падежных аффиксов они не образуют стройной системы значений. Основную реляционную нагрузку они делят с падежным аффиксом при имени пространства. При этом послелогои привносят дополнительные оттенки смысла, конкретизируя его.

The article identifies various spatial relations realized with spatial postpositions in the modern Khakass language to compare it with other two South Siberian Turkic languages (Altai and Shor). On the basis of the conducted research the author points out the postpositions which being a part of localizers carry out a relational function as well as case affixes do. But unlike case affixes, they don't form a harmonious system of meanings. They share the main relational loading with a case affix at a space name. Thus, the postpositions introduce additional connotations to specify the sense.

Ключевые слова: хакасский язык, пространственные отношения, пространственные послелогои, падежное управление.

Key words: the Khakass language, spatial relations, spatial postpositions, case system.

Пространство – это одна из важнейших категорий мировосприятия человека, включающая в себя множество элементов отображаемой картины мира. В словаре В. Даля дается следующее определение пространства: «Пространство – это состояние или свойство всего, что простирается, распространяется, занимает место; само место это; простор, даль, ширь и глубь, место по трем измерениям своим» [4, IV, с. 514]. При формировании пространственных моделей предложения мы сталкиваемся с понятием «категория пространственности». И.А. Невская это понятие рассматривает как «функционально-семантическое поле, охватывающее разноуровневые средства данного языка, участвующие в выражении пространственных отношений» [6, с. 10].

Пространственно-временные представления, вырабатываемые языковым сознанием, участвуют в конструировании в рамках каждой культуры своей особой модели мира [7, с. 3]. Исследования, которые проводились в этой области на материале разных языков, показывают, какие грамматикализованные средства (падежные формы имен, служебные слова, простран-

ственные предикаты, пространственные модели) выражают определенные типы пространственных отношений.

Эта проблематика давно привлекала и привлекает внимание не только лингвистов, но и этнографов, философов [1; 2; 5; 9]. Средствам выражения пространственных отношений в тюркских языках Южной Сибири посвящена работа И.А. Невской [6]. Данное исследование проведено на материале шорского языка. Проведено исследование и на материале еще одного южносибирского тюркского языка – тувинского [8]. Для современного хакасского языка полного описания выражения пространственных отношений пока еще нет. Появилась возможность восполнить этот пробел, т.к. «без данных сибирских языков карта языковых пространственных картин мира не может быть полной» [6, с. 5].

В современном хакасском языке существуют следующие основные способы выражения пространственных отношений:

1) глагольный способ – пространственные отношения выражаются при помощи пространственных глаголов; 2) именной способ – пространственные отношения выражаются при помощи определенной падежной формы имен; 3) наречный способ – пространственные отношения выражаются при помощи пространственных наречий; 4) послеложно-именной способ – пространственные отношения выражаются при помощи пространственных послелогов и имен существительных.

В данной статье мы подробно рассмотрим средства выражения пространственных отношений, которые выражаются послеложным способом.

Послелогии представляют собой обширную, трудно поддающуюся классификации группу слов. Они являются основным средством выражения конкретных пространственных отношений, которые возникают между ориентируемым и ориентиром в определенном пространстве, передают самые разнообразные пространственные значения, выполняя функции реляторов-конкретизаторов в пространственных конструкциях. Языковой материал, задействованный в данном исследовании, послужил подтверждением данной посылки.

В хакасском языке, как и в других языках, послелогии являются основным средством выражения конкретных пространственных отношений, которые возникают между ориентируемым и ориентиром в определенной системе координат. Они передают самые разнообразные пространственные значения, выполняя функции реляторов-конкретизаторов [6, с. 120].

К группе послелогов, указывающих на пространственные отношения, в хакасском языке относятся следующие: азыра ‘через’, алдыра ‘в сторону, в направлении’, аралы ‘среди’, айландыра ‘вокруг’, ибiре ‘вокруг’, индiре ‘вниз’, чоғар ‘вверх’, кизiре ‘через’, тобыра ‘сквозь, через, по’, öтире ‘сквозь, через’, пастыра ‘через что-либо’, сығара ‘из, от’, теере ‘до’, кiре ‘до’, төбiн ‘вниз’, түзіре ‘вниз’, удур ‘навстречу’, читiре ‘до’.

Большая часть перечисленных послелогов представляет собой застывшие падежные формы имен или деепричастные формы глаголов, ут-

ратившие полностью или частично свои первоначальные лексические значения и приобретшие в силу частного служебного употребления способность выражать ряд отвлеченных грамматических значений [3, с. 254].

В качестве классификационного признака таких послелогов традиционно закладывается тип падежного управления именем пространства [6, с. 121]. По этому признаку мы их подразделяем на послелогии, управляющие основным, винительным, дательным, направительным и исходным падежами.

Значение ориентации относительно локумов особой формы, относительно вертикальной или горизонтальной оси в хакасском языке передают послелогии, управляющие основным падежом. В алтайском и шорском языках основным или винительным падежами.

Значение финиша транслокации при достижательности опорного локума в сравниваемых языках передают послелогии, управляющие дательным падежом. В хакасском языке значение направления движения передают послелогии, управляющие направительным падежом. В алтайском и шорском языках значение направления движения передают послелогии, управляющие дательным падежом. В хакасском языке направительный падеж очень близок к дательному, но в литературном языке и на письме дательный и направительный падежи употребляются дифференцированно [3, с. 75]. Значение старта от локума передают послелогии, управляющие исходным падежом.

Ниже мы подробнее рассмотрим пространственные значения послелогов хакасского языка, которые наиболее детально передают пространственные отношения. Фактический материал исследования извлекался путем сплошной выборки анализируемых слов из «Хакасско-русского словаря» [2006]. Затем была сделана выборка примеров из художественных произведений хакасских писателей, устного народного творчества. Для сравнения семантики хакасских послелогов с алтайским и шорским языками были использованы работы Т.Е. Орсуловой «Послелогии и служебные имена в алтайском языке [7] и И.А. Невской «Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка)» [6].

Послелогии, управляющие основным падежом.

К этой группе, прежде всего, относится ряд послелогов, которые характеризуются нейтральностью по отношению к типу ситуативного пространственного отношения, выражаемого пространственной конструкцией, поэтому тип ситуативного отношения определяется только локативным предикатом. Эти послелогии передают специфические частные топологические значения ориентации относительно локумов особой формы, относительно вертикальной или горизонтальной оси [6, с. 121]. К таким послелогам в хакасском языке относятся послелогии: азыра, айландыра, аралы, ибiре, индiре, кизiре, öтире, пастыра, тобыра, тöбiн, түзiре, чоғар.

Послелог *азыра* восходит к деепричастию на –а/-е от азыр – понудительной формы глагола ас – ‘переходить, переваливать через что-либо’,

‘переливаться через край’. Указывает на: 1) преодоление какого-либо препятствия (перемещение является бесконтактным): Олғаннар сиден+0 азыра пір-ікі ле атых парыбысханнар ‘Дети очень быстро перепрыгнули через забор’; Өскілер сиден+0 азыра атых парыбысханнар ‘Козы перепрыгнули через забор’; 2) преодоление препятствия, которое может иметь вершину (гора, возвышенность, холм и т.п.): Тағ+0 азыра чөр килдібіс ‘Съездили через гору’.

В алтайском языке этот послелог управляет винительным падежом. Например: алт. Кичинек уулчактар бу+ны ажыра калыгалып турдылар ‘Маленькие мальчики прыгали через веревки’ [6, с. 57]; шор.: Тағ+0 ажыра парған ‘Через гору поехал’ [7, с. 123].

Послелог *кизіре* // *кичіре* восходит к деепричастию на –а/-е от кизір – понудительной формы глагола кис – ‘переходить, переправляться через что-либо’. Указывает на: 1) движение через водную преграду: Суғ+0 кизіре пара халған ‘Ушел через речку’; 2) совершение движения через дорогу: Хоосхачах чол+0 кизіре чүгүрібіскен ‘Котенок перебежал через дорогу’; 3) место локации при ориентации относительно субъекта наблюдения: локализация объекта на «другой» стороне локума, противоположной наблюдателю [7, с. 125]: Суғ+0 кизіре улуғ нимес аалычах ‘За рекой небольшое село’; Улуғ суғ+0 кизіре оларның чурттары ‘За большой рекой их жилище’.

В алтайском языке этот послелог управляет винительным падежом, в шорском языке может управлять основным и винительным падежом. Например: алт.: Борлой јныс ла суу+ны кечире кечеле, јаратка токтоды ‘Борлой, только переплыв через реку, остановился у берега’; шорск.: Алынаң аары парчытсаң, алты тағ+0 ажыра, алты чулат+0 кежере чолдаң кедере парарзаар ‘Когда отсюда дальше ты будешь ехать, через шесть рек, от дороги в стороне вы поедете’ [7, с. 124].

Послелог *айландыра* (айлан=дыр=а) образован от залоговой формы айлан=дыр=а «заставить кружиться». Исходная форма данной глагольной формы айлан= ‘кружиться’. Указывает на движение субъекта вокруг чего-либо: Тумзух айландыра парарға (ХРС, 41) ‘Обогнуть вокруг мыса’. В алтайском языке этот послелог управляет винительным падежом. Например: Школ+ды айландыра кичинек класстын балдары ары-бери јгүрүжип турды ‘Вокруг школы туда-сюда бегали ученики’. В шорском языке это значение передает послелог эбире, о чем будет сказано ниже.

Послелог *ибіре* восходит к деепричастию на –а/-е от глагола ибір ‘обходить’, ‘объезжать кругом’, ‘окружать’, ‘вращать, вертеть’. Указывает на: 1) движение субъекта вокруг локума-объекта: Тура+0 ибіре пас чөрче ‘Ходит вокруг дома’; Палалар стол+0 ибіре чүгүріс чөрчелер ‘Дети бегают вокруг стола’; 2) расположение субъекта вокруг локума-объекта: Прай палалар стол+0 ибіре одырчалар ‘Все дети сидят вокруг стола’; Улам+0 ибіре маллар көрінче ‘Вокруг стога сена видны коровы’; 3) размещение объектов вокруг локума-объекта: Ічем палаларны стол+0 ибіре одырт салған ‘Мама посадила детей вокруг стола’. В алтайском и шорском язы-

ках этот послелог управляет винительным падежом. Например: алт.: Улустар јаланда каран өчүп брааткан от+ты эбیره уйуктап јаттылар ‘Люди на поле спали вокруг угасающего огня’ [7, с. 55]; шор.: Тартыжарға алып таппаан КҮННҮГ чарық+ты эбیره пир када пастыбыс ‘Чтобы бороться, богатыря не найдя, мы этот солнечный мир кругом один раз обошли’.

В хакасском и алтайском языках послелог и айландыра и ибیره в контексте могут свободно заменять друг друга. Например: хак.: Стол+0 ибیره одырарға / Стол+0 айландыра одырарға ‘Сидеть вокруг стола’; алт.: Адам күп+ти эбیره темир курчулар эдип койды / Адам күп+ти айландыра темир курчулар эдип койды ‘Отец вокруг бочки сделал железные обручи’ [6, с. 56].

Послелог *түзіре* восходит к деепричастию на –а/-е от түзір – понудительной формы глагола түс ‘спускаться под, к’, ‘слезать’, ‘падать’. Указывает на движение субъекта вниз по склону: Ол Тайраның ибіне түзіре килчеткеніне өрінчеткен (СЧ АУХ, 112) ‘Он радовался, что едет прямо в дом Тайры’.

В хакасском языке к группе послелогов, передающих значение «вниз», относятся еще два послелога (см. ниже).

Послелог *индіре* восходит к деепричастию на –а/-е от индір – понудительной формы глагола ин ‘спускаться под, к’. Указывает на: 1) движение субъекта вниз по реке: Суғ индіре парыбысханнар ‘Ушли вниз по течению реки’; 2) движение субъекта вниз под гору: [Микей] хыраңас индіре учу-тыра ла халған (АС КА, 93) ‘Микей быстро ускакал вниз под горочку’; Олар тағ индіре парчалар (СЧ АУХ, 108) ‘Они идут вниз под гору’.

Послелог *төбін* (төбін<түп ‘низ’, ‘дно’) выражает пространственные отношения, указывая на направленность действия вниз по поверхности чего-либо. В хакасском языке этот послелог указывает на движение субъекта вниз по склону: Түлгүчек, хомыс тудынып алып, ойнап ала, хол төбін чөр сыххан (фолькл.) ‘Лисичка взяла комус и, наигрывая, пошла вниз по логу’; Иніс төбін чүгүрібіскен ‘Убежал вниз под гору’.

Если в хакасском языке значение движения вниз «по склону» и «по реке» передают разные послелог, то в алтайском и шорском языках все эти значения передает один послелог төбін. В алтайском языке этот послелог управляет винительным падежом, в шорском языке – основным. Например: алт.: Курачы көнөкти алган бойынча, каскак јарат+ты төмөн басты ‘Как только Курачы схватил ведро, пошёл вниз по крутому берегу’; Уулдар мынайда таштарды тоолодып, тойо ойногылайла, кыр+ды төмөн баскылады ‘Парни, так покатав камни, досыта наигравшись, пошли вниз по дороге’ [6, с. 54]; шор.: Мусс парысқан сонда пис суг+0 төбере палықтарға энерис ‘После того, как пройдет лед, мы поедем вниз на рыбалку’ [7, с. 126].

Послелог *чоғар* восходит к наречию чоғар ‘вверх’, ‘вверху’. Указывает: 1) на движение субъекта против течения реки. Особенно интересно это частное топологическое явление применительно к реке. Река в тюркских

языках воспринимается как пространство, ориентированное не только по продольной оси, которую можно пересечь, но и по вертикальной оси [6, с. 53]. Например: Пис суғ+0 чоғар пар сыххабыс ‘Мы стали идти вверх по течению реки’; 2) направление движения субъекта вверх по склону: Аннаң сығып алып, тўлгўчек, сарнап, кўглек, хол+0 чоғар ойли халған (фольк.) ‘Выйдя оттуда, лисичка, напевая песенки, пустилась вверх по логу’; 3) существование субъекта или объекта вверх по локуму-объекту: Асхыс+0 чоғар пир леспромхозта минің маңат танызым пар (ЛЧ) ‘В одном леспромухозе вверх по Аскизу у меня есть хороший знакомый’ [3, с. 258]. В алтайском и шорском языках это значение передает послелог *өрө/өре*. В алтайском языке этот послелог управляет винительным падежом, в шорском языке – основным. Например: алт.: Уулдар јаан өзөк+ти өрө удаан ла баскылады ‘Парни долго шли вверх по большой долине’ [6, с. 53]; шор.: Пырас+0 өре иш тилеп шыға пердим ‘Я пошёл вверх по Мрассу искать работу’ [7, с. 125].

Послелог *өтире* восходит к деепричастию на –а/–е от *өтир* – понудительной формы глагола *өт* ‘проходить, пробираться’, ‘пролезать’, ‘проникать’. «Этот послелог обозначает не способ перехода через какой-либо предмет, а способ проникновения сквозь предмет, с именем которого он сочетается» [6, с. 60]. Указывает на: 1) движение субъекта сквозь деревья: Пеер пис хойың ағастар+0 өтире читкебіс ‘Сюда мы добрались через густой лес’; 2) проникновение действия сквозь атмосферные явления (облака, туман и т.п.): Пулут+0 өтире пир дее нима көрінминче ‘Сквозь тучи ничего не видно’.

В алтайском и шорском языках соответствующие послелог *өткүре/өттүре*. В алтайском языке управляет винительным падежом, в шорском языке исходным падежом. В сравниваемых языках этот послелог имеет значение ‘преодоление препятствия’.

В хакасском языке значение ‘через, сквозь’ передают еще три послелога (см. ниже).

Послелог *тобыра* восходит к деепричастию на –а/–е от глагола *тобыр* – ‘пройти насквозь’, ‘пробираться’. Указывает на предмет, сквозь или через который проходит другой предмет. В хакасском языке этот послелог указывает на то, что действие проходит при преодолении какого-либо объекта: Арам араһ пулуттар+0 тобыра чап-чарых айның сустары өтп, ағас аразын чарытча (СЧ) ‘Сквозь редкие облака проникают лучи яркой луны и освещают лес’ [3, с. 257].

Послелог *арали* восходит к деепричастию на – и от глагола *арала* – ‘смешивать’, ‘перемешивать’, ‘находиться между’, ‘пробираться через, сквозь’. Указывает на: 1) совершение движения среди, между или сквозь что-либо (деревья, люди и т.д.): Амды ветролет хырлар+0 арали учух парчатхан (ВТ АТ, 17) ‘Теперь самолет летел среди холмов’; Аттар тағ+0 аралы чөрчелер ‘Кони бродят посреди гор’; 2) расположение предмета между

или среди чего/кого-либо: Көк түдүн+0 арали хазан-хахпах көрін турған ‘Сквозь голубой дым виднелись котлы’ [3, с. 255].

Послелог *пастыра* восходит к деепричастию на –а/-е от пастыр – понудительной формы глагола пас ‘давить, ступать’. Указывает на движение субъекта через что-либо: Ағбанзар Асхыс+0 пастыра чөрчелер ‘В Абакан ездят через Аскиз’; Піс пеер Ағбан+0 пастыра килгебіс ‘Сюда мы приехали через Абакан’.

Послелогии, управляющие дательным падежом.

В хакасском языке дательным падежом управляют послелогии удур ‘навстречу’, читіре ‘до’, теере ‘до’, кире ‘до’.

Послелог *удур* восходит к наречию удур ‘навстречу’, выражает протарнственные отношения, указывая на направленность действия навстречу объекту. Данный послелог, выполняя функцию локализатора, «имеет значение ‘навстречу, лицом к лицу’ и обозначает финиш движения при движущемся навстречу ему локуме» [6, с. 49]. Например: Аға+а удур Санпирнің бригадасы парча (СЧ АУХ, 170) ‘Ей навстречу двигается бригада Санпира’; Аға+а удур ікі нанчызы Валеранаң Женья килчелер (ХП, 8) ‘Ему навстречу идут два его друга Валера с Женей’; Піс+ке удур пір оолағас түсчөткен (ИТ, 102) ‘Нам навстречу спускался один мальчик’.

Послелог удур в сравниваемых языках имеет следующие фонетические параллели: алт.: удура/ шор.: /үдүре. Например: алт. Карабаш ла Лида+ға удура папирос тиштенген Атамыш туштады ‘Навстречу Карабашу и Лиде встретился Атамыш с папиросой во рту’ [6, с. 50]; шор.: /үдүре: Мен аа+ға үдүре парарға айтым ‘Я ему навстречу ехать приказал’ [7, с. 135].

В шорском языке этот послелог управляет еще и исходным падежом. В этом случае он передает «пункт адлокации при ориентации лицевой части объекта к лицевой части близко расположенного опорного локума: Позы ме+нең үдүре одурып, қанза – начық қапты ‘Сам он сел напротив меня и вынул кисет’ [7, с. 135].

Послелог *читіре* восходит к деепричастию на –а/-е от читір – понудительной формы глагола чит ‘доходить’, ‘достигать’, ‘догонять’, ‘приближаться’, ‘успевать’. Указывает на достижение субъектом указанного предела (опорного локума): Хайран позы аалдаң сығара ээн тура+а читіре пір дее тынанмин чүгүрген осхас (АС КА, 9) ‘Бедный, оказывается, от села до этого пустого дома бежал не отдыхая’; Піс иб+ге читіре чазағ килібіскебіс (АХ А, 23) ‘Мы до дома дошли пешком’; Колхозтың фруктовой сады Ким+ге читіре килер (ЛЧ) ‘Фруктовый сад колхоза раскинется до Енисея’ [3, с. 261]; Отах+ха читіре апар саларбын (АС КА, 93) ‘Довезу до самого шалаша’.

Фонетические варианты послелога: в алтайском – јетире, шорском – четтире. Приведем примеры: алт.: Јантык Курт јурт+ка јетире јүгүреле, ойто солуктанганча келди ‘Дъанты-Курт, добежав до села, обратно запыхавшись, пришёл’ [6, с. 50]; шор.: Ол мени кибитка+ға четтире узаат саал, ээл

келип, айтты... ‘Он меня до самой кибитки проводил, поклонившись, сказал...’ [7, с. 129].

В хакасском языке указанное значение могут передавать еще два послелога (см. ниже).

Послелог *теере* восходит к деепричастию на –а/-е от теер – понудительной формы глагола тең ‘задевать’, ‘касаться’. Указывает достижение субъектом конечной точки: Парачах Сидерні тағ идегінде турған ікі тыт+ха теере ўдескен (И Кост) ‘Парачах проводила Сидера до двух лиственниц, стоящих у подножия горы’ [3, с. 259]; Парачах тағ идегінде турған ікі тыт+ха теере чазағ читкен (СЧ АУХ, 95) ‘Парачах пешком дошел до двух лиственниц, стоящих у подножия горы’.

Послелог *кире* восходит к деепричастию на –а/-е от кир – понудительной формы глагола кір ‘входить’. Указывает достижение субъектом конечной точки: Мин иб+ге кире чазағ килгем ‘Я до дома шел пешком’;

Послелоги читіре, теере и кире в контексте могут заменять друг друга: Мин институт+ха читіре/теере/кире машиналығ килгем ‘Я до института доехал на машине’.

В алтайском языке дательным падежом управляет еще один послелог јуук ‘близко к’: Аттардың тибирти айыл+га јуук тибирей берди ‘Топот лошадей послышался близко к айлу’.

В шорском языке значение ‘к, вплотную к чему-либо’ передает послелог наара: По чер+ға наара чет парды ‘До этой земли дошел’ [7, с. 130]. В хакасском же языке эти два значения передают пространственные наречия наара и читіре.

Нужно отметить, что хотя значение финиша (конечной точки ориентира), свойственное морфологической конструкции имя+послелог, в принципе может передаваться одним дательным падежом, рассмотренные послелоги добавляют в конструкцию компонент достигаемости конечной точки ориентира.

Послелоги, управляющие направительным падежом.

В хакасском языке направительным падежом управляет послелог алдыра.

Послелог *алдыра* восходит, видимо, к деепричастию на –а/-е от алдыр – понудительной формы глагола ал ‘брать’, ‘взять’. Указывает на движение субъекта в сторону какого-либо объекта: Гриша, тізең, чылғызын+зар алдыра чортыр салыбысхан (СЧ АУХ, 149) ‘А Гриша ускакал в сторону табуна лошадей’; Парчыхтар Ағбан+зар алдыра кўўлезе халғаннар (ТБ) ‘Скворцы с шумом пролетели в сторону Абакана’ [3, с. 258]; Чабылғай хус ол чир+зер алдыра тас чіли сиил сыхча ‘Ястреб полетел в то место как камень’; Олғаннар клуб+сар алдыра парчалар ‘Дети идут в сторону клуба’; Кізілер аның соонча арығ+зар алдыра субалысчалар (НТ ТКӨ, 26); Сығда, тудынчахтарын тудына, аал+зар алдыра пастыр сыххан (СЧ АУХ, 112) ‘Сыгда, с вещами на руках, направился в сторону деревни’.

В алтайском и шорском языках направление движения передают послелого, управляющие дательным падежом. Следует отметить, что этих языках направительный падеж еще не сформирован.

Послелого, управляющие исходным падежом.

Послелог *сыгара* восходит, видимо, к деепричастию на -а/-е от сыгар – понудительной формы глагола сых ‘выходить’, ‘уходить’. В качестве пространственного послелого указывает на движение лица от определенной точки ориентира: Асхыс+таң сыгара піс чазағ килгебіс ‘От Аскиза мы шли пешком’; Иб+дең сыгара машиналығ парыбызарбыс ‘Из дома уедем на машине’.

Тастых восходит к наречию тастых ‘далеко’, ‘в стороне’, используется для указания на удаленность одного предмета от другого: Турабыс аал+даң тастых турча ‘Наш дом стоит в стороне от села’; Олар тимір чол+даң тастых чуртапчалар ‘Они живут вдали от железной дороги’ [3, с. 262].

В алтайском языке исходным падежом управляют послелого бери ‘с, из, от, начиная с’, ала ‘с, со, сначала, от’, ары ‘от’. Например: Боочы+даң бери үренчиктер јойу келдилер ‘С перевала ученики пришли пешком’ [6, с. 62]. Аналогичные послелого в шорском языке: пеере ‘откуда-то с, из’, аара ‘от, далее от какого-то места’: Қыр+даң пеере чүгүрип ашты ‘С хребта бегом спустился’ [7, с. 132].

В хакасском языке послелог пеер выражает временные отношения, а в наречном значении ‘сюда’ - пространственные отношения. Например: Пеер киліңер ‘Идите сюда’.

Сравнительный материал пространственных послелогов хакасского, алтайского и шорского языков показывает, что значения послелогов в сравниваемых языках в большинстве случаев совпадают. Однако, несмотря на явное сходство, существуют некоторые различия в количестве послелогов в каждом языке и падежном управлении именем пространства. Ниже мы представляем сравнительное описание послелогов в пяти таблицах.

Таблица 1

Основной падеж		
хакасский язык	алтайский язык	шорский язык
-	јаар ‘к’, ‘по направлению’, ‘на’, ‘в’	-
-	дөөн ‘к’, ‘по направлению’, ‘на’, ‘в’	-
чоғар ‘вверх’	-	өре ‘вверх, поверху чего то’
түзіре ‘вниз’	-	-
индіре ‘вниз’	-	-
төбін ‘вниз’	-	төбере ‘вниз чего-то’
айландыра ‘вокруг’	-	-
ибіре ‘вокруг’	-	-
азыра ‘через’	-	ажыра ‘через что-то’

Продолжение табл. 1

кизіре 'через'	кежире 'через что-то, поперек чего-то'	кечире 'через', 'поперек'
өтіре 'сквозь, через'	-	-
пастыра 'через что-либо'	-	-
тобыра 'сквозь, через, по'	-	-
арали 'среди'	-	-

Таблица 2

Дательный падеж		
хакасский язык	алтайский язык	шорский язык
удур 'навстречу'	удура 'навстречу'	ЎДҮРЕ 'навстречу чему - кому либо'
-	-	наара 'к, вплотную к чему-либо'
читіре 'до'	јетире 'до'	шығара 'вплоть до'
теере 'до'	-	-
кире 'до'	-	-
-	јуук 'близко к', 'вблизи'	-
-	-	қыңа 'близ, вплоть до чего-то'

Таблица 3

Винительный		
хакасский язык	алтайский язык	шорский язык
чоғар 'вверх'	өрө 'вверх по, по'	-
төбін 'вниз'	төмөн 'вниз', 'вниз по'	-
айландыра 'вокруг'	айландыра 'вокруг'	-
ибіре 'вокруг'	эбире 'вокруг'	эбире 'вокруг, кругом чего-то'
азыра 'через'	ажыра 'через', 'за'	ажыра 'через что-то'
өтіре 'сквозь, через'	өткүре 'сквозь', 'мимо'	-
кизіре 'через'	-	кежире 'через что-то, поперек чего-то'
пастыра 'через что-либо'	-	-
тобыра 'сквозь, через, по'	-	-
арали 'среди'	-	-

Следует отметить, что в хакасском языке лексемы, управляющие винительным падежом имени, выполняют функцию пространственных наречий-реляторов в составе локализатора. О роли пространственных наречий в формировании пространственных моделей мы будем говорить уже в другой статье.

Таблица 4

Исходный падеж		
хакасский язык	алтайский язык	шорский язык
-	бери 'с', 'из', 'от', 'начи- ная с'	пеере 'откуда-то с, из'
сығара 'из, от',	-	шығара 'прочь из, вон из'
-	ары 'от'	аара 'от, далее от какого-то места'
-	ала 'с', 'со' 'сначала 'от'	-
-	-	өттүре 'сквозь, через что-то'
-	-	кедере 'от, в сторону от, прочь от чего-либо'

Таблица 5

Направительный падеж		
хакасский язык	алтайский язык	шорский язык
алдыра 'в сторону, в на- правлении'	-	-

Таким образом, пространственные послелогои, подобно падежным аффиксам, в составе локализаторов выполняют реляционную функцию. Но в отличие от падежных аффиксов, они не образуют стройной системы значений. Основную реляционную нагрузку они делят с падежным аффиксом при имени пространства. При этом послелогои привносят дополнительные оттенки смысла, конкретизируя его. Так, например, послелогои в сочетании с именами в основном и винительном падеже, выступая в функции локализаторов, формируют модели движения, ориентированного относительно определенного пространственного объекта (модель движения по дуге, модель движения вверх и вниз по реке, по склону и т.п.). Послеложные сочетания формируют особую систему пространственных отношений, которые влияют на семантическое варьирование пространственных моделей.

Список литературы

1. Ардентов Б.П. К становлению категории движения, пространства и времени // Некоторые вопросы философии. – Кишинев, 1963. – № 3. – С. 71 – 80.
2. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в русском языке. – М., 2009.
3. Грамматика хакасского языка / под ред. Н.А. Баскакова. – М.: Наука, 1975.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб.-М. 1882.
5. Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – С. 110 – 156.
6. Невская И.А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). – Новосибирск, 2005.
7. Орсулова Т.Е. Послелогои и служебные имена в алтайском языке: моногр. – Горно-Алтайск, 2006.
8. Сагаан Н.Я. Система средств выражения пространственных отношений в тувинском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1998.
9. Шилова В.В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2003. – Ч. 1.

О некоторых закономерностях построения и осознания текста разговорной речи

В статье исследуются ситуации, в которых общение осуществляется с помощью текстов, лишенных эксплицитно выраженных средств связности. Это тексты-примитивы, «базовые» тексты, которые при необходимости могут быть развернуты до размеров «нормального» текста с эксплицитными средствами связности. Цельность как инвариант содержания определяет смысловую структуру текста и может быть выявлена при сопоставлении синонимичных друг другу текстов (перифраз). Цельность как парадигматическое явление характеризует всю динамическую парадигму синонимичных друг другу текстов – от «развернутых» до «базовых».

There is a number of situations in real life when communication is performed with the help of texts without any explicit coherence means. They are called “primitive” texts which can be transformed into “normal” texts having explicit coherence means and usual volume. Integrity as a paradigmatic phenomenon defines the semantic structure of any text and it can be revealed by comparing the synonymous texts (periphrases). Integrity is the main feature of any text while coherence is the optional one.

Ключевые слова: текст, смысловая структура, цельность, связность, перифраза, ключевое слово, тема, рема.

Key words: text, semantic structure, integrity, coherence, periphrasis, key word, thema, rhema.

В настоящее время особый интерес для изучения представляют материалы тех возникших в последнее время направлений, которые ориентированы на изучение функционирования языка в реальной разговорной практике. Прежде всего, это относится к исследованию так называемой разговорной речи (РР).

Представление о том, что различные по функциональному назначению формы речи имеют свою особую лексику, грамматику, синтаксис, утвердилось еще со времен В. Гумбольдта. Данные языковедческого анализа широко использовались для изучения психологических особенностей устной и письменной речи [1; 2; 3]. Так, характеризуя особенности устной речи и сближая ее с речью внутренней, Л.С. Выготский отмечал, что свойственная ей сокращенность, синтаксическая упрощенность, предикативность определяются непосредственным диалогическим характером устного общения; использование стереотипной, «привычной» лексики и устойчивых оборотов связано со спонтанностью речи, ее протеканием в

порядке «простого волевого действия» [1, с. 363]. Характер письменной речи, ее развернутость, достигающая максимума синтаксическая расчлененность определяются условиями коммуникации – отсутствием контакта с собеседником. Лингвистическое исследование и описание речевых текстов, в целом раскрывающее общие и специфические закономерности их организации, до недавнего времени основывалось на письменных текстах кодифицированного литературного языка (КЛЯ): «...предпочтение, отдаваемое речевым произведениям, представляющим речь не как средство повседневного общения, а как самоцель, как орудие искусства, сказывалось и на характере лингвистических построений: типичное для упорядоченных литературных текстов, принималось и выдавалось за всеобщее, единственно возможное. Факты, противоречащие сложившимся лингвистическим концепциям, не привлекали к себе внимания языковедов» [6, с. 3]. В этом плане мы полностью разделяем справедливое мнение авторов монографии «Фонетика спонтанной речи» о том, что «исторически лингвистика текста и, в частности, лингвистика устной (спонтанной, разговорной) речи складывалась на фоне закономерностей, установленных для письменной речи или для КЛЯ. Таким образом, стали исследовать отклонения спонтанной речи от КЛЯ, что исподволь наводит на мысль о производности спонтанной речи от КЛЯ <...> в действительности КЛЯ является вторичным по отношению к спонтанной речи» [7, с. 12].

Следует заметить, что активное изучение специфических черт РР, ряда присущих ей признаков и условий реализации ведется в основном с точки зрения системы традиционных языковых единиц: фонемы, слова, словоформы и высказывания как грамматических единиц. Отдельные случаи изучения РР на уровне текста сводятся к определению жанровой специфики текстов РР и выявлению особенностей синтаксической организации текстов РР, а именно, к изучению собственно текстовых связей, организующих текст РР как тесное единство ряда высказываний [см., например, 8].

Однако, несмотря на достаточную разработанность целого ряда вопросов, связанных с особенностями лексического, морфологического и синтаксического строя РР, в исследовательской практике мало работ, посвященных изучению смысловой структуры текстов РР, а также закономерностям их построения и осознания (в связи с экспериментальными психолингвистическими исследованиями структуры текстов в целом). Необходимость подобного исследования объясняется и тем фактом, что при порождении текстов такого типа образуются достаточно простые, «базовые» речевые структуры, проясняющие в некоторой степени механизмы текстопостроения вообще, а также показывающие динамику развертывания текста говорящим.

Нами описываются некоторые особенности реализации основных свойств текста – цельности и связности – при построении текстов разговорной речи как текстов, не имеющих той степени развернутости и струк-

турированности, которой обычно требуют и которой обладают тексты, являющиеся объектом описания современной «нормоцентрической» лингвистики текста [4]. В основе единой стратегии построения развернутого текста на КЛЯ и текста разговорной речи (РР) оказывается цельность как инвариант содержания текста. Это содержание может быть реализовано не только в данном тексте, но и в ряде других текстов, в чем-то похожих, близких с данным. Именно цельность определяет смысловую структуру текста, поэтому наиболее адекватным способом исследования смысловой структуры является подход прежде всего со стороны цельности как глубинной имплицитной характеристики, а не со стороны связности как синтагматической эксплицитной характеристики текста. Связность в данном случае рассматривается как конкретная форма воплощения цельности в одном из текстов, описывающих одну и ту же денотатную ситуацию и выражающих более или менее одну интенцию автора.

Поскольку одна и та же цельность, хотя бы инвариантно, может быть реализована в разных текстах определенной парадигмы, то на базе цельности всегда возможна перифраза, то есть построение другого текста, в известном смысле синонимичного данному тексту. Еще Р. Якобсон говорил о единственной возможности дать толкование – это создать другой текст [9, с. 362]. Таким образом, единственная возможность вербальной передачи значения – это построение нового текста-перифразы.

Набор ключевых слов (НКС) можно считать одним из предельных видов перифразы-свертывания, отражающим основные принципы действия механизма компрессии текста. Отсутствие, как правило, в НКС специальных средств связности (предлогов, союзов, глаголов-связок) уменьшает степень конкретности «значения» высказываний, но не лишает говорящего возможности передачи основного содержания, основного замысла текста. НКС как текст-«примитив» обладает основной характеристикой, присущей тексту как таковому вообще – цельностью. В НКС, то есть основных смысловых словах текста, заключено основное содержание текста.

В проведенных нами экспериментах испытуемые выделяли слова, являющиеся, по их мнению, «стержневыми» для понимания текста. Задание выполнялось как по предъявленному испытуемым исходному тексту РР, так и по синонимичному ему тексту «перевода» на КЛЯ. По методике, предложенной С.А.Сиротко-Сибирским и А.С.Штерн, определялись НКС трех видов – большой, средний и малый – для текста РР и текста на КЛЯ [5]. По формуле Спирмэна определялся коэффициент ранговой корреляции данных распределений ключевых слов. Достаточно высокий коэффициент ранговой корреляции (для больших НКС он составил 0.78) показывает, что «деграмматизированный» (с точки зрения КЛЯ) текст РР и отвечающий традиционной грамматической норме текст на КЛЯ, передают принципиально один и тот же инвариант цельности. Несмотря на различие в оформлении, форме текста, испытуемые понимают эту цельность и передают ее в новом тексте – НКС – отличном по форме от данных, но являющемся пе-

рифразой исходного текста. Было проведено сопоставление «сводных» корпусов ключевых слов (полученных в результате суммы всех ответов испытуемых) к тексту РР и тексту на КЛЯ по частеречным характеристикам. Кроме того, отмечались встречающиеся в ответах испытуемых квазисинонимические замены ключевых слов, с включением в НКС слов-квазисинонимов тех, которые употреблены в тексте. Например: «ненаучно» – «шарлатанство» и т.п.

Анализ словоупотреблений каждого КС в тексте РР позволил выявить степень сохранности каждого словоупотребления КС при «переводе» текста на КЛЯ. Была выдвинута гипотеза о наличии «сильных» и «слабых» позиций употребления каждого КС в тексте РР. Под «сильной» позицией понималась такая позиция, в которой данное КС при «переводе» текста на КЛЯ сохранялось подавляющим большинством испытуемых.

Под «слабой» позицией понималась соответственно такая позиция, в которой КС при «переводе» устранялось многими испытуемыми. Отмечались и случаи, когда при «переводе» текста на КЛЯ КС заменялось на квазисиноним. Такие позиции употребления КС определены нами как квазислабые. При этом различалось семантическое и формальное варьирование квазислабых позиций употребления КС. При семантическом варьировании КС заменялось синонимом или квазисинонимом («бабки» – «знахарки»), а при формальном варьировании происходила замена КС внутри одного словообразовательного гнезда («ушла работать» – «перешла работать») или внутри одной гиперлексемы («работать» – «работа»).

Анализ показал, что первое употребление КС в тексте РР, как правило, находится в «сильной» позиции, то есть сохраняется при «переводе» текста на КЛЯ. Поэтому первое употребление КС в тексте РР характеризуется как максимально сильная позиция, в которой реализуется КС как рема, несущая наиболее важную информацию.

Последующие, после первого, употребления КС могут находиться в тексте РР как в «сильной», так и в «слабой» позициях. Представляется, что основные типы устранения случаев употреблений КС текста РР при «переводе» его в текст на КЛЯ связаны с особенностями тема-рематической организации текста на КЛЯ. При «переводе», как правило, устраняются: избыточные фрагменты текста с явным дублированием в развертывании ремы, вызванным устным спонтанным характером речи (например, повторы как вариации в процессе саморедактирования и т.п.); фрагменты текста, передающие излишнюю, по мнению редактирующего, детализацию ремы; фрагменты текста, когда слово, только что употребленное как рематический элемент, повторяется уже как тематический элемент.

Процесс «перевода» текста РР в текст на КЛЯ показывает уменьшение числа реальных словоупотреблений ключевых слов, выявляя тем самым (в отличие от формального анализа текста) ключевой или неключевой характер каждого словоупотребления слова, являющегося реализацией лексемы-КС.

Результаты эксперимента также показали, что собственно ключевые слова, употребленные в тексте РР, при «перевode» текста на КЛЯ устраняются в несколько раз реже, чем замещающие их в том же тексте местоимения. Так, например, 8 собственно ключевых слов, составляющих средний НКС, выделенный к тексту РР, употреблены в тексте РР 38 раз. При «перевode» устранено в среднем лишь 13 случаев их употребления. В то же время в тексте РР эти КС имеют 7 случаев употребления заместителей-местоимений, из которых при «перевode» устранено 6. Остальные 8 собственно ключевых слов из выделенного к тексту РР большого НКС употреблены в тексте РР 22 раза; при «перевode» устранено в среднем 28 %. Эти же КС имеют в тексте РР 28 случаев употреблений заместителей-местоимений, которых при «перевode» устранено в среднем 43 %.

Структурирование цельности текста РР отражается в организации его тема-рематической структуры. Развертывание тема-рематической структуры есть актуализация компонентов цельности текста. Представляется, что организация тема-рематических структур в тексте РР, предопределяет синтагматическую организацию этого текста в целом. В связи с этим, выделяются некоторые характерные черты тема-рематической организации текста РР: частое отсутствие темы (данного) в тема-рематическом блоке текста; своеобразные связи между ремами в тексте (контактные, дистантные, связи с парадигматической заменой более крупных блоков текста).

В связи с актуальным членением текста РР выявляются зоны расположения ключевых слов в линейной развертке текста, которые, в определенной степени, отражают «тематичность» или «рематичность» каждого КС в его употреблении в тексте. Отдельное КС, с помощью которого можно передать основное содержание текста, нами рассматривается как словотекст (своего рода «предельный» НКС), являющееся минимальным средством для выражения цельности. Отдельное КС является «центром» при передаче основного нерасчлененного инварианта цельности. Сложная иерархия смысловых структур в тексте РР отражается в расположении как такого отдельного КС, так и всего НКС в структуре развернутого текста. Отдельное КС в развернутом тексте обычно является самым частотным знаменательным словом. Это, как правило, тематическое слово, определяющее тему описания. Выделение отдельного КС в тексте при индексировании с помощью КС сопровождается и подбором слов-характеристик к выделенному тематическому слову. Такие слова-характеристики могут быть двух типов: а) «тематического», тяготеющие к началу последовательности слов, идущих от отдельного КС и удаленных от него влево и вправо не более, чем на три знаменательных слова; б) «рематического» типа, которые в текстах нейтральных стилей тяготеют к концу такой последовательности.

В текстах же разговорной речи, в связи с инверсией порядка слов и своеобразным расположением рематических элементов, такие слова-

характеристики могут находиться не только в конце этой последовательности, но и могут тяготеть к началу последовательности слов, идущих от отдельного КС. Проведенный анализ показал, что слова, составляющие большой НКС к тексту РР, в пределах от 60 до 100 % расположены в указанных зонах (причем, чем текст тематически монолитнее, тем этот процент выше).

Одним из сигналов КС в тексте РР является его просодическая выделенность. Хотя сопоставительный анализ показал, что смысловая и просодическая выделенность слов в тексте РР совпадают лишь частично, все же следует отметить, что просодическая выделенность КС в тексте РР может рассматриваться в качестве одного из необходимых условий выделения ключевого слова. Рассматривается взаимосвязь просодической выделенности КС с «сильными» и «слабыми» позициями употребления данного КС в тексте РР. Каждое КС, хотя бы в одном из своих употреблений в исходном тексте РР, отмечается фразовым ударением (чаще всего особым, логическим ударением).

Обобщая сказанное выше, еще раз особо выделим роль первого употребления КС, входящего в большой НКС, выделенный к тексту РР. Первое употребление КС в тексте характеризуется наличием следующих признаков: находится в «сильной» позиции употребления в исходном тексте РР, то есть сохраняется в данном употреблении при «переводе» текста на КЛЯ; входит в указанные зоны расположения ключевых слов в линейной развертке текста РР; отмечается в данном употреблении фразовым ударением.

Выделение первых случаев употребления КС в тексте РР (и других «сильных» позиций употребления КС) позволяет более надежно отделить словоупотребления КС – как выразителей собственно инварианта цельности от словоупотреблений КС – как выразителей специальных средств связности («слабые» позиции употребления КС в тексте РР). В этом отражается диалектика перехода от цельности к связности, а точнее – их взаимосвязь.

Сопоставление НКС по различным параметрам текста РР показывает, что НКС является объективным и достаточно эффективным методом, показывающим важные закономерности построения и восприятия текста, и дающим возможность, при варьировании характера перифраз, показать актуальное разграничение в иерархии центральных и периферийных компонентов цельности текста, что позволяет поэтапно выявлять фрагменты значения и их структурирование.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь // Избранные психологические исследования. – М.: Наука, 1956. – [Электронный ресурс]: http://www.pedlib.ru/Books/1/0162/1_0162-335.shtml#book_page_top
2. Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III-IV классов // Известия АПН РСФСР. – 1956. – Вып. 78. – С. 141 – 250.

3. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Наука, 1979.
4. Сахарный Л.В. Морфема как текст и морфема как часть текста // Морфемика. Принципы и методы системного описания. – Л.: ЛГУ, 1987. – С. 157 – 170.
5. Сиротко-Сибирский С.А. К измерению качества работы предметизатора // Предметный поиск в традиционных и нетрадиционных информационно-поисковых системах. – Л., 1988. – Вып. 8. – С. 201 – 219.
6. Скребнев Ю.М. Исследования русской разговорной речи (обзор) // Вопросы языкознания. – 1987. – № 1. – С. 144 – 156.
7. Фонетика спонтанной речи / Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гейльман Н.И. и др.; ред. Н.Д. Светозарова. – Л.: ЛГУ, 1988.
8. Ширяев Е.Н. Структура устного разговорного повествования // Текст как целое и компоненты текста. – М.: Наука, 1982. – С. 106 – 122.
9. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 361 – 369.

Эффективность речевого поведения журналиста (на материале статей Д. Губина)

В статье анализируется речевое поведение отдельного журналиста по конативно-ориентированным стратегиям, идентифицируется фрагмент его речевого портрета и диагностируется его воздействие на читателя.

In this article is analyzed the verbal behavior of certain journalist according to conative-oriented strategies, identified fragment of his speech description and his linguistic unconscious manipulation directed to reader.

Ключевые слова: отправитель текста, получатель текста, речевое поведение, речевой портрет, речевое воздействие, конативно-ориентированные стратегии, скрытые воздействующие стратегии.

Key words: text-sender, text receiver, verbal behavior, speech description, speech manipulation, conative-oriented strategies, off-record affecting strategies.

В статье анализируется речевое поведение журналиста Дмитрия Губина, одного из авторов российского общественно-политического издания «Огонек». Цель настоящей работы – диагностировать воздействие автора на своего читателя. Объект исследования – речевое поведение. Предметом исследования являются речевые сигналы: те варианты высказывания, в пользу которых сделал выбор автор с целью эффективного воздействия на получателя текста. Материалом для исследования послужили тексты статей автора Дмитрия Губина [2; 3; 4; 5; 6].

В качестве единицы обследования взята малая синтаксическая группа (МСГ), или актуализированная модально-предикативная группа, принятая в работах по скрытой прагмалингвистике [8; 11; 12; 14].

Отобранные для данного анализа тексты были разбиты на МСГ. Всего было проанализировано 962 группы. Малые синтаксические группы подробно исследовались по конативно-ориентированным скрытым воздействующим стратегиям. Конативно-ориентированные стратегии в прагмалингвистике – это текстуальная категория, которая является регуляционной. Она указывает на речевое поведение автора, но направлена на читателя (то есть регулирует поведение читателя). Конативно-ориентированные стратегии в нашей работе представлены следующими стратегиями:

1) «акцентуация автором элементов речевого события» (далее – стратегия «Акцентуации»);

2) «формирования отправителем текста у его получателя отношения к речевому событию путем оценивания» (далее – стратегия «Формирования отношения»);

3) «удовлетворение / неудовлетворение автором прагмалингвистических ожиданий получателя текста» (далее – стратегия «Удовлетворения / неудовлетворения ожиданий»).

Все данные по исследованию собраны в Таблице «Фрагмент речевого портрета журналиста Д. Губина по скрытым конативно-ориентированным стратегиям».

Таблица 1.

Фрагмент речевого портрета журналиста Д. Губина по скрытым конативно-ориентированным стратегиям

Стратегия	Акцентуация		Формирование отношения			Удовлетворение / неудовлетворение ожидания			Всего МСГ:									
	Акцентирования	Неакцентирования	Положительный	Нейтральный	Отрицательный	Недостаточности	Достаточности	Избыточности										
План	2	3	4	5	6	7	8	9	10									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10									
Кол-во	МСГ	%	МСГ	%	МСГ	%	МСГ	%	МСГ	%	Кол-во							
											%							
Статья 1	95	66,4 %	48	33,6 %	49	34,3 %	32	22,4 %	62	43,3 %	58	40,5 %	73	51 %	12	8,4 %	143	100%
Статья 2	169	87,6 %	24	12,4 %	67	34,7 %	22	11,4 %	104	53,9 %	59	30,6 %	114	59 %	20	10,4 %	193	100%
Статья 3	157	90,7 %	16	9,3 %	63	36,4 %	24	13,9 %	86	49,7 %	47	27,2 %	117	67,6 %	9	5,2 %	173	100%
Статья 4	122	78,7 %	33	21,3 %	25	16,1 %	51	32,9 %	79	51 %	53	34,2 %	95	61,3 %	7	4,5 %	155	100%
Статья 5	264	88,6 %	34	11,4 %	93	31,2 %	101	33,9 %	104	34,9 %	104	34,9 %	185	62,1 %	9	3 %	298	100%
Итого плана МСГ:	807		155		297		230		435		321		584		57		962	
СРВ	83,9 %		16,1 %		30,9 %		23,9 %		45,2 %		33,3 %		60,8 %		5,9 %		100 %	

Данная таблица по горизонтали представлена тремя стратегиями речевого поведения отправителя текста, каждая из которых включает в себя два или три плана. Стратегия «Акцентуации» представлена в виде двух планов – акцентирования и неакцентирования. Стратегия «Формирования отношения» в трех планах: положительный, нейтральный и отрицательный план. Стратегия «Удовлетворение / неудовлетворение ожидания» также

имеет три плана: достаточности, недостаточности и избыточности информации. По каждому плану стратегии приводится абсолютный речежанровый показатель, его процентный показатель идентификации планов по каждой статье. Для каждого плана стратегий отдельно вычисляется средняя речежанровая величина (СРВ).

Эти величины являются эталонными показателями для речевого поведения данного отправителя, выведенные по его пяти статьям. Все значения СРВ являются актуальными, но для нашей работы важны те, которые выделены жирным шрифтом. Именно эти значения указывают на наличие исследуемых личностных черт автора, определяющих фрагмент его речевого поведения.

Рассмотрим каждую стратегию отдельно.

Стратегия «Акцентуации» представлена двумя планами: акцентирования (не норма), неакцентирования (норма). Обратимся к этим понятиям. Понятия акцентуации и неакцентуации являются ключевыми в области психологии. Сам термин акцентуация произошел от латинского слова *accentus*, что означает ударение [1]. Акцентуация с позиции психологии представляет собой ударение или выделение какой-либо черты характера индивида и его принадлежность к определенным психическим сферам: норма или патология [13]. «Норма» с точки зрения статистического подхода – это нечто среднее, установившееся, не выделяющееся из массы [10] или, другими словами, норма – это правило. Когда правило нарушается, ему на смену приходит исключение – патология, не норма. К. Леонгард выделяет три основных понятия в данной области: акцентуация характера, акцентуация личности и акцентуированная личность [7, с. 32]. Для нашего исследования немаловажным является последнее понятие.

Под акцентуированной личностью понимается «положительная черта человека, которая говорит о его психологической норме, крайней степени нормы, которая иногда может перейти в состояние патологии» [7, с. 32]. Акцентуированная личность всегда отличается уверенностью в своих действиях, постоянным контролем над собой, с предусмотрительным взвешиванием своих мыслей и идей. Понятие акцентуации чаще, чем в работах русских ученых, встречается в работах германских ученых в таких сферах, как литературоведение – акцентуация и выделение задач (*Akzentuierung und Thematisierung von Angaben*) [20, с. 238]; музыковедение – ритмичные вкрапления (*rhythmische Akzentuierungen*) [21]; психология – акцентуированные личности (*akzentuierte Persönlichkeiten*) [7, с. 56]; риторика – акцентуация отдельных частей речи, отчуждения, внушения (*Akzentuierung einzelner Redeteile, Verfremdung*) [23]; социология – проблематика акцентуации «женского» (*Die Problematik der Akzentuierung des "Weiblichen"*) [22]; фонетика – акцентуация одного отдельного слога (*Die Akzentuierung einer bestimmten Silbe*) [24, с. 18]; юриспруденция – акцентуация правовой нормы и права на недвижимость (*Akzentuierung auf*

dem Insolvenzrecht und das Immobilienrecht) [25]; строительство – подчеркивание структурных линий здания (Akzentuierung der Strukturlinien) [17].

Часто речь идет о таком понятии, как акцентированное, ярко выраженное влияние – «akzentuierende Einwirkung» [18]. Под любым влиянием обычно подразумевается некое воздействие (сознательное) или манипулирование (неосознаваемое) [15, с. 72]. Манипулирование – это средство воздействия на читателя с целью побудить его сделать что-либо неосознанно. Поэтому целью любого речевого манипулирования является изменение поведения человека.

Такое манипулирование наблюдается во всех статьях Дмитрия Губина. Их необычный строй высказываний имеет высокие процентные показатели акцентирования (статья 1 - 66,4 %; статья 2 - 87,6 %; статья 3 - 90,7 %; статья 4 - 78,7 %; статья 5 - 88,6 %). В них актуализируются речевые сигналы: нетипичный порядок слов в предложении (обратный: обстоятельство или дополнение на первом месте), повелительное наклонение, постановка придаточного предложения в начало высказывания, отсутствие главного члена предложения (сказуемого, части сказуемого, подлежащего), безличные и вопросительные предложения. Приведем примеры:

| 1 «Давай теперь, | 2 ползай!» | [4] – повелительное наклонение актуализирует акцент высказывания.

| 3 «Чтобы не отстать от новомодного тренда, | 4 достаточно читать ...» | [5] – односоставное предложение в рамках сложного с отсутствием подлежащего, обратный порядок частей данного предложения продиктован смысловой важностью придаточного, которое вынесено на первое место.

| 5 «Слышите, | 6 граждане Санкт-Петербурга?» | [4] – в вопросительном предложении с его порядком слов всегда актуализируется план акцентирования.

Автор акцентирует внимание читателя на тех или иных элементах высказывания. Как показывают примеры, он хочет подтвердить искренность своего высказывания фактами. Для этого он неосознанно употребляет акцентированные элементы, старается изложить свое видение проблемы, навянуть свою точку зрения, достичь «коммуникативной согласованности со своим читателем» [9, с. 69].

План неакцентирования выражен следующими цифрами: статья 1 – 31,1 %; статья 2 – 12,4 %; статья 3 – 9,5 %; статья 4 – 21,3 %; статья 5 – 11,4 %. Наиболее высокий процент неакцентированной речи наблюдается в статье 1. Доминирующий тип данной стратегии – план акцентирования (83,9 %).

Вторая стратегия («Формирование отношения») подчеркивает неосознаваемый выбор автором элементов, вызывающих у читателя положительные, нейтральные или отрицательные ассоциации. Поэтому данная стратегия выражена тремя планами: положительным, нейтральным и отрицательным. Каждый план реализуется через ассоциативный ряд и форми-

рует у читателя определенное отношение (положительное, нейтральное или отрицательное).

Например, показатели отрицательного плана в данной стратегии преобладают над другими по всем трем статьям (статья 1 – 43,3 %; статья 2 – 53,9 %; статья 3 – 49,7 %; статья 4 – 51 %; статья 5 – 34,9 %). Такие цифры указывают на формирование автором отрицательного отношения читателя к речевому событию. Доминирующий тип данной стратегии – отрицательный план.

В статье 1 [5] автор выступает против «новой» духовности, гламура и страза, тем самым он формирует отрицательное отношение к этим понятиям. Речевыми сигналами для данной стратегии является выбор автором таких элементов высказывания, которые вызывают отрицательное отношение: | 7 «Я, например, знаю немало писателей, | 8 занимающихся массажем публики, | 9 то есть написавших романы для того, | 10 чтобы срубить бабла ...» |; | 11 «... смысл жизни в том, | 12 что сперва нужно как можно больше заработать, | 13 а затем счастье само снизойдет» |; 14 «Чтобы не отстать от новомодного тренда, | 15 необходимо ... смотреть правильное кино, | 16 есть правильную еду, | 17 ходить в правильный спортзал, | 18 носить правильную одежду, | 19 соблюдать правильные правила ...» | (т.е. навязывание каких-то трендов).

Статья 2 [4] в процентном отношении самая негативно окрашенная, что, вероятно, связано с личным отношением автора к выбранной теме. Она раскрывает неодобрительный настрой автора к власти и чиновникам в целом, показывает их отрицательное отношение к гражданам страны. Статья пестрит нелестными выражениями: | 20 «...нас все больше унижают публично...» |; | 21 «... их цель – покуражиться, | 22 видя, | 23 как вы ползаете на брюхе...» |. Под выражением «ползать на брюхе» понимается «пресмыкаться, унижаться, заискивать».

Статья 3 [6] делает акцент на ценностях и устоях современной российской семьи, живущей по принципу матриархата. Автор подводит читателя к тому, что традиционная семья может скоро исчезнуть как институт, а вместе с ней не станет мужчины как биологического индивида: | 24 «Мои деньги – это мои, | 25 а твои деньги – наши общие, | 26 разве ты не мужчина, | 27 разве мы не семья»; | 28 «Неужели не видишь, | 29 что нашим враньем мы развращаем женщин, | 30 превращая их в тупых содержанок?!»; | 31 «А я не обязана варить борщи и мыть посуду... | 32 я не раба | 33 – или поищи себе дуру, | 34 или найди мне домработницу» |.

Статья 4 [3] посвящена теме нравственности в строительном вопросе. Автор напрямую связывает строительство не только с благосостоянием народа, но и с документальной вседозволенностью и бюрократией в стране: | 35 «В другом... садоводстве половина дачек огорожены заборами... | 36 впечатление, | 37 как будто у всех разом съехала крыша» |. Наблюдается пренебрежительное отношение к дачным участкам с высокими заборами. Общий процесс оградостроительства автор сравнивает с синдромом

помешательства: | 38 «... Россия действительно не Европа: | 39 наше наследство – брошенные деревни да загаженные леса» |. Автор выражает сожаление, что Россия входит в европейский конгломерат, вероятно, потому, что русские люди не умеют хранить накопленные годами богатства и природные ресурсы земли.

Статья 5 [2] рассказывает об авторских правах в современном медийном пространстве, которые нарушаются плагиатом и нелегальным распространением. Раскрывается тема: человек и закон, человек и его нравственность. Примеры: | 40 «Продажи убивает отсутствие интереса к чтению» |, то есть книги не продаются из-за отсутствия читательского спроса, а, следовательно, интереса. | 41 «Однако рискните сегодня в России купить через интернет билет в кинотеатр: | 42 в большинстве случаев это невозможно» | (Речь идет о том, что Россия отстает от некоторых современных «ноу-хау», давно реализованных в других странах, а поэтому граждане лишены каких-то возможностей и удобств в повседневной жизни).

Стратегия «Удовлетворение / неудовлетворение ожиданий» отвечает за мнение автора текста об уровне информативности этого текста и степени заинтересованности адресата в сообщаемом [16, с. 73].

Данная стратегия представлена тремя планами: достаточности информации, недостаточности информации и избыточности информации в тексте. Эти планы всегда служат для реализации трех главных целей: вызвать интерес читателя (открыть ожидание), удовлетворить его ожидание или дать избыточную информацию.

Доминантный тип данной стратегии – план достаточной информации (60,8 %). Этот план реализован во всех статьях Д. Губина и по отношению к планам недостаточности информации и избыточности информации имеет самые высокие показатели (статья 1 – 51,0 %; статья 2 – 59 %; статья 3 – 67,6 %; статья 4 – 61,3 %; статья 5 – 62,1 %). Данные по пяти статьям говорят о том, что речь автора достаточна, убедительна и воздействует на своего читателя. Для этого автором автоматически выбираются такие речевые сигналы, как распространенные, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, причастные и деепричастные обороты, сравнительные и инфинитивные обороты, ряды однородных определений. Открытие ожидания может вызвать также катафора (указывает на последующий элемент), а удовлетворение ожидания – анафора (указывает на предшествующий элемент). План недостаточности отвечает за открытие ожидания (катафорические отношения), планы избыточности и достаточности – за удовлетворение ожидания (анафорические отношения).

| 43 «... что духовность имеет самое непосредственное отношение к твоей личной, | 44 персональной, | 45 биологической смерти, | 46 которая непременно | 47 (и скорее всего гадостно |, 48 с болью, | 49 сиделками, | 50 утками, | 51 лживыми врачами) | 46 наступит» | [5].

Открытие ожидания – имеет отношение к личной, персональной, биологической (к чему?). Удовлетворение ожидания – имеет отношение к

смерти. Открытие ожидания – которая, непременно, гадостно, с болью, сиделками, утками, лживыми врачами (что сделает?). Удовлетворение ожидания – которая, непременно наступит.

| 47 «Современная Россия вообще все больше выстраивается так, | 48 что тебя из примерного гражданина непременно сделают нарушителем и | 49 унизят ... тем, | 50 что начнут читать мораль про то, | 51 что закон один для всех» | [4].

Открытие ожидания – выстраивается так (как?). Удовлетворение ожидания – что тебя из примерного гражданина непременно сделают нарушителем. Открытие ожидания – унизят тем (чем?), удовлетворение ожидания – что начнут читать мораль. Открытие ожидания – мораль про то (про что?), удовлетворение ожидания – что закон один для всех.

Автор также часто использует повторы (усиления) для удовлетворения читательского ожидания, например:

| 52 «В Москве скоро прижмут не с окнами – | 53 прижмут с кондиционерами ...» | [4]. Открытие ожидания – прижмут не с окнами (а с чем?), удовлетворение ожидания – прижмут с кондиционерами.

| 54 «Это не за бизнесменами, | 55 ... это не за чиновниками, | 56 ... это за вами идут» | [4]. Открытие ожидания – это не за бизнесменами (а за кем?), не за чиновниками (а за кем?), удовлетворение ожидания – это за вами идут.

Тексты автора рассчитаны на читателя неподготовленного, недостаточно информированного и мало заинтересованного в теме статей. Информация, идущая от автора к получателю, - новая для читателя, а, значит, сложная для восприятия. Однако автор сумел ввести достаточный объем информации, чтобы удовлетворить ожидания читателя.

Опираясь на показатели таблицы, можно сделать следующие выводы о речевом поведении журналиста Дмитрия Губина. Его отличает высокая степень акцентированности речи, что не является речевым нормативом. План акцентированности является доминантным для речевого поведения данного автора. Это значит, что его речь способна повлечь изменение поведения читателя. При формировании отношения слушателя Д. Губин чаще актуализирует план формирования отрицательного отношения к излагаемому материалу, который является доминантным для этой стратегии. Поэтому показатели по всем планам в целом подтверждают стремление автора сформировать у читателя отрицательное отношение к описываемому событию. План положительного и нейтрального отношения получателя автор формирует реже. Речевой фрагмент портрета автора по данной стратегии выглядит следующим образом: он завоевывает внимание читателя, удерживает это внимание до конца прочтения статьи и убеждает сделать негативные выводы.

Данные таблицы по стратегии «Удовлетворение / неудовлетворение ожиданий» свидетельствуют о достаточности речи автора (доминантный план по данной стратегии – план достаточности информации). Это говорит

о его убедительности. Он вызывает интерес читателя при помощи высказываний с катафорой и удовлетворяет читательский интерес средствами анафорических отношений.

Показатели по плану достаточности заметно превышают остальные планы. Это говорит о том, что автор может быть убедительным, а его речь – достаточной. Разница показателей плана достаточности зависит от выбранной автором темы статьи, именно поэтому его речь можно считать достаточной для восприятия и понимания.

Были рассмотрены три стратегии, ориентированные на читателя. Результаты исследования помогли идентифицировать фрагмент речевого поведения журналиста Дмитрия Губина, на основании которого можно судить о скрытых приемах манипулирования читателем.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь. – [Электронный ресурс]: http://enc-dic.com/enc_big/Akcent-1405.html.
2. Губин Д. Воровать нельзя платить // Огонек. – 2011. – № 11 (Статья 5).
3. Губин Д. Оградостроительный комплекс // Огонек. – 2009. – № 20 (Статья 4)
4. Губин Д. Недетское время // Огонек. – 2009. – № 25 (Статья 2).
5. Губин Д. Новая духовка // Огонек. – 2009. – № 31 (Статья 1).
6. Губин Д. Новый русский феминизм // Огонек. – 2009. – № 27 (Статья 3).
7. Леонгард К. Акцентуированные личности. – М.: Эксмо-Пресс, 2001.
8. Матвеева Г.Г. Диагностирование языковой личности и речевое поведение политика. Монография. – Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2009.
9. Моисеенко Л.А. Прагмалингвистические характеристики авторов военных мемуаров // Личность, речь и юридическая практика. сб. науч. трудов Междунар. науч.-метод. конф. / Донской юридический институт. – Ростов н/Д: ДЮИ, 1998. – Вып. 1. – С. 56 – 72.
10. Нартова-Бочавер С.К. Понятие психологической нормы. – [Электронный ресурс]: <http://psylist.net/difpsi/nb03psynorm.htm>.
11. Оберемченко Е.Ю. Прагмалингвистический аспект речевого поведения дипломата: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2011.
12. Пишкова Е.Ю. Прагмалингвистическое диагностирование речевого поведения кандидатов в президенты США: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2007.
13. Психологический словарь значения психологических терминов. – [Электронный ресурс]: http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/index.htm.
14. Сапега А.В. Речевое поведение лингвистов – субъектов научной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2008.
15. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001.
16. Матвеева Г.Г. Теория и практика анализа текста в аспекте скрытой прагмалингвистики: монография / Матвеева Г.Г., Бутусова А.С., Ломова О.Е., Моисеенко Л.А., Одарюк И.В., Чигридова Н.Ю.; под ред. д-ра филол.н., проф. Г.Г. Матвеевой. – Ростов н/Д: ИУБиП, 2007.
17. Универсальный немецко-русский словарь. Академик.ру. 2011. – [Электронный ресурс]: http://universal_de_ru.academic.ru/15611/Akzentuierung_der_Struktur_linien.
18. Immerschitt W. Rhetorik-Online-Zeitschrift der Universität Salzburg. // Unterschiede in der Rhetorik von Unternehmern und Politikern. 09.04.2007. – [Электронный ресурс]: <http://www.rheton.sbg.ac.at/rheton/2007/04/anapher>.
19. Leonhard K. Akzentuierte Persönlichkeiten. – 2-e Aufg. – Berlin, 1976.

20. Lüscher A. Akzentuierung und Thematisierung von Angaben // Linguistische Berichte 97. – Berlin, 1985. – S. 228 – 251.
21. Schimmelpfeng R. Die Seele des Klages. Obertonkonzert für Stimme und Instrumente. – Bremen. – [Электронный ресурс]: <http://www.obertonmusik.com/obertonkonzert.shtml>.
22. Schenk H. Die Problematik der Akzentuierung des "Weiblichen" am Beispiel der Idee der "Mütterlichkeit" in der ersten Frauenbewegung. – [Электронный ресурс]: http://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/16748/ssoar-1979-schenkdie_problematik_der_akzentuierung_des.pdf?sequence=1.
23. Schmid J. Rhetorische Figuren (Stilmittel). – [Электронный ресурс]: www.joachimschmid.ch/docs/DMtStilmitt.pdf.
24. Schuderer A. Kontrastive Phonetik und Phonologie: Suprasegmentale Merkmale. 2002. – [Электронный ресурс]: <http://www.schuderer.net/Prosodies19.pdf>.
25. Jäger V. Studieninteressierte. 06.08.2012. – [Электронный ресурс]: <http://www.uni-regensburg.de/rechtswissenschaft/fakultaet/studieninteressierte>

**Вербальные избыточность и недостаточность
в одноязычии (на материале русского языка)**

В статье представлена краткая ретроспектива исследования избыточности и недостаточности, выявлены их когерентность и их вклад в эмерджентность вербальной коммуникации. Представлен опыт типологизации феноменов избыточности и недостаточности, описаны их иерархическое строение и бифуркационная организация в речи.

The article presents a brief retrospective study of redundancy and shortage, reveals their coherence and their contribution to the emergence of verbal communication. There are also pointed out classification of phenomena redundancy and shortage, their hierarchical structure and bifurcation in speech.

Ключевые слова: бифуркация, иерархия, избыточность, недостаточность, классификация, когерентность, эмерджентность.

Key words: bifurcation, classification, coherence, emergence, hierarchy, redundancy, shortage.

Существование современного информационного общества требует гармонизации коммуникации в целях повышения эффективности общения и уменьшения энергозатрат и времени на обработку информации, что обуславливает необходимость обращения к комплексному рассмотрению феноменов вербальных избыточности и недостаточности и предполагает всесторонний языковой анализ и внимание к внелингвистическому коммуникативному контексту (социокультурологическому, когнитивному, ситуативному). При таком подходе оказывается возможным выявить сигнификативные и дистинктивные свойства объектов, определить их природу и функциональную направленность.

Теоретической базой настоящего анализа служат фундаментальные положения о коммуникативной природе избыточности и недостаточности [1; 3 – 12; 14 – 18; 27 – 30; 33; 34] и некоторые идеи о синергетическом характере вербализации [13; 15; 19; 25; 31]. Методологически исследование опирается на комплексный подход, включающий метод лингвистического описания и метод моделирования. Эмпирическую основу составляют наблюдения автора, полученные в лингводидактической практике. Фактическим материалом настоящего обзора служат аутентичные тексты на русском языке (в одноязычной ситуации), содержащие языковые факты вербальной избыточности и недостаточности, экстрагированные из произведений художественной литературы, материалов информационных интернет-порталов.

Исследования вербальной избыточности и недостаточности, несмотря на продолжительную историю и значительные успехи, оставляют широкий простор для разногласий и почву для дальнейшего анализа. Это положение вызвано несколькими факторами. С одной стороны, влияние оказывают принципиально различные главные цели и конкретные задачи исследования, разноструктурный фактический материал, методы анализа, различные философские и методические основания предпринимаемых изысканий. Таким образом, создается широкая палитра подходов и, соответственно, существенная разница понимания избыточности и недостаточности. С другой стороны, значительно осложняет решение проблем субстанциональная сложность названных феноменов.

Ретроспектива исследований избыточности и недостаточности обнаруживает достижения в их изучении с различных точек зрения. Наиболее значимые результаты представлены в области анализа отношения избыточности и недостаточности к языковой норме [3 – 7; 9; 11; 12; 14; 16 – 18; 20 – 23]. Широкое освещение получили лингвостатистическое определение избыточности некоторых национальных языков и энтропия языкового кода [8; 21; 24; 32]. Фрагментарно представлены описания детерминант и свойств избыточности и недостаточности [3 – 9; 11 – 14; 16 – 18; 20 – 23; 25; 27 – 30; 33; 34]. Их анализ проводится на разнородном стилистическом материале: от информационного сообщения до поэтических текстов. Исследование форм и функций избыточности и недостаточности охватывает широкий спектр языков: русский, английский, французский, немецкий, польский, чешский, болгарский, армянский, греческий, латинский, готский и др. Обширный эмпирический материал накоплен в работах, посвященных “художественной множественности”. Однако от внимания исследователей при этом ускользает сам феномен избыточности, так как в фокусе находятся проблемы адекватности передачи оригинального текста в переводе.

Нерешенными остаются вопросы о статусе избыточности и недостаточности, о сущности их взаимоотношений в процессе коммуникации и о стратегии их использования в одноязычии и двуязычии. Разработка детальной классификации избыточности и недостаточности с позиций универсологии также ждет своего решения.

Полно раскрыть сущность избыточности и недостаточности, создать панхронимическую классификацию их манифестаций и разработать стратегию их реализации в целях оптимизации межъязыковой и межкультурной коммуникации препятствуют не только односторонняя направленность проводившихся ранее исследований, но и сложность феноменов. Среди онтологических свойств избыточности и недостаточности, обременяющих их анализ, следует особо отметить синкретичность.

Наибольшие затруднения в классификации и типологизации детерминирует синкретичность: «Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела <...>» [2, с. 16]. Избыточность представлена синкретично в языко-

вых фактах «как стрела» (нерелевантная информация), «дни летят», «мирные годы» и «кровавые годы» (избыточность указания на число и падеж), и...и в совокупности с «мирные <годы> и кровавые годы» (избыточность указания на тождество и множественность информации). В следующем фрагменте вычленяются факты недостаточности, представляющие нулевую презентацию информации на синтаксическом уровне (отсутствие смысловых глаголов) во фразовом масштабе: «Кому – на, а кому – не» [2, с. 21].

Кумулятивный характер проявляется в тесном взаимодействии форм избыточности и недостаточности (соответственно) в речевом континууме, создающем комплекс взаимозависимых и взаимообусловленных элементов текста, а также текстов в свертковом коммуникативном пространстве. Губернаторы разорвут контракты с недобросовестными коммунальными предприятиями, а в России в скором времени появится информационная система в сфере ЖКХ. Такие требования содержатся в перечне поручений президента Владимира Путина по итогам заседания Госсовета 31 мая 2013 года, посвященного коммунальным проблемам [37]. На уровне текста здесь вычленяются сопряженные формы избыточности: кратность указания на носителя действия президент ~ Владимир Путин, кратность указания на объект действия сфера ЖКХ ~ коммунальные проблемы ~ коммунальные предприятия, кратность указания на место действия Россия ~ президент Владимир Путин ~ Госсовет. Позитивный коммуникативный эффект краткости создают сопряженные формы недостаточности во фрагменте новостного дискурса «Президент РАН Владимир Фортов выступил с предложением организовать комиссию из ученых, а также представителей Госдумы и Минобрнауки для согласования закона о реформе РАН перед третьим чтением, которое состоится в сентябре» [35] (реалии РАН, Госдума, Минобрнауки, содержащие различные модели аббревиации), и в sms-сообщении «ЛСЖ» (люблю, скучаю, жду) [3] (частичная презентация информации на словесном уровне в форме инициального усечения каждой лексемы и нулевая – на синтаксическом в форме отсутствия носителя и объекта действия, заданных в ситуации общения).

Исследовательская проблема всегда имеет непосредственную связь с построением типологии, классификации, таксономии изучаемого объекта. При этом различные цели типологизации, а также различные основания, положенные в основу структурирования объекта, приводят к различным результатам. Думается, выход из сложившейся практики синкретичного рассмотрения различных форм манифестации избыточности и недостаточности, их конститuentов и функций возможен в рамках принципиально нового подхода к этим лингвистическим феноменам, который предлагается в настоящей статье.

Новизна авторского подхода к избыточности и недостаточности заключена в выявлении их синкретичного и кумулятивного характера и в понимании их внутренней взаимосвязи, что позволяет дифференцировать

манифестации, конститuentы и модели и описать иерархическое строение избыточности и недостаточности.

Иерархическая организация исследуемых феноменов представлена трехъярусной структурой, описывающей уровни обобщения моделей избыточности и недостаточности, экстрагированных из комплексного обзора манифестаций. В соответствии с дистинктивными свойствами не взаимоисключающие основания классификации составляют следующие признаки: 1) обусловленность языковыми или внеязыковыми факторами; 2) языковая манифестация, в соответствии с иерархией языка и дискурсом; 3) взаимодействие с системой и нормой языка; 4) коммуникативная облигаторность; 5) коммуникативный эффект; 6) реализация; 7) детерминированность языковой ситуацией. На этой основе построена открытая суммативная таксономия, которая представлена многоуровневой стратификацией с 4 уровнями детализации и позволяет точно дифференцировать языковые факты, вычлняя 32 различные формы избыточности и 26 различных форм недостаточности [30].

Уровни иерархии сопряжено реализуются в лингвистическом коммуникативном пространстве двумя векторами: совокупно – в виде потенциальной базы (языка как системы и банка созданных ранее коммуникативных произведений), – и кумулятивно в речи (в конкретной коммуникативной ситуации). Генерализация уровней избыточности и недостаточности отражает иерархическую структуру этих феноменов. Такой подход позволяет осуществить дифференциацию манифестаций избыточности и недостаточности одновременно с синтезом их моделей и способствует оптимизации риторической практики.

Внутренняя взаимосвязь избыточности и недостаточности ранее не была предметом специального лингвистического анализа, однако представляет несомненный интерес. Анализ фактического материала позволяет выявить характер взаимосвязи избыточности и недостаточности в процессе вербализации смысла (инварианта коммуникации). Бифуркационная организация высказывания с одновременно сопряженными и независимыми чертами избыточности и недостаточности презентирует смысл в соответствии с интенцией автора, национально маркированными когнитивными стереотипами и общей пропозицией.

Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!» А он в окошко
да спокойно в свой удел
через море полетел [26, I, с. 614].

В этом фрагменте анализ позволяет обнаружить следующие взаимосвязанные факты избыточности и недостаточности: нулевая презентация части информации на синтаксическом уровне (отсутствие глагола, обозначающего действие комара); одновременно избыточность этой информации

(очевидной из ситуативного контекста); нулевая презентация части информации на синтаксическом уровне (отсутствие глагола, именуемого воздействием на комара, по редуccionному типу); одновременно избыточность этой информации (по речевой норме русского языка); избыточность на синтаксическом уровне (кратность указания на число слуги ловят, на род, число и падеж распроклятая мошка, свой удел, на род и число он полетел); избыточность служебных слов да, а, в; избыточность на словесном уровне, выраженная в форме гиперхарактеризации распроклятая.

Эти манифестации избыточности и недостаточности детерминируются ситуативным контекстом (№№ 1–4, 6), прагматикой отправителя (№№ 5–7) и синтактикой русского языка (№№ 1, 3, 5, 6), имеют маркеры национальной стереотипии на когнитивном и коммуникативном уровнях (№№ 1–7) и отражают когерентное сопряжение избыточности и недостаточности, выступающих в эмерджентной целостности.

Даже сжатое sms-сообщение «Я ещё в краске. Ещё стричься и сушиться. Короче, минут сорок» [36] обладает названными особенностями и содержит следующие манифестации избыточности и недостаточности: нулевая презентация формально необходимой информации (обязательных членов предложения, очевидно, в форме *сйжу, буду, задержусь* или *это займет* и т.п.) и одновременно факультативность этой информации, очевидной из ситуативного контекста; избыточность на сверхфразовом уровне, выраженная в форме повтора наречия *еще*; избыточность нерелевантной информации, выраженной в форме наречия неофициального регистра *короче*; избыточность союза *и*; избыточность указания на лицо *я* и одновременно необходимость его для адекватного декодирования сообщения адресатом.

Эти манифестации избыточности и недостаточности, функционирующие в sms-коммуникации, детерминируются условиями общения (№№ 1, 5), прагматикой отправителя (№№ 2, 3) и синтактикой русского языка (№№ 1, 4, 5), имеют маркеры национальной стереотипии на когнитивном и коммуникативном уровнях (№№ 3, 5) и реализуют когерентность анализируемых феноменов. Следует подчеркнуть неотъемлемость избыточности и недостаточности в вербальной коммуникации, эмпирически выявленных автором в текстах различного объема и в сверхтекстовом континууме.

Представленный подход отражает понимание инварианта коммуникации как единства репрезентированной в тексте экстралингвистической реальности: пропозиций, интенции, когнитивных стереотипов, которые в совокупности создают информационно-культурный контур коммуникации и детерминируют избыточность и недостаточность вербальных средств смыслопередачи.

Таким образом, представленный анализ фактического материала и теоретический обзор позволяют сформулировать следующие выводы:

Избыточность и недостаточность в силу многомерности, полифункциональности и вариативности манифестаций, а также в силу их сопря-

женной реализации в коммуникации являются объективной проблемой, не нашедшей должного освещения в лингвистической литературе.

Избыточность и недостаточность – не синкретичная сумма в линейном развитии, а сложная когерентность иерархически организованных констант вербальной коммуникации.

В заключение следует подчеркнуть, что предшествовавшие исследования избыточности и недостаточности в одноязычии и двуязычии отметили некоторые их принципиально значимые свойства и указали на эндоморфизм их форм в двуязычии, но не дали ответов на все вопросы, связанные с сущностью, функциями и переводом этих феноменов. Предлагаемые автором межсистемный анализ, иерархическое понимание и комплексный подход позволяют выявить их сигнификативные и дистинктивные свойства, сложную многоярусную и многоаспектную структуру феноменов вербальных избыточности и недостаточности, а также (в дальнейшем) способствовать их адекватному переводу в условиях двуязычия.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Булгаков М. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы. – Мн.: Юнацтва, 1988.
3. Венедиктова Ю.Е. СМС-сообщения: опыт типологического исследования: (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011.
4. Геллен А. Философия избыточности? – [Электронный ресурс]: <http://www.krugosvet.ru/articles/108/1010845/1010845a1.htm>
5. Грудева Е.В. Избыточность текста, редукция и эллипсис (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2008.
6. Давыдова М.М. Прагматические характеристики эллипсисов (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2012.
7. Дмитриева И.В. Виды синтаксической имплицитной информации в различных функциональных стилях английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1990.
8. Дюбуа Ж. Общая риторика / пер. с фр. – 2-е изд. – М.: URSS, 2006.
9. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1958.
10. Жданова Г.С. Словарь терминов по информатике на русском и английском языках / под ред. д-ра техн. наук, проф. А. И. Михайлова. – М.: Наука, 1971.
11. Иванов Л. Плеоназм. – [Электронный ресурс]: <http://www.krugosvet.ru/articles/85/1008591/1008591a1>.
12. Илюхин В.М. Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-русской и русско-английской комбинации переводов): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001.
13. Касевич В.Б. Теория коммуникации и теория языка // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. – СПб., 2001. – С. 70 – 75.
14. Комарова С.С. Семантическая компрессия в прагматике высказывания: на материале немецкоязычной прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2005.
15. Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика – теория самоорганизации: идеи, методы, перспективы. – М.: Знание, 1983.

16. Лисник М.В. Лингвистические признаки речевой компрессии в ситуации искусственного билингвизма (русско-французский языковой контакт): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2005.
17. Литвин С.И. Компрессия художественного текста в двуязычной ситуации (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003.
18. Маракушина Г. В. Роль компрессии в лексической номинации (на материале английского, немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.
19. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
20. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). – М.: Флинта: Наука, 2009.
21. Нелюбин Л.Л. Перевод и прикладная лингвистика. – М.: Высш. шк., 1983.
22. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003.
23. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1960.
24. Пиотровский Р.Г. Инженерная лингвистика и теория языка. – Л.: Наука, 1979.
25. Почепцов Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001.
26. Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. – М.: Худож. лит., 1985.
27. Реунова О. И. Эллипсис как лингвистическое явление: моногр. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2000.
28. Сироткина Е.С. Русскоязычная смс-коммуникация как объект лингвистического анализа: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2012.
29. Сухова Е.А. Эволюция видов лексической компрессии в истории функциональных стилей французского языка (на материале языка прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003.
30. Филиппова И.Н. Перспективы холизма в переводе избыточности и недостаточности // Отечественная и зарубежная литература в контексте изучения проблем языкознания. Книга 8. Монография. – Краснодар, 2012. – С. 26 – 41.
31. Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия. – М.: Ин-т компьютерных исследований, 2002.
32. Яглом А.М., Яглом И.М. Вероятность и информации. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1973.
33. Яковишена Н.Ю. Компресія номінативних одиниць у науково-технічному тексті у когнітивному і функціональному аспектах: дис. ... канд. филол. наук. – Днепропетровск, 2007.
34. Ястреб О.Ю. Компрессия информации в некоторых текстах делового общения: на примере текстов предложения вакантной должности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2006.
35. <http://www.lotpp.ru/news/obshchestva/4790/>
36. <http://nsportal.ru/ap/nauchno-tehnicheskoe-tvorchestvo/library/issledovatel'skaya-rabota-sms-soobshcheniya-kak-novoe-ya>
37. <http://www.rg.ru/2013/07/09/reforma-site.html>

Типы каламбура в публичной речи

В статье описательно представлена когнитивная модель формирования каламбура, основанная на метафоризации как ментальном механизме и связанная с категорией эмотивности. На основе анализа проявлений эмоциональных состояний предлагается авторская типология каламбуров, функционирующих в публичной речи.

In the article the author describe the cognitive model of pun forming, which is based on the process of metaphorization as the mental mechanism of the linguistic phenomenon, connected with the category of emotional breadth. On the basis of emotional conditions the author offers her own typology of pun functioning in public speech.

Ключевые слова: каламбур, публичная речь, метафоризация, эмотивность, когнитивная модель, образ, лингвосемиотика.

Key words: pun, public speech, metaphorization, emotional breadth, cognitive model, image, linguosemiotics.

Использование каламбура в речи может быть вызвано различными внутренними причинами. Юмор во фразе может скрывать истинную коммуникативную цель говорящего, создавая многозначность понимания для слушающего. Каламбур выполняет различные функции, что делает его неоднозначным для понимания адресата и не даёт ему повода категорично обвинить говорящего, например, в агрессии. Таким образом, юмористические высказывания оказываются компромиссным вариантом как для установления дружеских отношений, так и для маскировки более агрессивного суждения [6, с. 176]. Например: Пока на швейцарского Мюллера украинского Штирлица не находится (К. Выборнов. ЧМ-2006: Украина – Швейцария).

Рассмотрим когнитивную модель формирования каламбура. Прежде всего, говорящий принимает решение о цели коммуникации в общем: какое впечатление он хочет произвести на адресата, чего хочет достичь. Далее необходимо решить вопрос об уместности юмора в данной конкретной ситуации. Имеется масса факторов, влияющих на выбор стратегии каламбура и на тип остроты. Это могут быть различные внутренние факторы, например, личностные характеристики, отношение к адресату, текущее эмоциональное состояние, планы говорящего и т. д. [8, с. 186]. После того, как определены благоприятные условия для формирования каламбура, языковая личность начинает процесс метафоризации. Мы согласны с мнением О.С. Зубковой о том, что «с позиции лингвосемиотической теории, метафоризация – динамично-конструктивный когнитивный процесс, являющийся частью языкового/речевого механизма человека» [3, с. 324].

Подобный процесс формирования отвлеченного понятия с точки зрения лексики и семантики описывал А.Р. Лурия как процесс реализации содержательного обобщения на основе сопоставительного анализа нового объекта с уже известными и привычными объектами, имеющими название [7, с. 102]. Однако нас в большей степени интересует метафоризация с позиции лингвосомиотики. «Как процесс активного конструирования метафоризация активизирует уже имеющееся знание о мире, сопоставляя «готовые» значения при расшифровывании культурного кода и вызываемые ими ассоциативные представления, а также кажущиеся несовместимыми на первый взгляд внеязыковые сущности» [3, с. 325], что в полной мере справедливо и для каламбура. Например, Dead Хасан («Воскресное Время», Первый канал эфир от 20.01.13), Осада Асада (эфир от 17.03.2013), Авось зла (эфир от 24.03.2013).

Более того, мы разделяем точку зрения О.С. Зубковой о том, что «каламбур, так же как и метафора, включает в себя совокупность перцептивно воспринимаемых, объективных свойств предмета/явления при учете субъективной установки на метафоризацию действительности. В нашем понимании метафоризация как часть языковой системы объединяет её теоретическую канву с «жизненным миром» (термин Э. Гуссерля), что позволяет осветить пространство, в котором формируется мировоззренческое значение. В результате метафоризации реальный объект/предмет окружающей действительности существует в качестве ментальной целостности и формирует у синтезирующего мир индивида симультанный подвижный образ, который является ядром конструируемого каламбура» [3, с. 325]. Таким образом, мы считаем, что метафоризация – это когнитивный механизм формирования каламбура, который неразрывно связан с категорией эмотивности.

Само понятие эмотивности в современной лингвистике используется как синоним оценочности. В одной из работ специалист по эмоциям В.И. Шаховский отмечает: «Эмотивный – то же, что и эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике. Эмотивный – имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики» [9, с. 24]. Другими словами, любое высказывание может быть эмоционально окрашено в зависимости от психологического состояния говорящего. Например, От грека подальше («Воскресное время», Первый канал, эфир от 30.12.2012), Все хОК'кей (эфир от 30.12.2012).

Нельзя не согласиться с мнением В.И. Шаховского, который считает, что эмотивная функция языковых единиц определена способностью говорящего осмыслить и словесно выразить эмоции, то есть осуществить выбор конкретной языковой единицы, содержащей эмоциональную информацию [9]. Мы считаем, что вопрос выбора такой единицы связан с тем, насколько велика доля когнитивного, рационального в процессе формирования эмоционального высказывания. Еще А. Шлейхер утверждал:

«Чувства, восприятия, волеизъявления язык прямо не выражает: язык – не непосредственное выражение чувства и воли, но только мысли. Если необходимо через посредство языка выразить чувства и волю, то это возможно делать только опосредованным путем, и именно в форме мысли» [10, с. 92]. То есть адекватное восприятие психологического состояния говорящего адресатом возможно лишь тогда, когда оно выражено опосредованно.

Эмотивность каламбура, как и любого знака, имеет две стороны: план выражения и план содержания. Эмотивное содержание распределяется по всему высказыванию: с одной стороны, она в виде эмотемы входит в когнитивное содержание каламбура (словосочетания или предложения), с другой, – составляет эмотивную часть прагматических стратегий говорящего. В плане выражения эмотивность представлена в высказывании языковыми и графическими маркерами эмоций, мотивированных эмотивным содержанием [5, с. 8].

«Образ каламбура создается посредством сопряжения означающего и означаемого в индивидуальном семиотическом континууме, в результате чего в лингвистическом поле совершается акт метафорического именованя конкретного объекта и его последующая объективация в языке» [3, с. 327]. Само понятие каламбур мы определяем как языковой феномен, основанный, например, на явлении омонимии/полисемии, целью которого является достижение юмористического эффекта. Исходя из главной функции каламбура – достижение юмористического эффекта – мы приходим к выводу, что каждый каламбур имеет эмоциональную окраску. Та или иная эмоция обуславливается сферой функционирования данного языкового явления. «Все многообразие значений, функций и смысловых нюансов слова сосредоточивается и объединяется в его стилистической характеристике», – писал академик В.В. Виноградов. При стилистической характеристике высказывания учитывается, во-первых, его принадлежность к одному из функциональных стилей или отсутствие функционально-стилевой закреплённости, во-вторых, эмоциональная коннотация частей выражения, их экспрессивные возможности [1]. Например, Футбольное Евангелие от Луки (Лука Тони – футболист сборной Италии; здесь и далее примечания наши. – М.У.) (К. Выборнов. Евро-2008: Италия – Румыния).

Сферу нашего научного интереса представляет каламбур в публичной речи. Здесь важными становятся понятия коммуникативный эффект, коммуникативное намерение, коммуникативная стратегия, регулятивность, трактуемая как организация познавательной деятельности адресата средствами высказываний. Творческая активность зрителя стимулируется особыми сигналами, преобразующимися в соответствующие психологические импульсы, способные вызвать «эстетическое настроение» [2, с. 36]. Например: Змея пленительного счастья («Воскресные новости», Первый канал, эфир от 10.02.2013). Таким образом, мы можем утверждать, что каламбур в публичной речи имеет яркую эмоциональную коннотацию.

Каламбур как явление, производящее юмористический эффект, был объектом изучения многих ученых. Юмор и смех рассматривался с разных сторон, однако, в данной статье нас будут интересовать причины механизмов юмора, причины создания каламбура на основе эмоциональных состояний. «Одним из интересных эффектов является отмечаемая многими исследователями многозначность каламбуров. Речь идёт как о множественности значений, которые совмещены в каламбуре, так и о множественности функций каламбура в коммуникации» [6, с. 160]. «Если каламбур направлен на что-либо, не заслуживающее осмеяния, он неуместен, имея оскорбительный характер, <...> каламбур сам по себе не может быть ни нравственным, ни безнравственным: все зависит от способа его употребления, от того, на что он направлен» [8, с. 97].

Проанализировав каламбуры, функционирующие в публичной речи, мы предлагаем условно разделить их на три группы.

1. Эмоционально отрицательные (ирония, гнев, отвращение, страх и т.д.). Например, ТяЖКХое бремя («Воскресные новости», Первый канал, эфир от 3.03.2013).

2. Эмоционально положительные (интерес, удовольствие, радость и т.д.). Например: Такая полуптичья команда у Украины. Гусев, Гусин, Воробей, Воронин. Но они доказали, что не на птичьих правах в Германии. (К. Выборнов. ЧМ-2006: Украина – Швейцария 26.06.2006)

3. Каламбуры, использующиеся для снятия напряжения. Например: Если речь идет не о магазине, а о футбольном поле, то здесь одного Франка иногда бывает достаточно (речь о Франке Рибери. – М. У.) (К. Выборнов. Евро-2008: Румыния – Франция).

Как известно, публичная речь – это речь публичных выступлений, следовательно, все сказанное на публике, ориентировано на большую аудиторию. Здесь не может быть высказываний, не выполняющих манипулирующую функцию.

Рассмотрим первую группу каламбуров. Нам кажется, что к эмоционально отрицательным каламбурам можно отнести такие случаи, когда ведущей эмоцией высказывания выступает ирония, гнев, отвращение, страдание и т.д. Также сюда можно отнести любые сатирические высказывания. Каламбуры в данной группе высмеивают отрицательные стороны и пороки того или иного предмета, человека, состояния и т.д. В качестве примера приведем название рубрики «Воскресных новостей» на Первом канале: И снег, и грех (эфир от 2.12.12). В сюжете с таким названием высмеивается неспособность специальных служб и снегоуборочной техники справиться с расчисткой дороги во время снегопада, будто никто и не предполагал, что зимой выпадет снег. Мы считаем, что данное высказывание иронично, и название рубрики указывает на недостаток властей и, скорее всего, послужит для его устранения.

Другой пример приведем из устной публичной речи: Западная жизнь стала для нас западней (из монолога Задорнова). В данном высказывании,

на наш взгляд, присутствует разочарование. Юморист считает, что нацеленность нашего государства на развитие по примеру Запада не приносит нам ничего, кроме расстройств. Опять же данный недостаток необходимо устранить, поэтому автор и заявляет о нем со сцены в комической форме.

Больше примеров каламбуров с наиболее яркой эмоциональной окраской можно услышать в телетрансляциях спортивных соревнований, например, футбольных матчах, где эмоциональное напряжение настолько велико, что практически вся лексика приобретает тот или иной эмоциональный оттенок. Например, Плетикоса, Плетикоса, сиди дома, плети косы (Стипе Плетикоса – вратарь ФК «Спартак». – М.У.) (Р. Рабаданов: Спартак – ЦСКА). В данном высказывании также присутствует эмоция разочарования, так как вратарь московского Спартака пропустил пять мячей в данном матче. Комментатор считает, что после такой игры ему лучше не выходить на поле, а сидеть дома и заниматься своими делами.

Таким образом, каламбуры с отрицательной эмоциональной коннотацией нацелены на высмеивание какого-либо недостатка с целью его устранения в будущем. Употребление их в публичной речи направлено на общество в целом или какую-либо отдельную социальную группу, а также власть и носит довольно серьезный социально-политический характер.

Группу следующих каламбуров составляют эмоционально положительные высказывания. Считаем, что к этой группе можно отнести каламбуры, имеющие положительную эмоциональную коннотацию. Ведущими эмоциями здесь будут радость, воодушевление, удовольствие, интерес и т.д. В данном случае речь идет не о высмеивании, а о доставлении истинного удовольствия и радости от шутки. Такие каламбуры, как правило, вызывают искреннюю улыбку и смех. Примером в рассматриваемой группе будет название рубрики «Наш "Голос"» («Воскресные новости», Первый канал, эфир от 24.02.2013). В сюжете говорится о том, что на международном конкурсе песни «Евровидение» нашу страну будет представлять победительница проекта «Голос» Дина Гарипова. Певица обладает превосходным голосом, и в сюжете явно чувствуется гордость за то, что в нашей стране есть такие таланты. Данное высказывание наполнено удовольствием и радостью от того, что это НАШ «голос». Из устной публичной речи можем привести следующий пример: Апача! Какая подача опасная! (И. Казаков: Спартак – Кр. Советов). Данный каламбур получился за счет соединения частей разных слов. Комментатор собирался сказать: «Опасно! Какая подача!» – однако, оговорился, вследствие напряженности момента, и получился каламбур. В данном высказывании присутствует воодушевление. Все зрители и И. Казаков с волнением следили за моментом у ворот, и комментатор ошибся, благодаря чему и получился рассматриваемый пример каламбура. Можно предположить, что у аудитории, следившей за матчем, данное высказывание вызвало искреннюю улыбку и веселье, а также подняло настроение. Вместе с тем, очевидно, что, «создание значения ограничивается диапазоном дискурсивных ресурсов, доступ-

ных индивиду на основании его когнитивного перцептивно-аффективного опыта» [4]. Это предположение О.С. Зубковой значимо для понимания конструируемой нами модели каламбура.

Еще один пример из устной речи: Любишь кататься – полезай в кузов (Шутки Фоменко, Русское радио). Данный каламбур образован с помощью соединения двух половиц: Любишь кататься, люби и саночки возить – Назвался груздем, полезай в кузов. Обе поговорки в оригинальном виде выполняют поучительную функцию, однако, в образовавшемся варианте на первый план выходит функция развлечения.

Таким образом, эмоционально положительные каламбуры призваны настроить аудиторию на положительный лад, что способствует благосклонному отношению к говорящему.

Следующую группу каламбуров, на наш взгляд, составляют такие каламбуры, которые призваны снять напряжение. Очень часто рассматриваемое нами языковое явление функционирует в ситуациях эмоционального напряжения, особенно в публичной речи. Наиболее яркими примерами в данном случае будут спортивные соревнования. Так, в одном из матчей Чемпионата Европы 2008 года К. Выборнов употребил следующее высказывание: Если речь идет не о магазине, а о футбольном поле, то здесь одного Франка иногда бывает достаточно (речь о Франке Рибери. – М.У.) (К. Выборнов. Евро-2008: Румыния-Франция). В напряженной ситуации комментатор решает добавить информацию, не относящуюся к происходящему на футбольном поле. Делает он это для того, чтобы разрядить атмосферу, отвлечь зрителей от опасных событий.

Рассмотрим следующий пример: Воробей – не слово! Выстрелит – не поймашь (речь об Андрее Воробье. – М. У.) (К. Выборнов. ЧМ-2006: Украина-Швейцария). Данное высказывание комментатор употребляет после очередного опасного момента у ворот сборной Швейцарии. И комментатор, и зрители находятся в состоянии эмоционального напряжения, поэтому К. Выборнов принимает решение употребить приведенное выше высказывание, чтобы разрядить обстановку и развлечь аудиторию.

Примером из письменной публичной речи может послужить следующий каламбур: МногоСИРИЙный триллер («Воскресные новости», Первый канал, эфир от 10.02.2013). В сюжете, названном таким образом, речь идет о напряженной ситуации в Сирии. С одной стороны, само слово триллер, а также факт войны вызывают резко отрицательное эмоциональное отношение к названию. Однако, с другой стороны, все выражение вместе производит юмористический эффект, способствующий абстрагированию от ситуации военных действий, снимает напряжение и вызывает мысли о кино, где все происходит не по-настоящему.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что юмор обеспечивает механизмы выхода подавленной энергии и напряжения, которые проявляются в виде смеха и удовольствия. «Поверхностные» механизмы организации юмористического текста (использование многозначности и механизмы

смещения значений) сложно взаимодействуют с механизмами эмоционального восприятия юмористического высказывания и, в целом, с механизмами эмоционального взаимодействия [6, с. 162].

В итоге, можно предположить, что каламбуры в речи могут оказывать различное влияние на адресата: заставлять его смеяться и вызывать состояние эйфории, заставлять устанавливать связи между разнородными ситуациями, провоцировать негативную оценку событий и т. д. [6, с. 162]. К тому же каламбур обязательно создает какой-либо образ. Собственно, образ и есть знак, который функционирует в публичной речи. С точки зрения лингвосомиотического подхода, мы считаем, что публичная речь представляет собой особую среду, в которой конструируются смысловые структуры, модели распознавания значений и текстов широкой аудиторией. Иными словами, публичная речь является коммуникационной средой, основанной на знаковых системах. Таким образом, знаковый репертуар будет определяться и ограничиваться сферой употребления каламбуров, а также, в зависимости от развития конкретной ситуации, приобретать эмоциональную коннотацию.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высш. шк., 1986.
2. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 146 – 162.
3. Зубкова О.С. Сущностный аспект взаимосвязи метафоризации и образности в каламбуре // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Управление образования и науки Тамбовской области, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – Вып. XIV: Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: мат-лы Всеросс. науч. конф. 11 – 12 апреля 2013 года / отв. ред. Л. А. Фурс, 2013. – С. 324 – 329.
4. Зубкова О.С. Специфика объективации означивающих практик в рамках интегрированного лингвосомиотического пространства // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал. – Курск. – 2013. – № 1(13). – [Электронный ресурс]: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/013-005.pdf>
5. Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2006.
6. Котов А.А. Угадывание эмоциональных состояний за семантическими смещениями // Скрытые смыслы в языке и коммуникации. – М.: РГГУ, 2007. – С. 157 – 192.
7. Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е. Н. Хомской. – Ростов н/Д: Феникс, 1998.
8. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М.: Лабиринт, 2002.
9. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – М.: ЛКИ, 2008.
10. Шлейхер А. Немецкий язык (извлечения) // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд., доп. – М., 1960. Ч. 1. – С. 110 – 116.

Аргументация как речевое действие в судебном дискурсе

В статье предпринята попытка представить судебный дискурс в виде аргументативного процесса. Автор описывает судебный дискурс как дискурс аргументативного типа, состоящий из последовательности аргументативных фреймов, несущим каркасом которых являются синтаксические структуры.

In this work attempt to present a judicial discourse in the form of argumentativny process is made. From the point of view of the author, the judicial discourse represents the discourse of argumentativny type consisting of sequence of argumentativny frames which bearing framework are syntactic structures.

Ключевые слова: судебный дискурс, аргументативный процесс, аргументация, тезис, убеждение, доказательство, аргументативный фрейм.

Key words: judicial discourse, argumentativny process, argument, thesis, belief, proof, argumentativny frame.

Для анализа возможности представления судебного дискурса в виде аргументативного процесса рассмотрим имеющиеся определения этого понятия. «Аргументативный процесс представляет собой сложную и многогранную интеллектуальную деятельность, которую невозможно охарактеризовать и определить однозначно» [1, с. 13]. При всем многообразии подходов к исследованию аргументации специалисты признают ее коммуникативную направленность. При этом коммуникация понимается как «процесс взаимодействия двух или более языковых личностей с целью передачи/получения/обмена информацией, т.е. того или иного воздействия на собеседника» [9, с. 174].

В «Логическом словаре-справочнике» Н.И. Кондакова приводится следующее определение аргументации: «Аргументация – приведение логических доводов для обоснования какого-либо положения; логический процесс» [8, с. 49]. Г.А. Брутян понимает аргументацию как «способ рассуждения, в процессе которого выдвигается некоторое положение в качестве доказываемого тезиса, рассматриваются доводы в пользу его истинности и возможные противоположные доводы, дается оценка оснований и тезису доказательства, равно как основаниям и тезису опровержения, опровергается антитезис, т.е. тезис оппонента, доказывается тезис, создается убеждение в истинности тезиса и ложности антитезиса как у самого доказывающего, так и у оппонентов, обосновывается целесообразность принятия тезиса с целью выработки активной жизненной позиции и

реализации определенных программ действий, вытекающих из доказываемого положения» [3, с. 82].

Г.И. Рузавин определяет ее как «процесс рассуждения», включающий не только «выдвижение рассуждений, которые могут выступать в форме тезисов, заявлений, предположений, гипотез или решений», «доводы или аргументы, которые обосновывают утверждения», но и «согласие или несогласие аудитории с выдвигаемыми утверждениями и аргументами» [11, с. 16-17].

Ивин А.А. трактует аргументацию с позиций рассмотрения человека как субъекта речевой деятельности: «Аргументация представляет собой речевое действие, включающее систему утверждений, предназначенных для оправдания или утверждения какого-либо мнения» [5, с. 40].

Исходя из данных определений, приходим к мнению, что процесс аргументации – это интеллектуальная деятельность по обмену мнениями, способ рассуждения с целью доказывания своей позиции. Применительно к юридическому (судебному) дискурсу это еще и убеждение оппонентов в своей правоте.

Действительно, судебная речь, как основной способ коммуникации в суде, произносится в судебном заседании и представляет собой изложение выводов оратора по данному делу и его возражения другим ораторам (речь прокурора, речь адвоката, речь подсудимого в свою защиту, речь потерпевшего, реплика как особый вид судебной речи).

Попробуем проанализировать явление аргументации в судебном дискурсе. В своих рассуждениях будем исходить из того, что монолог и диалог (полилог) – основные разновидности речи в судебном дискурсе, различающиеся по количеству участников акта общения [12].

Монолог в основном рассматривают как развёрнутое высказывание одного лица, процесс сознательного обращения к слушателю, характерное для устной научной, судебной, публичной речи, которое продумывают и готовят заранее. Монологическая речь сложнее диалога по содержанию и языковому оформлению, поэтому предполагает достаточно высокий уровень речевого развития говорящего. Цель монолога – достичь необходимого воздействия на слушателей, убедить в чем-либо. Монологическая речь требует от говорящего умения логически, последовательно излагать свои мысли, выражать их ясно и отчетливо, а также умения устанавливать контакт с аудиторией. Для этого говорящий должен следить не только за содержанием своей речи и за ее внешним построением, но и за реакцией слушателей. Исходя из данных определений, аргументация должна присутствовать в монологической речи.

Рассмотрим выступление представителя истца в судебном заседании Верховного суда Соединенных Штатов Америки: “Thank you. I would just like to make about four points. First, my friend discussed the case of Smith v. Digmon. And I think I would like to point this Court to the words that were used in Smith v. Digmon, which is where the state court chooses to ignore in its opin-

ion. And as this Court later said in *Castille* talking about that, that's an implicit rejection». [Спасибо. Мне только хотелось бы отметить 4 пункта. Во-первых мой друг рассмотрел дело Смит против Дигмана. И я думаю, что хотела бы указать на слова этого суда, которые использовались в деле Смит против Дигмана, где государственный суд принимает решение проигнорировать это несущественное отклонение]. «Secondly, I'd just like to like to agree that, yes, California believes that 1089 is Constitutional under the Sixth Amendment». [...Во-вторых, я согласна, что Калифорния полагает, что пункт 1089 конституционен в соответствии с 6 поправкой]. «Third, I would just like to agree with Justice Sotomayor that here, where the trial court made the finding of bias, that answered the Sixth Amendment question». [В-третьих, я бы согласилась с судьей Сотомайор, где суд первой инстанции сделал вывод по шестой поправке]. «... Finally, I'd just like to say that Mr. Chief Justice is correct that this would increase the litigation». [Наконец, я была бы готова сказать, что председатель Верховного суда был прав, но это продлило бы тяжбу] [15].

Данный монолог структурирован («во-первых», «во-вторых», «в-третьих», «наконец»), логичен и последователен (приводятся доводы и мнения говорящего). Суждения высказаны ясно, кратко, отчетливо. Наличие профессиональных юридических терминов говорит о том, что этот монолог произносится в рамках судебного заседания. Автор обосновывает свою позицию. Его речь отвечает требованиям аргументативного дискурса.

Диалогическая речь, психологически более простая и естественная форма речи, возникает при непосредственном общении двух или нескольких собеседников и состоит в основном в обмене репликами (ответ, возражение, замечание на слова собеседника), отличается краткостью, наличием вопросительных и побудительных предложений, синтаксически не развернутых конструкций) [12]. Диалогическая речь, как правило, предъявляет меньше требований к построению связного и развернутого высказывания, чем речь монологическая или письменная; здесь не нужна специальная подготовка. Объясняется это тем, что собеседники находятся в одинаковой ситуации, воспринимают одни и те же факты и явления и поэтому сравнительно легко, иногда с полуслова, понимают друг друга. Для существования диалога, с одной стороны, необходима общая информационная база его участников, а с другой – исходный минимальный разрыв в знаниях участников диалога. Иначе, диалог не будет развиваться. С точки зрения этих определений, аргументация должна присутствовать и в диалоге. Рассмотрим пример диалога в судебном заседании Верховного суда Соединенных Штатов Америки: «Mr. Srinivasan: It ... well, you can look at it that way, Mr. Chief Justice, but I guess my only response. - Justice Scalia: In which case you would lose, not win. - Mr. Srinivasan: Well, that's the question because it depends on. - Justice Scalia: Yes ... we have known existed» [15]. [Г-н Сринивэсан: Хорошо, Вы можете смотреть на это таким образом, г-н председатель Верховного суда, но я предполагаю свой единственный ответ.

Судья Скэлия: В этом деле Вы проиграете, не выиграете. Г-н Сринивэсан: Ну, это – вопрос, потому что он зависит от ... Судья Скэлия: Да, но мы знали примеры...]. Мы видим, что участники диалога владеют темой разговора, понимают друг друга, их реплики кратки, иногда не закончены, они обладают контраргументами. Мы чувствуем определенную подготовку. Ни один вопрос не остается без ответа, никто не отмалчивается. Участникам диалога понятны доводы друг друга, аргументы вполне их устраивают. Диалог также удовлетворяет требованиям аргументативного дискурса.

Речь адвоката и прокурора является с одной стороны монологом, а с другой – диалогом. Монологичность проявляется в доказательности и аргументированности судебных речей, в наличии замысла и цели воздействия на адресата. Диалогичность проявляется в изучении материала с двух точек зрения обвинения и защиты (истца и ответчика). Происходит диалог в судебных прениях, в допросе свидетелей, в общении судьи и подсудимого, судьи и присяжных.

Проанализируем еще одну составляющую судебного дискурса.

Полилог – разговор между несколькими лицами, особая разновидность речи, характеризующаяся чередованием говорящих и слушающих. Количество же говорящих (больше двух) не изменяет этого принципа [12]. Рассмотрим пример полилога в судебном заседании Верховного суда Соединенных Штатов Америки: «Justice Sotomayor: So are you happy with the circuit's suggestion that the specific does govern the general insofar as it will adopt whatever FCRA's limitations are? - Mr. Jacobs: Yes. Justice Sotomayor: Your position is that's perfectly okay. Mr. Jacobs: Yes. And I think that is consistent with this Court's jurisprudence. Chief Justice Roberts: Now, it does seem ...I mean, Justice Breyer's point. It does seem a little ad hoc. In other words, they don't fit quite together...» [15]. [Судья Сотомайор: Таким образом, действительно ли Вы довольны предположением, что частное действительно управляет общим, поскольку принимает ограничения FCRA? ... Г-н Джейкобс: Да. Судья Сотомайор: Ваша позиция бесспорна. Г-н Джейкобс: Да. И я думаю, что это совместимо с позицией этого суда. Председатель Верховного суда Робертс: Теперь, действительно, кажется, ... я имею в виду, пункт судьи Брейера. Действительно немного для данного случая. Другими словами, они не соответствуют вполне друг другу...].

В данном полилоге реплики также подчинены общей теме, они предельно кратки, так как связаны одним контекстом. Участники следят за мыслью друг друга, отвечают конкретно на заданный одним из участников вопрос, приводимые доводы устраивают всех участников. Полилог также отвечает требованиям аргументативного дискурса.

Общие черты диалога – связанность реплик, содержательная и конструктивная, спонтанность и др. ярко проявляются и в полилоге. Однако, формальная и смысловая связь реплик в полилоге более сложна и свободна: она колеблется от активного участия говорящих в общей беседе до безучастности (например, красноречивого молчания) некоторых из них [12]. Полилог, в свою очередь, встречается в судебных прениях, обсуждении

присяжных, перекрестных допросах, беседе судьи и адвокатов, обмене репликами.

Мы видим, что аргументация присутствует во всех трех рассмотренных составляющих судебного дискурса. Действительно, юридический (судебный) дискурс по природе своей имеет аргументативный характер, так как нацелен на обоснование принятого решения. Под правовой аргументацией (legal reasoning) в основном понимается деятельность судей, направленная на обоснование принятого решения [4].

Теория риторической аргументации (применяемая в судебном дискурсе) преимущественно должна рассматриваться как теория убеждения, и в этом она противопоставляется формально логической теории аргументации как теории доказательства [4]. Доказательство рассматривается как обоснование истинности суждения, убеждение – как метод воздействия на оппонента. В теории убеждения процесс аргументации проходит в форме диалогической коммуникации в отличие от доказательства, которое имманентно монологично.

Характерной особенностью любого аргументативного дискурса является наличие спорного вопроса, конфликта; применительно к юридическому дискурсу – это правовой вопрос, который выносится на рассмотрение в суде. Судья принимает решение по делу, выдвигая в его защиту определенный набор аргументов [4]. Предметом аргументации является тезис – утверждение, требующее доказательства. Аргумент представляет собой суждение, необходимое для обоснования тезиса. Основные виды аргументов: факты, законы, аксиомы, определения, документальные свидетельства и т. п.

Различные типы людей обладают различными способами восприятия и мышления, определяющими их индивидуальный «когнитивный стиль». Эти различия в способах познания мира проявляются в интеллектуальной деятельности в том числе в способах постановки вопросов, в моделях объяснения и приемах аргументирования [2; 6].

Вышеперечисленные особенности аргументации в большей степени присущи судебной аргументации, использующей на практике не столько строгую логику, сколько риторику, не только доказательства, но и методы убеждения. Наиболее перспективным, в данных условиях, является анализ аргументации в тексте судебных решений с позиций когнитивной лингвистики, которая позволяет объединить когнитивно- и коммуникативно-дискурсивные аспекты в процессе лингвокогнитивного анализа текста. Данный прием позволяет осуществлять анализ аргументации в тексте с точки зрения языковой структуры фреймов, реализующих функции аргументов в тексте. Основной для данной ситуации диалогический дискурс становится аргументативным фреймом для реализации убеждения [4].

Согласно Перельману [10], различие между риторической аргументацией и формально-логическим доказательством заключается в том, что доказательство беслично, в то время как аргументация лично ориентирована. Вывод в доказательстве является строгим, а в аргументации вероятностным.

Личные местоимения и глаголы личной оценки и отношения, наречия мнения, суждения, оценочные выражения отражают личностное субъективное отношение к истинности высказываемой пропозиции ... [13]. Иллюстрацией этого утверждения могут быть следующие выражения, взятые из судебных решений Верховного суда Соединенных Штатов Америки: *It seems to me ...* [Мне кажется...], *I guess* [Я предполагаю], *I am not sure...* [Я не уверен...], *It is clear, that...* [Ясно, что...], в которых глаголы *seems*, *guess*, *not sure* показывают неуверенность, сомнение автора, наречие *clear* – напротив, уверенность автора в своей позиции [16].

А. Хенкеманс противопоставляет единичную аргументацию сложной на основании количества выводов (в единичной аргументации – один, в сложной – несколько). В составе сложной аргументации исследователь выделяет множественную, сочинительно-составную и подчинительно-составную. Во множественной аргументации каждый довод в отдельности в достаточной мере обосновывает тезис, а в составной – все доводы обосновывают тезис в совокупности [14]. Иллюстрацией единичной аргументации, по-нашему мнению, могут служить следующие предложения, содержащие один вывод: «*I join the Court's opinion because I agree that a search within the meaning of the Fourth Amendment occurs, at a minimum, where, as here, the Government obtains information by physically intruding on a constitutionally protected area*». [Я присоединяюсь к мнению Суда (тезис), потому что я согласен, что поиск в рамках значения Четвертой Поправки происходит, как минимум, везде, где правительство получает информацию, физически нарушая конституционно защищенную область” (аргумент)]; «*Resolution of these difficult questions in this case is unnecessary, however, because the Government's physical intrusion on Jones' Jeep supplies a narrower basis for decision. I therefore join the majority's opinion*». [Разрешение этих сложных вопросов в этом случае является необходимым (тезис 2), однако, потому что физическое вторжение правительства в Джип Джонса составляет более узкое основание для решения (аргумент), я присоединяюсь к мнению большинства (тезис 1)].

Примером множественной аргументации, по-нашему мнению, может служить следующее высказывание, приводящее два довода в пользу утверждения: «*It is clear that the attachment of the GPS device was not itself a search if the device had not functioned or if the officers had not used it, no information would have been obtained*». [Ясно, что установка устройства GPS не была самостоятельным поиском (тезис), если бы устройство не функционировало (аргумент 1) или если бы чиновники не использовали бы его, то никакая информация не была бы получена (аргумент 2).]

Примером составной аргументации, по-нашему мнению, служит следующее высказывание, подкрепленное двумя доводами, которые в совокупности обосновывают конечное утверждение: «*So if the GPS device had been installed before respondent's wife gave him the keys, respondent would have no claim for trespass – and, presumably, no Fourth Amendment claim either*». [Таким образом, если бы устройство GPS было установлено прежде

чем жена ответчика отдала ему ключи (аргумент 1), у ответчика не было бы требования к нарушению границ (аргумент 2), и, по-видимому, никакого требования Четвертой поправки не возникло бы (тезис)] [16].

Таким образом, судебный дискурс представляет собой дискурс аргументативного типа, состоящий из последовательности аргументативных фреймов, несущим каркасом которых являются синтаксические структуры. Причинно-следственное пояснение, лексическими показателями которого служат *therefore, because, so if, would*, является сигналом к разворачиванию аргументативного фрейма.

Список литературы

1. Аксенова Г.Н. Когнитивные стратегии аргументативной речевой деятельности: на материале судебной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2003.
2. Беседина Е.В. Особенности аргументативного дискурса личностей с когнитивным стилем «когнитивная простота» // Современные научные исследования. Электронный научный журнал. – [Электронный ресурс]: <http://sni-vak.ru/статья-вак/culture/особенности-аргументативного-дискурса-личностей-с-когнитивным-стилем-когнитивная-простота>.
3. Брутян Г.А. Аргументация. – Ереван, 1984.
4. Василенко Л.Ю. Лингвокогнитивный анализ аргументации в тексте судебного решения: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011.
5. Ивин А.А. Теория аргументации: учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2000.
6. Калашникова С.В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2007.
7. Кириллов В.И. Логическая структура доказательства и убеждения. – [Электронный ресурс]: http://www.elitarium.ru/2012/04/13/struktura_dokazatelstva_ubezhdenija.html.
8. Кондаков Н.И. Логический словарь. – М.: Наука, 1971.
9. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002.
10. Перельман Х., Олбрехт–Тытека Л. Новая риторика: трактат об аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 165 – 227.
11. Рузавин Г.И. Логика и аргументация: учеб. пособие для вузов. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997.
12. Солганик Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие. – М.: Флинта, Наука, 1997.
13. Biber D. Variation across speech and writing. – Cambridge; New York, USA: Cambridge University Press, 1988.
14. Henkemans A.F. Snoek Analysing complex argumentation: The reconstruction of multiple and coordinatively compound argumentation in a critical discussion. – Amsterdam: Sic Sat, 1997.
15. United States v. James X. Bormes № 11-192 October 2, 2012, Deborah K. Johnson v. Tara Sheneva Williams № 11-465 October 3, 2012, National Federation of Independent Business, ET AL., v. Kathleen Sebelius, secretary of Health and Human Services, Et Al. and Florida, Et Al., v. Department of Health and Human Services, Et Al. №№ 11-393, 11-400 March 28, 2012. – [Электронный ресурс]: www.supremecourt.gov/search
16. The Supreme Court of the United States N 10-1259 January 23, 2012. – [Электронный ресурс]: <http://justia.com>

Гастрономическая метафора в разных типах дискурса

В статье рассматриваются лингвистические и когнитивные особенности метафоры как явления языка, анализируется гастрономическая метафора, а также выявляются сферы ее профессионального употребления и некоторые особенности интерпретации (на примерах английского, итальянского и русского языков).

This article is devoted to the consideration of linguistic and cognitive features of metaphor as a language phenomena, to the definition and analysis of a gastronomical metaphor and also to the identification of spheres of its professional use and some features of interpretation (examples of English, Italian and Russian languages).

Ключевые слова: метафора, гастрономическая метафора, профессиональный дискурс, профессиональная метафора, графический способ экспликации, контекст, интерпретация.

Key words: metaphor, gastronomical metaphor, professional discourse, professional metaphor, graphic way of explication, context, interpretation.

Метафора является одним из важнейших средств образности языка. Рост теоретического интереса к метафоре объясняется ее неизменным присутствием в различных видах текстов. Метафора перестала описываться как сугубо филологическое понятие, так как из поэтической сферы она проникла в область изучения практической речи – в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию. При этом «основными пунктами когнитивного подхода к исследованию метафоры стали положения о ее ментальном характере и познавательном потенциале. Метафора определяется как ментальная операция, как способ познания, категоризации и оценки мира по аналогии» [4]. С когнитивной точки зрения, метафора – семантическое взаимодействие неродственных реалий, связь между которыми интерпретируется индивидом исходя из особенностей его восприятия, ценностных установок, опыта.

Метафора распространена в многочисленных жанрах художественной, повседневной и научной речи. В этой связи все чаще внимание авторов обращено не на эстетическую ценность метафоры, сколько на предоставляемые ею утилитарные преимущества. Метафора становится объектом исследования в различных терминологических системах, в разных видах масс-медиа, в языке рекламы, в наименованиях товаров, продуктов питания, в заголовках газет и журналов, в рекламных логотипах.

Существует, однако, целый ряд функциональных стилей, в которых применение метафоры не является уместным, а порой даже недопустимым. Примером могут служить формулировки законов и военных приказов, ус-

тавы, всевозможные требования и запреты, правила поведения и безопасности, медицинские рекомендации, иными словами все то, что подлежит однозначному пониманию. Метафора не употребляется в различного рода предписаниях, а также в вопросах, требующих однозначной формулировки ответа. Однако, как только центр тяжести переносится на эмоциональное воздействие, запрет на метафору снимается [1].

Употребление метафоры в художественном произведении всегда понималось как явление само собой разумеющееся. Присутствие метафоры в иных видах дискурса дает повод для более глубокого изучения феномена. Одной из важнейших областей приложения метафор является профессиональный дискурс. В профессиональном дискурсе основной функцией метафоры является объяснительная функция. «Нередко метафора является единственным средством, способным прояснить сложную профессиональную ситуацию. Без метафоры происходило бы неоправданное расширение языка, и часто именно этот троп является наиболее компактным способом выражения мысли» [3, с. 112].

В сферу нашего научного интереса входит гастрономическая метафора. Гастрономическая метафора относится к числу профессиональных. Границы ее употребления, на первый взгляд, очерчены кругом семантического поля «Гастрономия». Под гастрономической метафорой мы предлагаем понимать результат образной номинации продуктов питания. При этом подчеркнем, что «в рамках профессионального дискурса метафорическая номинация отражает те фрагменты человеческого опыта или знания, которые включены в профессиональную деятельность <...>. При осмыслении значений профессиональных реалий специалист выбирает наиболее «правильную» с его точки зрения формулировку для передачи связываемого с ними содержания/смысла и наиболее «адекватную» и ёмкую форму, коррелирующую с содержанием, т.е. профессиональную метафору. Этот выбор детерминируется рамками профессионального континуума» [3, с. 47, 50]. Так, например, слово мороженое имеет явный метафорический характер. Это замороженное сладкое кушанье из сливок, молока, сахара и т. д. Основная гастрономическая характеристика мороженого – замороженная консистенция – нашла свое отражение в наименовании продукта питания. Подобный перенос характерен не только для русского языка. В итальянском языке лексема *un gelato* (мороженое) имеет корень *gelo* – мороз, в английском языке *an ice-cream* (мороженое), где *ice* – лед.

Метафора может быть представлена не только лексемой, но графически в виде изображения. По мнению О. С. Зубковой, «подобный способ метафорической экспликации профессиональных знаний относится к семиотическим ресурсам, которые облегчают понимание, освобождая специалистов от необходимости прибегать к обстоятельным дескриптивным экспликациям подразумеваемого смысла» [2]. Данный прием нашел свое применение в языке рекламы. Изображение красиво оформленной порции мороженого в меню джелатерии будет являться более эффективной моти-

вацией к покупке, нежели просто надпись, сообщающая лишь о наличии продукта в ассортименте, но не демонстрирующая его гастрономической привлекательности (см. рис. 1).

Рис. 1

При более детальном изучении природы феномена гастрономической метафоры мы пришли к выводу о том, что сфера ее употребления выходит за пределы семантического поля «Гастрономия». Например, термин «мороженое» встречается в сленге программистов и обозначает фристайл проект, отложенный на определенный срок: «Вот у меня тоже мороженого полно на компе. После сессии доделаю» [6]. Очевидно, что в данном примере слово мороженое не имеет никакого отношения к продуктам питания. Подобные примеры характерны и для далекой от гастрономии сферы человеческой анатомии. Например, глазное яблоко – метафоричность термина объясняется общностью формы фрукта и зрительного органа. В итальянском языке термин для обозначения глазного яблока интерпретируется иначе – *un globo oculare*, где *globo* – шар, шаровидное тело. Тема яблока может быть продолжена анатомическим термином адамово яблоко (или кадык) – выступ гортани, часть щитовидного хряща. Название адамово яблоко связано с Библейским преданием о том, как Адам вкусил запретный плод с дерева познания добра и зла. Подразумевается, что плод застрял у Адама в горле. Поэтому иногда упоминается как символ греха. В итальянском языке кадык – *roto d'Adamo*, где *roto* – яблоко (устар.).

Следующий пример – луковица волоса – «расширение конечной части корня волоса, состоящее из эпителиальных клеток, способных к размножению, за счет которых происходит рост волоса» [5]. Луковица волоса и луковица растения (напр., репчатого лука) схожи и по своей форме, по характеру роста и даже по своим функциям. В итальянском языке эквивалентом термина «луковица волоса» является выражение *un bulbo del capello*, где *bulbo* – утолщение.

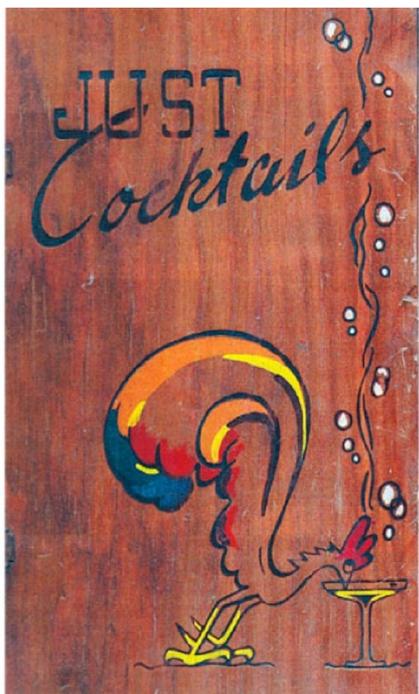

Рис. 2

Вместе с тем, очевидным является процесс обратного взаимодействия полей «Гастрономия» и «Анатомия». Так, и в русском, и в итальянском языке названия макаронных изделий очень часто перекликаются с названиями частей тела человека, на которые они похожи по форме, например: *orecchiette* – «ушки», *capellini* – «тонкие волоски» и т. д. Большое количество примеров связано с метафорическим сравнением гастрономических объектов с пальцами человека: это и виноград «Дамские пальчики», и пальчики (трубочки) из свинины, и печенье «Пальчики», и многое другое.

Язык – многоуровневая система, уровни этой системы не являются изолированными, они взаимодействуют и обогащаются благодаря друг другу. Обнаруживается контекстуальная десемантизация, метафоризация и конечная ресемантизация лексических единиц в сфере гастрономической номинации.

Многочисленные примеры ресемантизации мы наблюдаем и в других профессиональных пространствах, имеющих свой репертуар метафор. Несвойственный контекст способен придать гастрономическому термину совершенно новые оттенки значения. Так, например, название блюда, употребленное в негастрономическом контексте, как правило, обладает новой семантикой. Например, в выражении «У него сейчас в голове настоящий винегрет» лексема винегрет, учитывая контекст, не имеет гастрономической семантики, однако, метафорически репрезентирует смятение и беспорядок в мыслях объекта высказывания. В итальянском языке одним из синонимов слова *una confusione* – путаница, беспорядок является слово *insalata*, основное значение которого – салат, переносное – беспорядок.

Рассмотрим следующий пример. Слово коктейль в гастрономическом контексте означает смешанный напиток из двух и более ингредиентов. По одной из версий, этимология слова восходит к английскому *cocktail* и переводится не иначе как «петушинный хвост». Почему смеси напитков дали название «петушинный хвост», не вполне ясно, может быть потому, что выпив алкогольный напиток, человек становится таким же задиристым, как и эта птица с красивым хвостом (см. рис. 2). По другим версиям, основная причина сравнения напитка с хвостом – яркость и неоднородность. Стоит отметить, что слово коктейль нашло свое применение и за пределами барной терминологии. Коктейлем в русском языке принято называть любое смешение ингредиентов, не обязательно гастрономического плана: музыкальный коктейль, словесный коктейль, цветовой коктейль и т.д.

Таким образом, метафора способна образно представить профессиональное знание с огромным количеством коннотаций. При смене контекстуального сопровождения гастрономическим терминам приписываются новые значения. В то же время наблюдается процесс взаимной интеграции. Профессиональный дискурс не является гомогенным, происходит непрерывный терминологический обмен и взаимообогащение его уровней, которые, взаимодействуя между собой, обретают новые единицы при помощи процесса метафоризации.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5 – 32. – [Электронный ресурс]: <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm>
2. Зубкова О.С. Терминологическая специализация метафоры-энграммы как феномена лингвосемиотического пространства профессиональной метафоры // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал. – Курск, 2011. – № 2 (10). – [Электронный ресурс]: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/010-004.pdf>
3. Зубкова О.С. Метафора в профессиональной семиотике. – Курск, 2011.
4. Романова Т.В. Когнитивный аспект речи метафор В. В. Познера. Электронный научный журнал МГУ «Медиаскоп». – 2011. – Вып. 1. – [Электронный ресурс]: <http://mediascope.ru/node/766>
5. Словарь медицинских терминов. – [Электронный ресурс]: http://lib.ru/NTL/MED/slowar_1-r.txt
6. Словарь современной лексики. – [Электронный ресурс]: <http://www.slovonovo.ru/term>

Коммуникативные стратегии как способ манипулятивного речевого воздействия в английском деловом дискурсе

В статье анализируются стратегии скрытого речевого воздействия (манипулятивные стратегии). Автор рассматривает характерные для английского делового дискурса стратегии по наличию объекта манипуляции (дискредитация, драматизация, нормализация, персонализация, фрагментация, манипуляция стереотипами, doublespeak).

The article deals with strategies of covert verbal impact (manipulative strategies). Proceeding from the criterion of object of manipulation the author considers some strategies typical of English business discourse (discrediting, dramatization, normalization, personalization, fragmentation, stereotypes manipulation, doublespeak).

Ключевые слова: английский деловой дискурс, коммуникативные/речевые стратегии, коммуникативные/речевые тактики, манипуляция, речевое воздействие, скрытые интенции, коммуникативное/речевое поведение.

Key words: English business discourse, communicative/conversational strategies, communicative/conversational tactics, manipulation, verbal impact, covert intentions, communicative/verbal behavior.

Язык профессии стоит в ряду актуальных объектов исследования лингвистики. При этом особенно пристальное внимание уделяется вопросам речевого воздействия [8; 10; 12], поскольку с проблемой эффективной реализации профессиональных задач при помощи языковых средств ежедневно сталкивается любой деловой человек; причем английский как язык международного общения играет не последнюю роль в гармонизации (либо ее отсутствии) межнационального и межличностного взаимодействия в мире.

Одной из распространенных разновидностей речевого воздействия является манипулирование – скрытое воздействие, вынуждающее собеседника как-то реагировать, но неосознанно или вопреки собственному мнению. Главными признаками манипуляции считаются психическое влияние, его скрытость и применение особых приемов и знаний. Речевым называют манипулирование, целенаправленно применяющее различные особенности устройства и употребления языка (П.Б. Паршин). На основе этих приемов выстраиваются различные речевые стратегии и тактики.

Научные подходы к сущности речевого воздействия различаются по трактовке этого явления как однонаправленного либо взаимонаправленного действия, при котором происходит обоюдное изменение «моделей мира» собеседников (или корреспондентов) [6, с. 22]; согласно второй точке зрения, прежде чем убедить кого-либо, говорящий обосновывает свою собственную позицию, то есть присутствует самоубеждение.

Предпосылки речевого воздействия заключаются прежде всего в коммуникативной природе языка [1]. Ограниченность средств языка в выражении неограниченного творчества мысли создает почву для появления двусмысленности, импликаций, многозначности. Другими предпосылками признаются стереотипизация сознания, имплицитность коммуникативного кодекса, знаковое устройство языка (способствующее экономии речевых усилий) и вариативная интерпретация действительности.

Замаскированная эксплуатация этих факторов коммуникации при желании служит мощным инструментом манипулятивного речевого воздействия. В основе манипулирования лежит отношение к собеседнику как средству достижения целей; а их характер и направленность представляют особую проблему для лингвистов. Опираясь на данный критерий, Е.И. Доценко разрабатывает типологию человеческих взаимоотношений с позиций воздействия. Выделяются доминирование, манипулирование, соперничество, партнерство, содружество. Отношения выстраиваются по шкале «собеседник как равный/собеседник как инструмент» [4].

Рамки статьи не предполагают описания всех манипулятивных стратегий, тем более что их количество не является фиксированным. Однако обзор хотя бы основных стратегий воздействия показывает их чрезвычайную значимость для понимания многих социально-экономических, политических, культурных процессов в современном обществе. Поэтому в данной статье мы ставим задачу взглянуть на это коммуникативное явление в контексте его конструктивной/деструктивной роли в формировании прагматики и семантики английского делового дискурса.

Разные классификации отражают специфику подхода разных авторов. Так, по средствам воздействия и характеру процессов, происходящих в сознании личности, выделяются манипуляция образами, конвенциональная манипуляция (социальные сценарии, правила, нормы), операционально-предметная манипуляция (способы поведения, структура деятельности), манипуляция умозаключением (когнитивными схемами, познавательными процессами), эксплуатация личности (мотивация, имитация процесса принятия решения) и манипуляция духовностью (переоценка ценностей, имитация поиска смысла) [4].

По сферам влияния на сознание человека выделяются обращение к эмоциям, социальным установкам, представлениям о мире. По мнению некоторых ученых, такие составляющие, как образ действительности, структура ценностей и стереотипные рецепты деятельности, являются первоочередными объектами изменения в манипулятивном дискурсе [5; 7].

По критерию «объект манипуляции» выделяют целый ряд коммуникативных стратегий, которые, по нашим наблюдениям, весьма характерны для английского делового дискурса: манипулирование репутацией (черный пиар/ дискредитация), манипулятивное акцентирование (драматизация, нормализация, персонализация, фрагментация), манипулирование стереотипами (или схемами упрощенного поведения), манипулирование имплицитными смыслами (doublespeak).

Немецкий специалист по деловому общению К. Бредемайер видит манипуляцию скорее как искусное владение приемами словесной атаки и защиты посредством удачных и остроумных высказываний, нередко нарушающих ход мыслей собеседника. Такой вид манипуляций он называет черная риторика, используя слово черный в значении «скрытый, тайный, покрытый мраком». По замыслу автора, черная риторика не обязательно имеет своей целью дискредитировать оппонента, а используется как совокупность речевых действий, обладающих высокой степенью экспрессии и нейтрализующих потенциально конфликтующие реакции собеседника. Подобное речевое поведение обычно дает говорящему тактическое преимущество в общении. Например, быстрота реакции и большая выразительность, помогающая ему перехватить инициативу, характеризуется как черная риторика по принципу непредвиденности для оппонента. Скажем, на замечание «Вы всегда первым уходите домой!» можно ответить «Да, потому что я единственный, кто в рабочее время выполняет не только свою работу». При этом автор делает оговорку, что совокупность приемов нейтральна, честными или нечестными они становятся в зависимости от цели их использования [3]. С этим нельзя не согласиться. Так, манипуляцию репутацией находим в романе А. Хейли «Отель» (“Hotel”). В ходе переговоров о продаже гостиницы владелец заявляет, что было бы нечестным по отношению к сотрудникам лишить их рабочих мест. В пример приводится пользующийся доверием бармен Эрлшор. В ответ покупатель применяет тот самый черный пиар/дискредитацию, поскольку выставляет сотрудника отеля в невыгодном свете. От этого неизбежно страдает имидж всей организации, что убеждает владельца отеля в необходимости продажи: “I’ve information that he’s bleeding you white. A high percentage of your bar profit is being skimmed off... Your supposedly loyal staff is riddled with corruption. There’s scarcely a department in which you aren’t being robbed and cheated. Naturally, I haven’t all the details, but those I have you’re welcome to” [17]. Прагматический эффект усиливается эмоционально окрашенными метафорами (bleeding you white, skimmed off). Применяются тактики издевки (supposedly loyal staff), преувеличения (riddled with corruption, scarcely a department). Намеренная подача негативной информации имеет целью ликвидацию бизнеса и дискредитацию.

Вербальные средства воздействия имеют особое значение в конфликтных ситуациях при наличии неполной и недостоверной информации. Они восполняют отсутствующую информацию или представляют ложную информацию истинной. То есть, происходит «парадоксальная трансформация онтологии мира» – введение в заблуждение, управление сознанием [14, с. 7]. Специалисты по медиакоммуникациям Дж. Брайант и С. Томпсон описывают четыре типа искажения информации применительно к новостным сообщениям (манипулятивное акцентирование): драматизацию, нормализацию, персонализацию, фрагментацию [2]. Персонализация привлекает больше внимания к конкретным личностям, нежели к пробле-

мам, поднимаемым в сюжете. Фрагментация освещает отдельные эпизоды, а не всю картину в целом, что не позволяет оценить положение дел в целом. Драматизация представляет событие более эмоционально, чем оно того заслуживает. Нормализация приуменьшает серьезность новости, преподносит ее как легко решаемую частную проблему [2, с. 338 – 339]. Подобные приемы искажения лежат в основе манипуляций в разных регистрах делового дискурса.

Например, в следующих новостных сообщениях для описания одного события используется различная прагматическая окраска, что позволяет говорить о тенденциозном изложении информации, которое приравнивается к искажению, и, следовательно, о манипулятивном речевом воздействии: Nestlé in Talks on Deal. Nestlé SA is in talks to buy Chinese candy maker Hsu Fu Chi International Ltd. in what would be one of the biggest foreign takeovers of a Chinese company. The discussions between Nestlé and Hsu Fu Chi are at a delicate stage and still have a number of hurdles to clear, a person familiar with the matter said. Any deal for Hsu Fu Chi, which has a market value of \$2.6 billion, is weeks away, the person added [22]. Авторы преподносят факт поглощения компанией Нестле китайской кондитерской фирмы как весьма вероятное событие. Для этого используется стратегия драматизации, реализуемая тактиками преувеличения (когда речь идет о масштабе сделки (one of the biggest foreign takeovers)) и приуменьшения (когда описываются сроки и улаживание разногласий (weeks away, a number of hurdles to clear)). Несмотря на то, что данный этап переговоров характеризуется как «щекотливый», авторы торопятся с выводами (any deal is weeks away). Язык статьи экспрессивен и заставляет воспринимать сделку как довольно позитивное событие, хотя основанием для этого являются лишь слухи.

Напротив, в сообщении агентства Bloomberg по той же сделке наблюдается нормализация: автор выражает неуверенность в реализации этих планов, так как вопрос еще не решен и как решится – неизвестно: Nestle Said to Hold Takeover Talks With Chinese Candy Maker. Nestle SA, the world's largest food company, has been holding talks to buy Hsu Fu Chi International Ltd. <...> The discussions have been on and off for about two years, according to three people, who declined to be identified because the talks are private. It isn't clear whether Nestle will reach a deal [23].

Иная прагматическая окраска отражена уже в заголовке Said to hold talks: она снимает с авторов ответственность и формирует отношение к новости как не вполне достоверному событию. Использование глагольной формы продолженного времени (has been holding talks) подчеркивает незавершенность действия и отсутствие конкретного результата. Характеристика переговоров как прерывающегося процесса (on and off for about two years) вызывает сомнение в вероятности поглощения (It isn't clear).

Иную стратегию – персонализацию, призванную сосредоточить внимание на личности человека, а не на проблеме, можно продемонстрировать на примере следующего фрагмента из книги Дж. Арчера «Каин и Авель»

(“Kane and Abel”). Бывший председатель банка Чарльз Лестер в завещании выразил пожелание, чтобы банк возглавил Уильям Кейн. На собрании совета директоров намечаются кандидатуры для выборов. Кейн в своей речи использует стратегию персонализации, постоянно подчеркивая значение последнего желания Чарльза Лестера (in compliance with Charles Lester’s wishes, it was Charles Lester’s wish, to take his wishes seriously): “I am, gentlemen, at present vice chairman of Kane and Cabot <...> Kane and Cabot was founded by my grandfather, and I think it compares favourably in reputation, though not in size, with Lester’s. Were I required to leave Boston and move to New York to become the next chairman of Lester’s, in compliance with Charles Lester’s wishes, I cannot pretend the move would be an easy one for myself or for my family” [16].

Персонализация используется им и далее для придания весомости своей позиции за счет авторитета упоминаемого человека (he was not a man to make such a proposition lightly). Представление говорящего как имеющего хорошую репутацию (compares favourably in reputation), уважающего порядки компании (bound to take his wishes seriously myself), усиливается выражением почтения к семье и погибшему сыну Лестера (my closest friend, I consider it a tragedy): However, as it was Charles Lester’s wish that I should do just that – and he was not a man to make such a proposition lightly – I am, gentlemen, bound to take his wishes seriously myself. I would also like to add that his son, Matthew Lester, was my closest friend for over fifteen years, and I consider it a tragedy that it is I, and not he, who is addressing you today as your nominated chairman.”

Тактика противопоставления (интересы собственного банка – интересы банка Lester’s) (My own chairman has asked me to stay on – I will sacrifice everything) позволяет убедить слушателей в серьезности претендента и его искреннем желании полностью отдать себя новому делу. Стратегия персонализации является в данном дискурсе вспомогательной, дополняя основную стратегию самопрезентации, на которую работают компоненты каждого из высказываний: “Gentlemen, if I am fortunate enough to secure your support today, I will sacrifice everything I have in Boston in order to serve you. I hope it is unnecessary for me to give a detailed account of my banking experience. I shall assume that any director present who has read Charles Lester’s will must have taken the trouble to find out why he thought I was the right man to succeed him. My own chairman, Anthony Simmons, whom many of you know, has asked me to stay on at Kane and Cabot” [16].

Примером фрагментации в манипулятивных целях может послужить отрывок из романа А. Хейли «Менялы» (“Moneychangers”). Главный герой Роско Хейворд, исполнительный вице-президент банка, вербует сторонников в связи с уходом президента. Его цель – воздействовать на собеседников таким образом, чтобы они предпочли его кандидатуру сопернику. Разговаривая с одним из директоров банка, Хейворд, искусный манипулятор, выстраивает дискурс в абсолютно непредвзятом ключе. В разговоре

он не затрагивает кандидатуру будущего президента, а делает акцент на заботе об имидже банка. Стратегия убеждения собеседника в необходимости найти преемника строится на так называемой тактике «свой круг», подчеркивающей солидарность, общность интересов и настроений: “What concerned me most is that the directors were not informed first. I felt they should have been. But since they weren’t, I considered it my duty to advise you and the others immediately”; “I agree with you, Roscoe,” the voice on the telephone said. “I believe we should have been told, and I appreciate your thinking”; “Thank you, Harold. At a time like this, one is never sure exactly what is best. The only thing certain is that someone must exercise leadership” [18].

Имплицитно подводя собеседника к нужному решению, Роско проявляет беспокойство об общем деле, апеллирует к таким корпоративным ценностям, как престиж банка. Используя подчеркнута официальную лексику (I considered it my duty to advise you), он выдерживает деловой тон разговора и подчеркивает почтительное отношение к мнению и интересам собеседника. Демонстрируя дружбу и преданность, говорящий также использует менее формальное обращение, несмотря на официальный характер разговора: “Thank you, Harold”. В итоге Хейворду удается имплицитно воздействовать на собеседника, убедить его в необходимости действовать решительно. Прибегая к фрагментации, он создает впечатление, что скрытая цель (обеспечить поддержку на выборах) не имеет для него значения и благодаря данной уловке добывается выгодного для себя результата, как видно по ответу партнера (So I’m willing to pledge you my support).

Особенности операций человеческого мышления также дают почву для манипуляций. Так, существует мнение, что на современном этапе развития информационных технологий человек все чаще будет прибегать к «упрощенному подходу», основанному на сужении внимания [11, с. 385]. Это значит, что внимание человека может быть сосредоточено только на небольшом объеме из всего многообразия доступной информации и иногда придется «принимать решения автоматически, учитывая лишь какой-то один элемент» [11, с. 386]. Манипуляция происходит, когда единичные сигналы провоцируют принятие ошибочных решений, приносящих выгоду манипулятору. Объект манипуляции в таком случае механически реагирует на сигнал, не ожидая подвоха. Происходит эксплуатация склонности к схемам упрощенного поведения, основанным на стереотипах. Они могут быть следующими: делай как все (принцип социального доказательства), верни то, что дал тебе другой (принцип взаимности), действия должны соответствовать принятым ранее решениям и обязательствам (принцип последовательности и обязательства), дружелюбный человек действует в моих интересах (принцип благорасположения), необходимо абсолютно повиноваться авторитету (принцип авторитета), если товар в дефиците, он мне нужен (принцип дефицита).

Так, в рассказе «Дело принципа» (“A Matter of Principle”) Дж. Арчера речь идет о принятой в Мексике деловой традиции действовать через по-

средника: “What you are suggesting is that I should bribe a government official. I have never been involved in that sort of thing in thirty years of business” [15].

Представителя британской фирмы призывают работать так, как принято, что фактически потребует подкупа. Ожидается, что бизнесмен не будет разбираться в деталях и последует принципу социального доказательства, хотя инициатор такого поворота дела уклоняется от личной ответственности за это предложение: “And I wouldn’t want you to start now”, replied Heath. “The Mexican is far too experienced in business etiquette for anything as clumsy as that to be suggested, but while the law requires that you appoint a Mexican agent, it must make sense to try and sign up the minister’s man, who in the end is the one person who can ensure that you will be awarded the contract”.

Манипулятивная стратегия опирается на необходимость быстро принять решение. Используется тактика уговоров (it must make sense, the one who can ensure). При этом факт, что взятка превысит прибыль бизнесмена, замалчивается. Несмотря на то, что предлагается противозаконное действие, данный речевой шаг в контексте деловых потребностей партнера Хита приобретает результативный характер, поскольку это единственный способ исполнить его заветное желание – получить выгодный контракт.

“But to part with nearly four million dollars to such an individual...”

“I agree with you, sir, but that is the way business is conducted here” [15].

Таким образом, скрытое речевое воздействие в данном дискурсе имеет целью ускорить принятие невыгодного для коммуниканта решения. Оно основано на особенностях социального поведения человека (делай, как принято). Способность реципиента к анализу ситуации и последствий принятия такого решения помогает распознать манипуляцию и более глубоко продумать условия сделки.

Другой распространенной стратегией манипулирования, основанной на имплицитных свойствах английского дискурса, является так называемый *doublespeak* (демагогия, двусмысленность, лицемерие [9]). В данной стратегии высказыванию придается форма, препятствующая пониманию его содержания с целью введения собеседника в заблуждение, представления невозможного реальным, странного обычным, ненормального здоровым [19]. *Doublespeak* обусловлен прагматической установкой говорящего на сокрытие информации либо изображение нежелательных фактов в более выгодном свете.

Doublespeak может выражаться разнообразными языковыми средствами, такими как: эвфемизмы (unlawful or arbitrary deprivation of life = killing); жаргонизмы (organoleptic analysis = smelling); канцеляризм и штампы (at the end of the day, at this moment of time); многословие (“I guess I should warn you, if I turn out to be particularly clear, you’ve probably misunderstood what I’ve said”(A. Greenspan); напыщенный язык (“inflated language”) (pre-owned/experienced cars = used cars) [21].

Doublespeak находит применение в различных сферах делового дискурса. В области трудовых отношений он применяется, например, при необходимости нейтрализовать негативные коннотации понятий, связанных с потерей работы. Так, уволенного сотрудника можно назвать не *fired/laid off*, а *selected out, placed out, non-retained, released, dehired*. Процесс увольнения – *restructuring, downsizing, reduction activities*. Безработного корректно назвать не *unemployed*, а *a person in an orderly transition/ between career changes*. Названия профессий облачаются в более респектабельную форму, придавая их обладателям больше престижа: *janitors – building superintendents, repairman – service technician, stock brokers – portfolio managers/registered representatives*.

С усилением тенденции совместного управления (*participative management*) руководители избегают употребления слова *employee* и заменяют его на *associate, partner, team member, stakeholder*, а коллектив называют *family, people*. Таким образом, языковые манипуляции, преувеличивающие роль даже самого низшего звена, направлены на повышение мотивации и консолидацию всех сотрудников.

В области финансов абстрактные именованья маскируют нежелательную информацию, которая может негативно повлиять на имидж компании или государства. В связи с мировым экономическим кризисом часто приходится слышать различные синонимы слова *crisis* – *recession, economic breakdown, slump*. Называя рецессию периодом ускоренного негативного роста (*recession – period of accelerated negative growth*), отправитель сообщения реализует целый ряд задач: убеждает слушателя в том, что ситуация временна и не безвыходна; пытается уйти от ответственности оценки; смягчает негативную коннотацию. Тот же механизм воздействия используется при заменах *profit – negative deficit/ revenue excesses, monthly bills – energy documents, bad loan/ bad debt – rescheduled/ rolled over, problem loans – nonperforming assets*.

Doublespeak широко используется для создания более привлекательного имиджа организаций. Так, в сообщении о финансовых потерях компании *Lazard Ltd.* doublespeak представлен манипулятивной стратегией смягчения, которая реализуется тактикой преувеличения. Начало года фирма называет многообещающим (*promising*) вопреки «напряженному» (*challenging*) предыдущему периоду. Как известно, слово *challenging* несет в себе положительную коннотацию: трудный, но интересный, мобилизующий способности фирмы: “*Lazard Ltd. swung to a fourth-quarter loss as it struggled with a slump in advisory revenue and higher-than-expected compensation costs, despite slashing year-end bonuses*.”

The firm on Monday called the fourth quarter “challenging” and said it cut discretionary bonuses by 20% for the year. But it said the first weeks of this year were promising” [20].

Мнение автора статьи о реальном состоянии дел *Lazard* не так оптимистично: он характеризует его словами *a slump in revenue, higher-than-*

expected costs, slashing bonuses. При этом происходит искажение истинного положения вещей. Часть смысла, характеризующая степень бедствия, таким образом, выражена в обоих случаях. Однако автор статьи преувеличивает ее, а представители компании приуменьшают. Таким образом, прагматическое воздействие на читателя достигается за счет манипулятивной стратегии doublespeak, направленной на корректировку имиджа организации.

Разнообразие используемых манипулятивных стратегий позволяет сделать вывод о коммуникативной незащищенности участников делового (в данном случае) общения. Многочисленные каналы и уязвимые места сознания и речевой деятельности коммуникантов приводят к активному злоупотреблению «нечестными» методами речевого воздействия. Отсюда понятна необходимость распознавания как скрытого, так и открытого влияния, а также выработки адекватных техник реагирования, а зачастую и противостояния или нейтрализации предполагаемого эффекта.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание). – М.: Знание, 1990.
2. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М.: Вильямс, 2004.
3. Бредемайер К. Черная риторика: власть и магия слова. – М.: Альпина Паблшерз, 2011.
4. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо; Юрайт, 2000.
5. Зарецкая Е.Н. Деловое общение: учеб.: в 2 т. – М.: Дело; АНХ, 2008. – Т. 1.
6. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
7. Паршин П.Б. Речевое воздействие и манипулирование в рекламе // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – М.: Издательский дом Гребенникова, 2000. – С. 55 – 75.
8. Пономаренко Е.В. Системность функциональных связей в современном английском дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004.
9. Словарь АБВУД LINGVO. – 2013. – [Электронный ресурс]: <http://lingvopro.abbyuonline.com/ru/Translate/en-ru/doublespeak>
10. Федюнина И.Э. Лингвистическая репрезентация лицемерия как формы социального поведения (на материале русских, английских и немецких фразеологизмов) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – Т. 1. – № 2. – СПб., 2012. – С. 166 – 173.
11. Чалдини Р. Психология влияния. Как научиться убеждать и добиваться успеха. – М.: Эксмо, 2012.
12. Чанышева З.З. Суггестивный эффект знаков лингвокультуры в медиакоммуникации // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – Т. 1. – № 3. – СПб., 2012. – С. 140 – 147.
13. Шишкина Е.В. Коммуникативные стратегии и тактики судебного допроса (на материале русского и немецкого языков) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – Т. 1. – № 1. – СПб., 2012. – С. 155 – 162.
14. Язык и моделирование социального взаимодействия / сост. В. М. Сергеев, П. Б. Паршин. – М.: Прогресс, 1987.
15. Archer J. A Matter of Principle // A Quiver Full of Arrows. – London: Pan Books, 2003. – P. 189 – 214.
16. Archer J. Kane and Abel. – New York: St. Martin's Paperbacks Edition, 2004.
17. Hailey A. Hotel. – СПб.: Антология, КАРО, 2008.

18. Hailey A. *The Moneychangers*. – Cavaye Place, London: Pan Books, 1989.
19. Lambdin W. *Doublespeak Dictionary*. – Los Angeles: Pinnacle Books, 1979.
20. Lazard Swings to Fourth-Quarter Loss // *The Wall Street Journal*. – 6 Feb. 2012. – [Electronic resource]: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052970204369404577206713056055238.html>
21. Lutz W. *Doublespeak*. – NY: Harper & Row, Publishers, 1989.
22. Nestlé in Talks on Deal // *The Wall Street Journal*. – July 5, 2011. – [Electronic resource]: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052702304760604576424113977030484.html>
23. Nestle Said to Hold Takeover Talks with Chinese Candy Maker // *Bloomberg*. – July 2, 2011. – [Electronic resource]: <http://www.bloomberg.com/news/2011-07-01/nestle-is-said-to-hold-takeover-talks-with-chinese-candy-maker-hsu-fu-chi.html>

Ситуация «Пожелание»: классический и прототипический подходы к исследованию

В статье затрагивается проблема изучения поведенческой ситуации «Пожелание» посредством классического и прототипического подходов, рассматриваются её инвариантные составляющие (семантические доли), а также прототипические и непрототипические единицы категоризации в современном английском языке.

The paper displays classical and prototypical approaches to the investigation of the behavioural situation of «Wishing», as well as its invariant constituents (semantic segments), and the units of its categorization in the Modern English language.

Ключевые слова: поведенческая ситуация, пожелание, категоризация, семантическая доля, инвариант, прототип.

Key words: behavioural situation, wishing, categorization, semantic segment, invariant, prototype.

Лингвокультурологическое направление современной когнитивной лингвистики считает язык универсальной формой концептуализации, категоризации мира, и рационализации человеческого опыта. Отечественные представители данного направления постулируют идею о возможности систематизации разговорного материала в сфере семантики на основе черт национальной психологии народа – носителя языка. Данная систематизация базируется на тактико-ситуативном подходе, который позволяет определять поведенческие ситуации как абстрактные семантические образования – категориальные структуры [4; 5; 6; 1; 13; 15; 17].

Базовым понятием этого подхода является тактика, включающая в себя вербальные и невербальные клише или речевые действия вернее, их прагмасемантические корреляты, выражающие один и тот же смысл – общую семантическую долю. Семантическая доля – это «неделимый (на определённом уровне абстракции) смысл, который входит как часть в иной, объединяющий смысл» [5, с. 56]. Выявление семантической доли производится путём обследования большого количества однородного материала и анализа контекста» [13; 17, с. 29]. «Мы имеем в виду самую общую идею соотношения конкретных явлений, выступающих в речи, и глубинных закономерностей, заложенных в языковой системе, – тех закономерностей, которые не лежат на поверхности и должны быть «выведены» в результате анализа, выявляющего в вариантах инвариантную основу» [3, с. 164].

Выбор термина «тактика» не случаен, а обусловлен его функцией – формированием общей сверхзадачи (стратегии); «функция тактики» – способность выступать в качестве составляющей в единицах более высокого уровня» [2, с. 33]. Каждой тактике даётся произвольное название, которое выявляется определением общего смысла. Номинируя тактику, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров специально «изобретают» так называемая «искусственную бирку» или принимают за общее название одну из идиоматических реплик-клише [см., напр., 5, 6]. Нам представляется целесообразным более абстрактный способ номинации, сходный выявлению пропозиций [13; 17]. Следовательно, тактика – это инвариантная единица смыслового пространства определённой поведенческой ситуации как категориальной структуры, в нашем случае – ситуации «Пожелание». Категориальная структура – это высший уровень, уровень сверхзадач, на котором устранены не только видовые, но и родовые дифференциальные признаки. Данный уровень является категориальным уровнем отвлечения, где принимаются во внимание лишь интеграционные признаки составляющих его элементов [см.: 6, с. 86].

Традиционно принято говорить о двух подходах к процессу категоризации: классическом, связанном с именем Аристотеля, и прототипическом, базирующимся на работах Э. Рош и Л. Витгенштейна [31; 32; 35].

«С точки зрения классического подхода все категории дискретны и основаны на группировках свойств, внутренне присущих представителям соответствующих категорий, они не могут переходить друг в друга, смешиваться, границы их чётко определены. Однако категоризация не всегда происходит по законам классической теории: категории могут формироваться в соответствии со способностью индивида, вернее его сознания, объединять их в группы или классы по ряду общих признаков, а не на основе общности предметов. Следовательно, объекты окружающей действительности коррелируют с семантическими категориями на базе так называемого «фамильного сходства» со своим прототипом – существующим в коллективном сознании идеальном представлении о референте или понятии» [19, с. 156 – 157].

Прототипический подход к категоризации [26; 32; 33] допускает образование общих межкатегориальных сегментов, поскольку категории не имеют постоянных инвариантных признаков, позволяющих отнести те или иные языковые феномены к определённому типу. Наличие в естественных категориях скалярности признаков (разной степени их полноты) позволяет выделять «идеальный член категории, прототип, вокруг которого группируются другие члены (непрототипические или атипические)» [10, с. 31].

Использование обоих подходов к исследованию ситуации «Пожелание» позволяет выявить и проанализировать как её инвариантные/вариативные, так и прототипические/непрототипические составляющие [18]. «В наиболее простой форме соотношение понятий инвариантности/вариативности и прототипичности можно охарактеризовать

так: прототип – это эталонный репрезентант, эталонный вариант определённого инварианта среди прочих его представителей (вариантов). Таким образом, в самом определении прототипа в предлагаемой его интерпретации находит отражение связь с понятием инварианта (инвариантности/вариативности)» [3, с. 265].

Пожелание как составляющая сферы человеческих эмоций, точнее говоря – чувств [20], находится в пространстве неуверенности – явления более высокого уровня абстракции [см. подробнее: 13, с. 106 – 112; 17, с. 83 – 89], составляющего константу некатегоричность [14, с. 360].

Чувство желания – это «внутреннее стремление к осуществлению чего-нибудь, обладанию чем-нибудь» [11, с. 242], пожелание *wishing*, на наш взгляд, – это озвученное, вербализованное желание чего-либо невозможного или маловероятного, а, порой и нереального «*wish – to want something very much; to want something to happen, when it is unlikely or impossible that it will happen, or when you cannot control what will happen*» [27, p. 820]. Этимологически *wish* восходит к среднеанглийскому *wisshen*, от древнеанглийского *wūscan* и является родственным древневерхненемецкому *wunsken* (желать) [24, p. 1240; 34].

Поведенческая ситуация «Пожелание» имеет ядерную зону и допускает сопряжение с сожалением, жалобой, просьбой, советованием, требованием и укором в пространстве своей периферии. Отношение к ситуации как явлению с полевой структурой позволяет преодолеть несовершенство классического подхода к категоризации, а именно дискретность и чёткость границ. Наличие общих межкатегориальных сегментов, трудноотносимых к определённой категории из-за скалярности признаков, «наводит на мысль о взаимодействующих семантических полях, говоря словами Гака, «перекрывающих друг друга ареалах» [8, с. 29], «о концептуальном совмещении ментальных пространств» [12, с. 73].

Ядерное пространство ситуации «Пожелание» представлено следующими составляющими.

«Указание говорящего на желательные для него последствия (события), наступление которых затруднено или маловероятно по ряду причин (не зависящими от него обстоятельствами)». *I wish I was in those bars tonight. I could not wait to leave this north-easterly dog-leg either: no more walking into the wind; no sand for five hundred miles. Instead, the rocky tourist route to our half-way mark, Tamanrasset – the end of backwater villages, and, I hoped, of the long silence from home* [39]. Говорящий как бы проговаривает своё желание, несмотря на совещательный характер подобных высказываний, адресат, как правило, отсутствует, пожелание направлено на него самого как на «первый приёмный пункт собственных коммуникативных усилий. Он (говорящий) вслушивается в себя, познаёт свою речь и это самопознание выводит на поверхность речевой деятельности интерперсональные проблемы коммуникации, о которых принято говорить лишь в связи с феноменом внутренней речи (в типичной для неё диалогической структуре – разговор с самим собой)» [7, с. 19].

«Указание говорящего на невозможные, но желательные для него последствия (события)/пожелание-мечта/». Sometimes when I see Panna with her baby I wish I was a woman and had a husband and a child. But Chaman doesn't like us to have partners. She doesn't like men in the house – at least not corrupt men. She's very jealous of her daughters [38] (говорящий – мужчина).

«Желание может быть направлено на предметы, для осуществления которых субъект чувствует себя бессильным» [9, с. 1428], словами И. Канта «это пустое (напрасное желание)» [9, с. 1428], пожелание, которому не суждено сбыться. Если в классической интерпретации поведенческая ситуация «Пожелание», имеющее полевую структуру, допускает сопряжение пространств, то в терминах прототипической теории семантические доли, составляющие её периферию, репрезентируют непрототипические ситуации пожелания, а именно пожелание-жалобу, пожелание-сожаление, пожелание-просьбу, пожелание-требование, пожелание-укор, пожелание-советование.

«Указание говорящего на желательные, по его мнению, последствия (события) для третьего лица». She's a great leech, sucking all my energy out and I can't stand it. I wish she'd die [43]. Анализ конструкции I wish he/she would показывает, что высказывая пожелание относительно третьего лица, говорящий проявляет собственную заинтересованность в желаемом событии, а в его высказывании чувствуется «оттенок жалобы», что явствует из более широкого контекста: She's my own mother and she disgusts me. I know I shouldn't feel this way. She brought me up and I should be grateful and not mind about all this. It's only doing what's right. But at least she knew her kids were going to grow up: I know nothing's going to change for the better with her. She's a great leech, sucking all my energy out and I can't stand it. I wish she'd die. There, I've said it. I suppose I should say that it's because it would be best for her but of course it isn't, it's because it would be best for me. I know she only dribbles because of the stroke, I know that, but it doesn't help [43]. Следовательно, здесь можно говорить об «указании говорящего на желательные последствия как для третьего лица, так и для него самого»: I wish he would give up smoking. I can smell the faggy smell even when he has brushed his teeth a couple of time and rinsed with mouthwash [41]. Высказывания с глаголом wish в форме отрицания выражают неуверенность говорящего относительно возможных действий третьего лица: I wish he wouldn't make so much fuss [23, p. 734].

Непрототипическая ситуация пожелание-сожаление может быть представлена несколькими семантическими долями: «Указание говорящего на желательную, но упущенную для него возможность».

Для пожелания-сожаления характерно чувством печали, скорби или огорчения, «вызванного осознанием невозможности изменить или осуществить что-либо» [11, с. 973], а также жалость и сострадание к самому себе: If only I have never left my wife and kids for that tramp I married! [44,

p. 24]; If I could only get into his room! But there is no possible way. The door is always locked, no way for me [47, p. 23].

«Указание говорящего на желательную, но упущенную возможность для третьего лица». She'd love a large family because she knows the joys of it. She likes the atmosphere of a large family. I'm quite sure she'd like to have several more children yet – five seems a good number. There are times when I wish she could have a couple of years off to bring up her children, be at home with them, and not worry about anything else apart from them and her husband. Instead, it's a bit like a non-stop circus. Royal reporters have been speculating on a new pregnancy for years, and members of the public have been no less nosy [42].

Следующая доля находится в пространстве сопряжения с просьбой, являя собой непрототипическую ситуацию пожелания-просьбы: «Указание на желательные для говорящего последствия (события), положительный исход которых может зависеть от адресата».

«Признаком, сближающим пожелание и просьбу, может быть стремление говорящего получить нечто желаемое, но если просящий выдвигает программу действий для адресата, выполнение которой ему необходимо, то желающий лишь надеется на выполнение данной программы, поэтому в пожелании, как правило, сквозит неуверенность. Другими словами, характерной чертой пожелания является необязательность его выполнения для адресата, более того адресат, зачастую, отсутствует, а высказывание направлено на самого говорящего» [17, с. 88]: I ... think I would like to see a doctor, someone who can help me find who I am [46, p. 25].

К данной семантической доле следует также отнести клишированные высказывания вежливой просьбы: I wish you would call me Miguel [36]. Конструкция I wish you would может выражать не только вежливую просьбу, но и категоричный укор, и требование.

Непрототипическая ситуация пожелания-укора: «Указание на неподобающие, неуместные действия адресата, вызвавшие отрицательную реакцию говорящего» – I wish you would stop treating me as a child [29, p. 1765].

Непрототипическая ситуация пожелания-требования: «Указание говорящего на желательные, по его мнению, последствия (события) для адресата, наступление которых зависит от последнего». Зачастую конструкция, репрезентирующая данную ситуацию, не содержит смягчающего элемента (в данном случае на это указывает конструкция с глаголом want) и поэтому звучит более категорично: I want you to follow my orders. I want you to stay in my house for one month. I want you to eat well, to rest and sleep. I want you to be my companion, I enjoy your company, and maybe you can learn something about the world from your Godfather that might even help you in the great Hollywood. But no singing, no drinking and no women [44, p. 27].

Допуская слияние с пространством требования, пожелание может быть интерпретировано как рекомендация, следование которой, по мнению говорящего, необходимо для адресата.

В ситуациях требования и укора статусно-ролевые параметры коммуникантов являются определяющими, говорящий, как правило, обладает более высоким социальным статусом.

Пожелание также допускает слияние с советованием, образуя прототипическую ситуацию пожелания-советования: «Указание на возможные действия, которые с точки зрения говорящего, в данной ситуации являются для адресата наиболее подходящими, логичными либо выгодными» – Anne, I wish you'd tell him – about being at the Bensons'. (...) Because – well, it might look as though you'd been keeping something back. I'm sure it would be better to mention it [37, p. 209].

Пожелание может быть интерпретировано как некатегоричное высказывание говорящим желательности совершения адресатом определённого действия, которое, с точки зрения говорящего, является адекватным данной ситуации. Такая интерпретация пожелания сближает его с некатегоричным способом выражения советования. «Зона сопряжения пространств советования и пожелания представлена семантическими долями, показывающими возможные действия адресата, последствия которых могут быть желательными или нежелательными как для него самого, так и для говорящего либо принести предпочтения лишь одному из участников общения» [16, с. 142].

Чувство сожаления в той или иной степени пронизывает все семантические составляющие пожелания, поскольку говорящий испытывает неудовлетворённость имеющимся положением дел, надеясь на лучшее, мечтая о малоосуществимых и даже неосуществимых событиях. Чувство печали характерно для семантических долей, выражающих невозможность изменения ранее свершившегося факта (упущенная возможность) to feel that you have done the wrong thing, and with that you had behaved differently: I wish I had told him the truth [28, p. 690].

Для сравнения: в русском языке жалеть – от старославянского жалити, близкого древнерусскому желю «печаль, скорбь» или «жалоба плач»; старославянское жаль – «гробница» [22, с. 34, 35], а желать – от старославянского желати, желать, по мнению составителя этимологического словаря, нельзя отрывать от жалеть; указывается, что форма на –eti древнее, чем на –ati, следовательно, жалеть первично по отношению к желать [22, с. 40-41],

Значение желаемости имеет различные оттенки, связанные со степенью вероятности осуществления или неосуществления желаемого, которые реализуются при помощи двух модальных типов высказываний: I wish + Subjunctive, if only + Subjunctive.

«Прототипическая ситуация пожелания как когнитивная модель «некая изолированная абстрактная схема, существующая in potentia» [25] содержит имплицитно выраженное каузируемое состояние неуверенности, сомнения говорящего (отсутствие веры) в возможности осуществления чего-либо или обладания чем-либо и категоризуется при помощи центральной конструкции «I wish I + Subjunctive», где пожелание направлено на

говорящего (местоимение первого лица). Эта конструкция характерна для семантических долей, составляющих её ядерное пространство» [21].

В свою очередь семантические доли пространства ядра являются прототипическими по отношению к долям, составляющим периферию ситуации, поскольку «Прототипы, как и инварианты, проявляют свойства относительности. То или иное значение может быть производным от прототипа более высокого уровня и вместе с тем быть прототипом по отношению к тому или иному семантическому варианту, находящемуся на более низкой ступени иерархии» [3, с. 264].

Непрототипические средства репрезентации пожелания представляют собой набор следующих конструкций, выражающих: пожелание-сожаление «If only I + Present Perfect», «If I could only»; пожелание-сожаление об упущенной возможности «I wish I + Past Perfect»; пожелание-сожаление об упущенной возможности для третьего лица «I wish he/she could»; пожелание на будущее с оттенком жалобы «I wish he/she would»; неуверенность по поводу предполагаемых действий третьего лица с оттенком опасения «I wish he/she wouldn't»; просьбу, требование, укор (с учётом социального фактора – статусно-ролевых отношений коммуникантов) «I wish you would».

Отклонение от прототипа характеризуется неоднозначными формальными показателями, репрезентирующими размытый смысл (пожелание-сожаление, пожелание-укор, пожелание-жалоба и другие) и отражающими разную степень познания индивидом окружающей действительности. Прототипичность ядерных семантических долей и центральной конструкции обусловлена полнотой и точностью реализации их когнитивных характеристик.

Список литературы

1. Арский А.А. Семантические категории угрозы и предостережения и их вербальная реализация в современном немецком языке (тактико-ситуативный подход): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск: ИГЛУ, 1998.
2. Болдырев Н.Н. Модусные категории в языке // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. – СПб.: Тригон, 2005. – Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения: сб. статей к юбилею Н.А. Кобриной. – С. 31 – 46.
3. Бондарко А.В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. – СПб.: Наука, 2003. – С. 5 – 36.
4. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980.
5. Верещагин Е.М. Предметы времени и места в идиоматике речемыслительной деятельности // Язык: система и функционирование. – М., 1988. – С. 54 – 61.
6. Верещагин Е.М. Речевые тактики призыва к откровенности // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 82 – 93.
7. Винокур Т.Г. К характеристике говорящего: Интенция и реакция // Язык и личность. – М., 1989. – С. 11 – 23.

8. Гак В.Г. Пространство мысли // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 22 – 29.
9. Кант И. Метафизические начала естествознания. – М.: Мысль, 1999.
10. Ковалева Л.М. Английская грамматика: от предложения к слову. – Иркутск, 2006. – Ч. I. Пропозиция.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ОНИКС 21 век; Мир и Образование, 2003.
12. Семенова Т.И. Лингвистический феномен кажимости: монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2007.
13. Топка Л.В. Прагма-семантическая категория некатегоричности в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2000.
14. Топка Л.В. Некатегоричность // Внутренний мир человека: Семантические константы. Коллект. моногр. к юбилею д-ра филологических наук, профессора Ю. М. Малиновича: Глава 12. – Иркутск, 2007. – С. 359 – 397.
15. Топка Л.В. Речеповеденческая ситуация: универсальное и этноспецифическое // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета Серия Филология. – Иркутск: ИГЛУ, 2009. – № 2 (6). – С. 111 – 116.
16. Топка Л.В. Некатегоричность / Категоричность: лингвокультурологическое освещение // Концепты. Категории: Языковая реальность. Коллект. моногр. к юбилею проф. М. В. Малинович. – Иркутск, 2011. – С. 130 – 163.
17. Топка Л.В. Некатегоричность: опыт прагма-семантического исследования // LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Heinrich-Böcking Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland, 2012.
18. Топка Л.В. Классическое и прототипическое в исследовании речеповеденческой ситуации // Magister Dixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – № 4. – 2012. – [Электронный ресурс]: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/topka_l.v._md_2012.pdf (15.02.2013).
19. Топка Л.В. Ситуация уверенности / неуверенности: единицы категоризации // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: сб. научных трудов к юбилею профессора Лии Матвеевны Ковалёвой / отв. научн. ред. проф. М. В. Малинович. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 156 – 169.
20. Топка Л.В. Эмоциональная обусловленность категоричного и некатегоричного речевого поведения // Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия: материалы IV Междунар. научно-практ. конференции 15–16 мая 2013 года. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 115 – 121.
21. Топка Л.В. Ситуация «Пожелание»: прототипические и непрототипические единицы категоризации // Язык и культура: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Красноярский краевой научно-учебный центр кадров культуры; Центр развития научного сотрудничества, 2013 (В печати).
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / пер. с нем. и дополнения академика РАН О.Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М.: Астрель; АСТ, 2004. – Т. 2.
23. Cambridge Grammar of English / Carter R., McCarthy M. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
24. Chamber Dictionary of Etymology / H.W. Wilson Company. – London: Chamber Harrap Publishers Ltd, 2010.
25. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; L.: The University of Chicago, 1980. – XIII.
26. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind / G. Lakoff. Chicago, 1987.

27. Longman Dictionary of English Language and Culture / Addison Wesley Longman. – [England]: Pearson Education Limited, 1999.
28. Longman Essential Activator / Addison Wesley Longman Limited; Pearson Education Limited. – England: Pearson Education Limited, 2007.
29. Longman Exams Dictionary / Pearson Education Limited. – England: Pearson Education Limited, 2007.
30. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / Macmillan Publishers Limited. – Oxford, 2007.
31. Rosch E. Cognitive Representations of Semantic Categories / E. Rosch // Journal of Experimental Psychology: General, 1975. – Vol. 104. – № 3. – P. 192 – 233.
32. Rosch E. Principles of categorization / Edited Eleanor Rosch and Barbara B. Lloyd. Lawrence Erlbaum associates, Publishers. Hillsdale, New Jersey, 1978. – P. 27 – 48.
33. Taylor J. R. Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford: Clarendon Press, 1995.
34. Webster's New World Essential Vocabulary / by David A. Herzog, 2005.
35. Wittgenstein L. The Blue and Brown Books: Preliminary studies for the «Philosophical investigations». – Oxford: Blackwell, 1969.

Список источников иллюстративного материала

36. Ashe J. Sweet deceiver. – Richmond, Surrey: Mills and Boon, 1993. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 25.04.2013).
37. Christie A. Cards on the Table. – Berkley Books, 1984.
38. Dalrymple W. City of djinns. – London: Harper Collins, 1993. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 20.04.2013).
39. Howard G. Wheelbarrow across the Sahara. – Gloucester: Alan Sutton Pub. Ltd, 1990. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 20.04.2013).
40. Jean (PS1AT). – 12 conversations recorded by Jean (PS1AT) between 3 and 10 April 1992. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 20.04.2013).
41. Jennings Ch. Now we are thirty-something. – London: John Murray (Pubs) Ltd, 1991. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 25.04.2013).
42. Junor P. Charles and Diana. – London: Headline Book Pub. Plc, 1991. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 25.04.2013).
43. Miscellaneous / Miscellaneous unpublished stories. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 20.04.2013).
44. Puso M. The Godfather. – М.: АЙРИС-ПРЕСС, 2008.
45. Sheldon S. The Other Side of Midnight. – Warner Books, 1990.
46. Sheldon S. Memories of Midnight. – Warner Books, 1991.
47. Stoker B. Dracula. – NY.: CRW Publishing Limited, 2003.

**Автоматизированный анализ корпуса текстов
как методологическая основа построения и верификации
когнитивно-функциональной модели дискурсных маркеров**

В статье подводятся итоги исследования проблемы разработки системы автоматизированного когнитивно-функционального анализа дискурсных маркеров в электронном корпусе текстов. В качестве базисной технологии идентификации дискурсных маркеров в англоязычном тексте рассматривается использование специализированных нечетких регулярных выражений.

The article contains the results of researching and developing an automated system of cognitive-functional analysis of discourse markers in electronic corpora of texts. The author proposes to use specialized extended regular expressions as a basis of identification of English discourse markers in texts.

Ключевые слова: автоматизированный анализ, дискурс, дискурсный маркер, регулярное выражение.

Key words: atomated analysis, discourse, discourse marker, regular expression.

Появление новых методов, подходов и направлений исследования в лингвистической науке, а также их экстраполяция в область смежных научных дисциплин дает возможность уточнить и переосмыслить многие теоретические вопросы, в их числе и феномен появления и функционирования в системе языка дискурсных маркеров как средств обеспечения когнитивной связи в дискурсе, что представляет научный интерес для дискурсивной лингвистики.

Комплексное исследование дискурсных маркеров как когнитивного феномена, имеющего дискурсивно-специфические черты, с целью построения их когнитивно-функциональной модели, обладающей свойствами достоверности и верифицируемости, предопределяет необходимость анализа обширного корпусного материала, отражающего специфику употребления дискурсных маркеров в различных типах дискурса.

Существующие в настоящее время национальные корпуса текстов, такие как Британский национальный корпус (BNC, British National Corpus) и корпус современного американского английского языка (COCA, Corpus of Contemporary American English), не оснащены специфическими технологиями автоматизированного дискурсивного анализа, позволяющего идентифицировать лексемы и их сочетания, относящиеся к классу дискурсных маркеров, а также выявить их специфические свойства по когнитивно-функциональному основанию. Данный факт диктует необходимость построения специализированной автоматизированной аналитической среды,

целью которой является осуществление высокоскоростной обработки текстовой информации, представленной в филологически компетентных корпусных массивах, позволяющей идентифицировать примеры употребления различных дискурсных маркеров, а также определить их свойства, такие как дискурсный статус, дискурсивную функцию, иллокутивный потенциал и когнитивную нагрузку, являющиеся элементами разработанной когнитивно-функциональной модели дискурсных маркеров [2, с. 155].

Среди современных технологий автоматизированного анализа текста значительная роль отводится применению регулярных выражений, позволяющих идентифицировать регулярно повторяющиеся текстовые фрагменты в связном тексте.

Истоки регулярных выражений лежат в теории автоматов Уоррена МакКаллока (Warren McCulloch) и Уолтера Питтса (Walter Pitts), теории формальных языков и классификации формальных грамматик Ноама Хомского (Noam Chomsky) [7, с. 18 – 34; 8, с. 115 – 133]. Само понятие регулярных выражений впервые было введено американским логиком и математиком Стивеном Коулом Клини (Stephen Cole Kleene), одним из основоположников теоретической компьютерной науки [3, с. 17 – 27]. Важный вклад в популярность регулярных выражений внес также американский программист Кеннет Томпсон (Kenneth Thompson), создавший специальный алгоритм поиска текстовых фрагментов по регулярным выражениям, в настоящее время известный как «построение Томпсона» [9, с. 419 – 422]. Широкое распространение разработанной поисковой технологии обусловило тот факт, что регулярные выражения в современной компьютерной науке и прикладной лингвистике стали *de facto* стандартом описания шаблонов поиска текстовой информации.

Таким образом, регулярные выражения представляют собой поисковые шаблоны, основанные на описании общего вида некоторого текстового сегмента с применением символов и метасимволов и применяемые для поиска текстовой информации по заданным формальным критериям, определения взаимного расположения текстовых блоков и входящих в них элементов (лексем, словосочетаний, пунктуационных знаков и т.п.) и осуществления различного рода операций с найденными фрагментами текста. Иногда под термином «регулярные выражения» в широком смысле понимают также специализированный метаязык описания таких поисковых шаблонов в одной из его конкретных диалектных реализаций в определенном языке программирования [6, с. 25 – 26].

К достоинствам применения регулярных выражений с целью автоматизированной идентификации дискурсных маркеров в связном тексте на естественном языке можно отнести сравнительно высокую скорость обработки данных и высокую точность идентификации найденных языковых конструкций в тексте в случае полного соблюдения заданных формальных критериев поиска. Так, если некоторый дискурсный маркер может быть описан исключительно в структурно-синтаксических терминах (например,

по особенностям его синтагматики в предложении или по иным позиционным критериям), то для его автоматизированной идентификации достаточно применения одного или нескольких регулярных выражений, описывающих структурно-синтаксические свойства исследуемого дискурсного маркера в некотором минимальном контексте.

Вместе с тем, очевидным представляется тот факт, что только лишь структурно-синтаксический анализ не может стать единственно необходимым и достаточным критерием автоматизированной идентификации значительной доли дискурсных маркеров, поскольку статус некоторой языковой единицы как дискурсного маркера определяется в большей мере ее когнитивно-функциональными, нежели структурно-синтаксическими свойствами. Данное свойство дискурсных маркеров осложняет поиск и идентификацию дискурсных маркеров и их когнитивных свойств с применением технологии регулярных выражений.

В современной прикладной лингвистике повышенный интерес проявляется к так называемым технологиям нечеткого поиска в тексте [4], лежащим в основе нечетких регулярных выражений. Классический подход к определению нечетких регулярных выражений базируется на постулировании нечеткого поиска текстовой информации как задачи нахождения в некотором текстовом массиве определенных слов с учетом заданного максимального количества возможных различий [4]. Исходя из поставленной таким образом задачи, нечеткие регулярные выражения определяются как расширение регулярных выражений, позволяющее учесть варианты и трансформации исходного поискового шаблона, выходящие за рамки четко заданных формальных критериев, в том числе опечатки в отдельных словах или пропуск слов [4; 5].

Следует отметить, что описанная выше трактовка нечетких регулярных выражений является недостаточно широкой для целей и задач автоматизированного лингвистического анализа текста, в том числе для автоматизации идентификации дискурсных маркеров в связном тексте и определения их когнитивно-функциональных характеристик. Это связано с тем, что она дополняет классическое определение регулярных выражений исключительно способами идентификации пропущенных или дополнительных элементов, но не позволяет учесть лингвистическую специфику исследуемого явления, в том числе грамматические характеристики искомым языковым единицам (например, их частеречную принадлежность). Следовательно, данная трактовка не позволяет выйти на семантический уровень автоматизированного анализа текста, необходимый для выявления дискурсных маркеров, которые не могут быть описаны исключительно в терминах синтагматики и синтаксиса.

Исходя из вышесказанного, представляется целесообразным расширить определение нечетких регулярных выражений, используемых в автоматизированном лингвистическом анализе текста. По нашему мнению, расширение механизма регулярных выражений за счет включения лин-

лингвистической информации о входящих в исследуемый текст лексических единицах в определенном смысле имеет схожую природу с учетом метрики на основе расстояния Левенштейна и иных подобных функций и алгоритмов, лежащих в основе классического понимания нечетких регулярных выражений. Данное утверждение основывается на том, что сущность такого расширения также состоит в учете трансформационных вариантов определенных блоков текстовой информации, которым в ходе автоматизированного анализа сопоставляется одно и то же регулярное выражение при различном наборе лингвистических (лексико-семантических, грамматических) параметров. Следовательно, регулярные выражения, дополненные лингвистической информацией о тексте, также следует относить к категории нечетких регулярных выражений. В случае, если исследуемый корпус текстов содержит заранее подготовленный набор аннотаций, описывающих экстралингвистические параметры каждого конкретного контекста, такие как источник текста, тип дискурса, социолингвистические параметры коммуникантов и коммуникативной ситуации и т.п., то данная информация также представляет интерес как способная выявить различие между текстовыми фрагментами с одинаковой синтаксической структурой.

При необходимости в качестве дополнительных условий поиска может применяться также количественная информация различного рода. Так, в случае наличия в исследуемом корпусе информации о количественной представленности различных лексем и словосочетаний в тексте или при возможности автоматического ее получения с помощью алгоритмических процедур данная информация может быть положена в основу дополнительного поискового критерия в нечетком регулярном выражении.

Таким образом, исходя из сказанного выше, для настоящего исследования целесообразно принять за обобщенное рабочее определение нечетких регулярных выражений, учитывающее специфику их применения в качестве методологической основы автоматизированного анализа когнитивно-функциональных аспектов использования дискурсных маркеров в корпусе текстов на естественном языке, следующее определение.

Нечеткое регулярное выражение – это регулярное выражение, расширенное путем использования в качестве дополнительного значимого критерия поиска некоторой лингвистической (лексико-семантической, грамматической), экстралингвистической (когнитивной, социальной, культурной) и/или количественной информации, позволяющей идентифицировать и дифференцировать определенные текстовые фрагменты, совпадающие по формальным синтаксическим признакам и различающиеся по иным основаниям, как принципиально различные.

Исходя из предложенного определения нечетких регулярных выражений следует, что синергетическое применение классической технологии автоматизированного поиска текстовой информации по регулярным выражениям и иных технологий лексико-семантического и грамматического

разбора текста, а также выведение на основе совместного использования данных технологий нечетких регулярных выражений, описывающих лингвистически дифференцируемые трансформации поисковых шаблонов, позволяет разработать поисково-аналитическую систему, способную идентифицировать сложные, многоаспектные языковые явления в контексте. В частности, идентификация в тексте полифункциональных дискурсных маркеров, принадлежащих нескольким функциональным слотам с различающимися иллокутивными возможностями и когнитивной нагрузкой, значительно затруднена и в некоторых случаях невозможна при использовании традиционных регулярных выражений, однако становится выполнимой с применением лингвистической, экстралингвистической и количественной информации о контексте, внедряемой в состав нечетких регулярных выражений.

В качестве платформы для разработки поисково-аналитической среды когнитивно-функционального анализа дискурсных маркеров нами выбрана универсальная лингвистическая аналитическая среда GATE. Анализ алгоритмических компонентов, входящих в состав среды GATE, позволил сделать вывод о соответствии данной программной среды требованиям, необходимым и достаточным для разработки нечетких регулярных выражений, описывающих дискурсные маркеры и позволяющие с высокой степенью точности идентифицировать их в тексте и выявить их соответствие определенному функциональному слоту разработанной когнитивно-функциональной модели дискурсных маркеров.

Метаданные о лингвистических, экстралингвистических и количественных параметрах исследуемого текста, а также входящих в него лексических единицах и иных элементах, не имеющие стандартного эквивалента в диалекте регулярных выражений в языке программирования Java и являющиеся компонентами расширенных нечетких регулярных выражений, описываются нами с применением специализированных алгоритмических процедур, основанных на технологии шаблонного аннотирования JARE.

Нечеткие регулярные выражения, разработанные в ходе проведенного исследования, а также лингвистические алгоритмы, в основу которых данные регулярные выражения положены, сгруппированы по уровню их сложности. Уровень сложности определяется количеством параметров, которые требуется учесть для обеспечения эффективной идентификации дискурсного маркера в контексте, а также установления его принадлежности к определенному функциональному слоту когнитивно-функциональной модели. В целях настоящего исследования выделяются: 1) простые регулярные выражения без параметров контекста; 2) нечеткие регулярные выражения с лингвистическими параметрами контекста; 3) комбинированные нечеткие регулярные выражения с лингвистическими, экстралингвистическими и количественными параметрами контекста.

Простые регулярные выражения без дополнительных параметров описывают дискурсные маркеры, не требующие привлечения дополнительной

информации о контексте и описываемые исключительно в структурно-синтаксических терминах. При этом значимыми критериями идентификации дискурсных маркеров выступают позиция дискурсного маркера в предложении, его лексический состав, а также синтаксические и пунктуационные особенности предложения, в котором расположен дискурсный маркер. Например, дискурсный маркер *hmm* описывается исключительно по написанию лексемы, составляющей дискурсный маркер, при этом ее окружение не важно, поскольку лексема *hmm* и ее орфографические варианты (*hm*, *hmhm* и т.п.) всегда выполняют в тексте роль дискурсного маркера за исключением случаев, когда данное сочетание букв выступает в роли сокращения. Аналогичным образом идентифицируется дискурсный маркер *oh* и его орфографические варианты. В целом автоматизированной идентификации по простому регулярному выражению без параметров контекста наиболее легко подвергаются дискурсные маркеры междометийного типа.

Простые регулярные выражения также применяются для идентификации дискурсных маркеров в случаях, когда определяющим критерием соотношения дискурсного маркера с определенным функциональным слотом когнитивно-функциональной модели является факт его употребления в предложении в определенной позиции. Так, словосочетание «*you know what*» в конечной позиции в вопросительном предложении идентифицируется как дискурсный маркер обратной связи.

В более сложных случаях, требующих лексико-семантического и грамматического анализа текста, применяются нечеткие регулярные выражения с лингвистическими параметрами контекста. Например, такого рода нечеткое регулярное выражение применяется для идентификации конструкции «*to be like*» в качестве дискурсного маркера, вводящего эмоционально нагруженную цитату. Данная конструкция выявляется в тексте по следующей последовательности токенов: 1) личное местоимение или имя собственное, являющееся именем человека; 2) одна из форм глагола «*to be*»; 3) непосредственно лексема «*like*»; 4) пунктуационный знак, вводящий прямую речь (по правилам английского языка – двоеточие, однако нечеткое регулярное выражение учитывает возможность отхождения от правила); 5) одинарные или двойные кавычки, свидетельствующие о начале прямой речи.

В случаях, когда идентификация дискурсного маркера и установление его классификационной принадлежности к одному из функциональных слотов когнитивно-функциональной модели требует уточнения в силу недостаточности лингвистической информации для однозначного отнесения лексемы к классу дискурсных маркеров, либо же принципиально невозможно без учета дополнительных поисковых критериев, целесообразно применение комбинированных нечетких регулярных выражений. Комбинированные нечеткие регулярные выражения сочетают в себе как структурно-синтаксические, так и иные лингвистические, а также

экстралингвистические и количественные параметры любого поддерживаемого типа и в любом количестве, минимально необходимом для обеспечения эффективной автоматизированной идентификации дискурсного маркера и его соотнесения с определенным слотом когнитивно-функциональной модели.

Так, дополнительный количественный параметр используется для идентификации наличия дополнительных токенов перед дискурсным маркером «nevertheless», находящимся в начальной или срединной позиции в предложении. Данный параметр позволяет идентифицировать дискурсный маркер «nevertheless» в составе таких конструкций, как «..., and nevertheless, ...», «..., and yet nevertheless, ...» и т.п.

Другим примером использования уточняющего регулярного выражения служит автоматизированная идентификация дискурсного маркера «hmm» и его орфографических вариантов с уточнением за счет спецификации типа дискурса. Поскольку данный дискурсный маркер относится к разговорным [1, с. 132] и лишь в редких случаях проникает в институциональные типы дискурса, автоматизированный анализ случаев употребления данного дискурсного маркера в тексте может при необходимости быть ограничен только текстами, принадлежащими к разговорному типу дискурса. Такой подход позволяет избежать ошибочной идентификации сочетания букв «hm» и «НММ», например, в качестве сокращений от «hectometer» и «Hidden Markov Models», соответственно, в научных текстах. При необходимости более подробного и всеобъемлющего анализа данное ограничение может быть снято, и ошибочные случаи автоматизированной идентификации буквосочетаний «hm», не относящихся к дискурсным маркерам, либо исключаются путем использования дополнительных регулярных выражений с более жесткими лингвистическими ограничениями, либо исключаются лингвистом на этапе постобработки результатов автоматизированного анализа.

Комбинированные нечеткие регулярные выражения применяются также в случаях, когда установление дискурсивного статуса лексемы или словосочетания, а также ее автоматизированная классификация по когнитивно-функциональным основаниям принципиально невозможна без комплексного учета поисковых критериев различного типа. Например, совокупность лингвистических и количественных критериев, а именно, сведений о типе токенов и о количестве повторений пунктуационного знака, используется для идентификации дискурсного маркера «well» в предложениях типа «well, I don't know...», «well, I think it's impossible...» и т.п.

Другим примером применения комбинированных нечетких регулярных выражений служит идентификация дискурсного маркера «on the other hand» на основе совокупности данных о позиции данного дискурсного маркера в предложении, а также о принадлежности одного или более токенов, предшествующих дискурсивному маркеру, к классу пунктуационных знаков. Тем самым, в соответствующем регулярном выражении сочетают-

ся лингвистический и количественный параметры. Данный подход позволяет идентифицировать дискурсный маркер «on the other hand» не только в срединной позиции в предложении, но также в начальной, при этом сочетании из нескольких пунктуационных знаков, возможные в случае оформления предложения как прямой речи (например, сочетание точки и открывающихся кавычек), корректно распознаются автоматизированным анализатором.

Таким образом, разработанный автоматизированный когнитивно-функциональный анализатор дискурсных маркеров представляет собой многофазный алгоритмический модуль GATE, написанный с применением нечетких регулярных выражений, задействующих ресурсный потенциал специализированного метаязыка описания поисковых шаблонов JARE. Идентификация дискурсных маркеров основана на автоматизированном анализе совокупности лексико-семантических, синтаксических, экстралингвистических и количественных критериев, на основе которого делается вывод о принадлежности лексемы или сочетания лексем к классу дискурсных маркеров, а также о соотносительности найденного дискурсного маркера с определенным набором когнитивно-функциональных параметров.

Список литературы

1. Каменский М.В. Социолингвистическая парадигма дискурсных маркеров (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2007.
2. Каменский М.В. Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров (на примере английского языка) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2012. – № 3. – С. 148 – 156.
3. Клини С. Представление событий в нервных сетях и конечных автоматах // Автоматы. – М.: Изд-во иностр. лит., 1956. – С. 17 – 27.
4. Нечёткий поиск в тексте и словаре. – [Электронный ресурс]: <http://habrahabr.ru/post/114997/>
5. Расширенные регулярные выражения – поиск в строках. – [Электронный ресурс]: http://www.solarix.ru/for_developers/api/regexex.shtml
6. Фридл Дж. Регулярные выражения. – СПб.: Символ-Плюс, 2008.
7. Chomsky N. Syntactic structures. The Hague: Mouton & Co., 1957.
8. McCulloch W.S., Pitts W. A Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity // Bulletin of Mathematical Biophysics / ed. by D.A. Norman. – Chicago: University of Chicago Press, 1943. – P. 115 – 133.
9. Thompson K. Programming Techniques: Regular Expression Search Algorithm // Communications of the ACM / ed. by R.M. McClure. – New York, NY: Association for Computing Machinery, 1968. – P. 419 – 422.

Образная репрезентация феноменологических когнитивных структур в тексте сказки

В статье исследуется образная репрезентация феноменологических когнитивных структур «мир как сон наяву» и «мир как игра» в тексте сказки Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес».

The article deals with the research of image-bearing representation of phenomenological cognitive structures "the world as a dream in reality" and "the world as a game" in the text of fairytale "Alice in Wonderland" by L.Carroll.

Ключевые слова: индивидуальное когнитивное пространство, феноменологическая когнитивная структура, лингвистическая когнитивная структура, гротеск.

Key words: individual cognitive space, phenomenological cognitive structure, linguistic cognitive structure, grotesque.

Каждое произведение несет определенный смысл, подчиняясь намерениям автора сообщить читателю информацию, основанную на его собственном опыте. Личный опыт, как и социальные знания, и коллективные представления, которые человек приобретает в процессе социализации, являются основой для его индивидуального когнитивного пространства (ИКП) [2, с. 64].

Феноменологические когнитивные структуры (ФКС) наряду с лингвистическими когнитивными структурами (ЛКС) представляют собой определенным образом организованные и структурированные участки когнитивного пространства. Информация, которая кодируется и хранится в виде когнитивных структур, включает в себя сведения (знания и представления) не только о реальном окружающем мире, но и знания языка и о языке. Таким образом, ЛКС включают в себя совокупность знаний и представлений о законах языка, в том числе и о законах функционирования его единиц и построения речи; ФКС отражают совокупность знаний и представлений о феноменах как экстралингвистического, так и лингвистического характера [2, с. 64 – 68]. Важно отметить, что в понимании главную роль играют ЛКС, при интерпретации актуализируются ФКС [3, с. 93 – 94].

Целью настоящей публикации явилось исследование обоих типов когнитивных структур как репрезентантов индивидуально-авторского лингво-когнитивного пространства Л. Кэрролла. Материалом для исследования ФКС послужил текст сказки Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес» (“Alice’s Adventures in Wonderland”).

В ходе анализа текста было выявлено, что основным средством реализации ИКП Л. Кэрролла выступает гротеск, который проявляется как на уровне ЛКС в виде средства художественной выразительности, так и на уровне ФКС как способ видения мира. В качестве рабочего определения гротеска мы взяли следующее: гротеск – своеобразный стиль в искусстве и литературе, которым подчеркивается искажение или смещение норм действительности и совместимость контрастов – реального и фантастического, и в основе которого была положена сложная композиция несоответствий [1, с. 92 – 93]. Через призму гротеска были выявлены две ФКС текста сказки «Приключения Алисы в Стране Чудес», отражающие авторское представление окружающего мира двояко – как сон и как игру. При этом ведущей ФКС выступает «мир как сон наяву», акцентирующая причудливое видение мира автором.

Переход реального мира в фантастический происходит с вводом Белого Кролика (White Rabbit) – персонажа, сочетающего в себе несочетаемое, как в гротескном отображении. Алиса сидела с сестрой на берегу реки, сестра читала книгу, Алису клонило в сон. Внезапно она увидела кролика и побежала за ним: «There was nothing so very remarkable in that; nor did Alice think it so VERY much out of the way to hear the Rabbit say to itself, “Oh dear! Oh dear! I shall be late!” (when she thought it over afterwards, it occurred to her that she ought to have wondered at this, but at the time it all seemed quite natural); but when the Rabbit actually took a watch out of its waistcoat-pocket, and looked at it, and then hurried on, Alice started to her feet, for it flashed across her mind that she had never before see a rabbit with either a waistcoat-pocket, or a watch to take out of it, and burning with curiosity, she ran across the field after it, and fortunately was just in time to see it pop down a large rabbit-hole under the hedge» [5, с. 1].

Ввод необычного персонажа происходит постепенно и уравнивается таким словосочетанием, как at the time it all seemed quite natural. Одновременно с этим Алиса перемещается в иное пространство, названное автором Страной Чудес (Wonderland), в которой Белый Кролик одет в жилетку и перчатки, носит в жилетном кармане часы и живет в доме с надписью «Б. Кролик»: «As she (Alice) said this, she came upon a neat little house, on the door of which was a bright brass plate with the name “W. RABBIT” engraved upon it» [5, с. 8].

Часы, жилетный карман, кролик – логически не сочетаемые существительные, которые присутствуют в одном контексте. Гротеск в данном случае реализуется посредством олицетворения (антропоморфизма), наделяющего образ кролика человеческими качествами, в том числе речью и манерами. Следует отметить, что олицетворение – это наиболее типичное средство художественной выразительности для сказок Л. Кэрролла, особое лингвостилистическое средство создания гротеска.

Окружающий мир предстает сном, в котором пребывает Алиса, сном, наполненным необычными существами. Автор не ограничивает себя в гро-

тесном преобразении мира, доводя до абсурда даже ситуацию, в которой обыкновенная Гусеница (Caterpillar) курит кальян и вступает в диалог: «She (Alice) stretched herself up on tiptoe, and peeped over the edge of the mushroom, and her eyes immediately met those of a large caterpillar, that was sitting on the top with its arms folded, quietly smoking a long hookah, and taking not the smallest notice of her or of anything else. (...) The Caterpillar and Alice looked at each other for some time in silence: at last the Caterpillar took the hookah out of its mouth, and addressed her in a languid, sleepy voice.

“Who are YOU?”, - said the Caterpillar [5, с. 11].

Сочетание несовместимых существительных и глаголов (a large caterpillar was smoking a long hookah) создает атмосферу сказочности, нереальности происходящего. Автор как будто создает иное пространство, в соответствии со своими интенциями и представлениями о мире, при этом, созданный им мир существует по определенным законам, которые отличаются от законов реальности.

Гротеск проявляется во всех ситуациях, имеющих в своей основе олицетворение, а внешние изменения персонажей могут гиперболизироваться через призму гротеска до фантастических пространственных трансформаций, как, например, у Чеширского Кота: «<...> when she (Alice) was a little startled by seeing the Cheshire Cat sitting on a bough of a tree a few yards off.

The Cat only grinned when it saw Alice. It looked good-natured, she thought: still it had very long claws and a great many teeth, so she felt that it ought to be treated with respect.

“Cheshire Puss,” – she began, rather timidly, as she did not at all know whether it would like the name: however, it only grinned a little wider» [5, с. 17].

В приведенном примере, наряду с олицетворением, основным языковым средством гротескного описания, выступают дистантный повтор и контекстуальные антонимы. Улыбка кота, которая неоднократно акцентируется автором, является еще одним свидетельством неестественности происходящего.

Гротескные изменения затрагивают не только внешние черты персонажей. Анализ показал, что в тексте сказок чередуются гротескные описания внешности и внутреннего мира персонажей. Наряду с сумасшедшими Болванщиком (Hatter) и Мартовским Зайцем (March Hare) автор подчеркивает внутреннюю нестандартность всех героев без исключения (ввод повторяющегося прилагательного mad с местоимениями they, we, I, you):

“In THAT direction,” - the Cat said, waving its right paw round, - “lives a Hatter: and in THAT direction,” waving the other paw, “lives a March Hare. Visit either you like: they're both mad.”

“But I don't want to go among mad people,” - Alice remarked.

“Oh, you can't help that,” - said the Cat: “we're all mad here. I'm mad. You're mad.”

“How do you know I'm mad?” - said Alice.

“You must be,” – said the Cat, – “or you wouldn't have come here” [5, с. 17].

Глагол *must* подчеркивает необходимость быть таким, как все, что усиливается словосочетанием *or you wouldn't have come here*. Следовательно, каждый, кто попадает в сказочную страну, наделяется именно теми чертами, которые свойственны миру ирреальности.

Гротеск проявляется в манерах и поведении персонажей в целом. Сон, в котором находится Алиса, буквально пронизан гротескными трансформациями, и все герои этого сна живут в своей собственной реальности, в которой они чувствуют себя совершенно обыденно: «There was a table set out under a tree in front of the house, and the March Hare and the Hatter were having tea at it: a Dormouse was sitting between them, fast asleep, and the other two were using it as a cushion, resting their elbows on it, and the talking over its head» [5, с. 18].

Гротеск опирается на персонификацию при изображении героев как живой природы (в отрывке выше – Мартовский Заяц (*March Hare*), Мышь-Соня (*Dormouse*)), так и предметного мира, в частности обычные карты перенимают черты людей – они могут говорить, слышать и высказывать суждения: «A large rose-tree stood near the entrance of the garden: the roses growing on it were white, but there were three gardeners at it, busily painting them red. <...> “Look out now, Five! Don't go splashing paint over me like that!”

“I couldn't help it,” - said Five, in a sulky tone; “Seven jogged my elbow.”

On which Seven looked up and said, “That's right, Five! Always lay the blame on others!”

“YOU'D better not talk!” - said Five. “I heard the Queen say only yesterday you deserved to be beheaded!”» [5, с. 22].

Числительные в приведенном выше отрывке выступают в качестве имен собственных, наделяя предметы способностью совершать действия и мыслить. Сопутствующие им глаголы в словосочетаниях *busily painting them red; don't go splashing paint over me like that; Seven jogged my elbow; on which Seven looked up and said* дают представление о картах как о живых существах.

Олицетворение предметов вещного мира не случайно, это один из приемов условного изображения абстрактной идеи, реализации другой ФКС, вычлененной нами, – «мир как игра». В таком мире людьми, как картами, можно играть: «First came ten soldiers carrying clubs; these were all shaped like the three gardeners, oblong and flat, with their hands and feet at the corners: next the ten courtiers; these were ornamented all over with diamonds, and walked two and two, as the soldiers did. After these came the royal children; there were ten of them, and the little dears came jumping merrily along hand in hand, in couples: they were all ornamented with hearts. Next came the guests,

mostly Kings and Queens, and among them Alice recognized the White Rabbit: it was talking in a hurried nervous manner, smiling at everything that was said, and went by without noticing her. Then followed the Knave of Hearts, carrying the King's crown on a crimson velvet cushion; and, last of all this grand procession, came THE KING AND QUEEN OF HEARTS» [5, с. 22].

Иерархичность, в основе которой перечисление, намеренно подчеркивается автором – все происходит как в современном обществе, где есть классы, социальные группы и слои. Однако одновременно с этим значимость этих выдуманных людей-карт отрицается: « (...) and, turning to Alice, she (the Queen) went on, “What's your name, child?”

“My name is Alice, so please your Majesty,” - said Alice very politely; but she added, to herself, “Why, they're only a pack of cards, after all. I needn't be afraid of them!” [5, с. 22].

Более необычной становится ситуация, когда люди-карты начинают сами вступать в игру. В игре с Королевой в крокет абсурдность происходящего подчеркивается еще и тем, что инвентарем выступают живые существа: ежи в роли мячей, фламинго в роли молотков, а солдаты, сгибаясь вдвое, изображают ворота.

“Get to your places!” - shouted the Queen in a voice of thunder, and people began running about in all directions, tumbling up against each other; however, they got settled down in a minute or two, and the game began. Alice thought she had never seen such a curious croquet-ground in her life; it was all ridges and furrows; the balls were live hedgehogs, the mallets live flamingoes, and the soldiers had to double themselves up and to stand on their hands and feet, to make the arches.

The chief difficulty Alice found at first was in managing her flamingo: she succeeded in getting its body tucked away, comfortably enough, under her arm, with its legs hanging down, but generally, just as she had got its neck nicely straightened out, and was going to give the hedgehog a blow with its head, it WOULD twist itself round and look up in her face, with such a puzzled expression that she could not help bursting out laughing: and when she had got its head down, and was going to begin again, it was very provoking to find that the hedgehog had unrolled itself, and was in the act of crawling away: besides all this, there was generally a ridge or furrow in the way wherever she wanted to send the hedgehog to, and, as the doubled-up soldiers were always getting up and walking off to other parts of the ground, Alice soon came to the conclusion that it was a very difficult game indeed» [5, с. 23].

Временная форма continuous и герундий замедляют происходящее действие, создается впечатление участия, одновременности и реальности. Наряду с этим ввод посторонних нелогичных словосочетаний, таких как the doubled-up soldiers were always getting up and walking off to other parts of the ground дает представление о мире выдуманном.

“I don't think they play at all fairly,” Alice began, in rather a complaining tone,” and they all quarrel so dreadfully one can't hear oneself speak – and they

don't seem to have any rules in particular; at least, if there are, nobody attends to them – and you've no idea how confusing it is all the things being alive; for instance, there's the arch I've got to go through next walking about at the other end of the ground – and I should have croqueted the Queen's hedgehog just now, only it ran away when it saw mine coming?” [5, с. 24].

Происходящий на площадке хаос создается нагромождением слов и употреблением полисиндетона, в то же время происходящее упорядочивается разъяснением логичности происходящего с помощью слов *for instance, and, only*.

Интересно соотношение ФКС «мир как сон» и «мир как игра» в семантическом пространстве текста: одна из них может преобладать, или же они могут сливаться в единое целое. Неоднозначность системы образов, в которой переплетаются гротескные черты персонажей и действия, совершаемые ими, позволяют совместить КС «игра» и «сон». Так в тексте сказок возникает морская кадриль Черепахи Квази (*Mock Turtle*) и Грифона (*Gryphon*). Как и другие персонажи сказок об Алисе, они переняли многие черты людей, умеют говорить и даже плакать: «They had not gone far before they saw the Mock Turtle in the distance, sitting sad and lonely on a little ledge of rock, and, as they came nearer, Alice could hear him sighing as if his heart would break. She pitied him deeply. “What is his sorrow?” - she asked the Gryphon, and the Gryphon answered, very nearly in the same words as before, “It's all his fancy, that: he hasn't got no sorrow, you know. Come on!”

So they went up to the Mock Turtle, who looked at them with large eyes full of tears, but said nothing» [5, с. 27].

Фоновые персонажи, представленные в текстах сказок, активны: в той игре, которой волей автора предстает мир, на них возложена та или иная роль. Так, они участвуют в суде (в качестве зрителей и присяжных) в Стране Чудес, где сам по себе суд не имеет смысла. Примечательно, что автор не дает каждому из персонажей отдельной оценки, тем самым позволяя читателю самому додумать их гротескные черты: «The King and Queen of Hearts were seated on their throne when they arrived, with a great crowd assembled about them – all sorts of little birds and beasts, as well as the whole pack of cards: the Knave was standing before them, in chains, with a soldier on each side to guard him; and near the King was the White Rabbit, with a trumpet in one hand, and a scroll of parchment in the other» [5, с. 31].

The judge, by the way, was the King; and as he wore his crown over the wig, (look at the frontispiece if you want to see how he did it), he did not look at all comfortable, and it was certainly not becoming.

“And that's the jury-box,” - thought Alice, - “and those twelve creatures”, (she was obliged to say “creatures”, you see, because some of them were animals, and some were birds), “I suppose they are the jurors” [5, с. 32].

Комичность и абсурдность происходящего подчеркивается контекстуальной гипонимией: слово *crowd* выступает как гипероним по отношению к тематически разнородным словам – гипонимам *birds and beasts, pack of*

card; а также неловкостью Короля, надевшего корону на судейский парик.

Итак, можно сделать вывод, что семантическое пространство сказочного мира текста сказки «Приключения Алисы в Стране Чудес» конструируется с помощью двух феноменологических когнитивных структур – «мир как сон наяву» и «мир как игра». Вторая из названных феноменологических когнитивных структур логично дополняет первую, позволяя причудливо сочетать реальное и ирреальное, серьезное и комическое. Свою текстовую реализацию эти феноменологические когнитивные структуры находят в образах персонажей, опираясь на определенный набор языковых средств, основными среди которых являются олицетворение и повтор (для двух феноменологических когнитивных структур), а также использование антонимических противопоставлений (феноменологическая когнитивная структура «мир как сон наяву»), образное сравнение, полисиндетон и использование возможностей временных форм глагола (феноменологическая когнитивная структура «мир как игра»). В совокупности эти средства создают гротеск как художественный прием, лежащий в основе лингвистических когнитивных структур, ответственных за вычленение данных феноменологических когнитивных структур.

Список литературы

1. Квятковский А.П. Гротеск // Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1966. – С. 92 – 93.
2. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003.
3. Кубрякова Е.С. Текст – проблема понимания и интерпретации // Семантика целого текста. – М.: Наука, 1987. – С. 93 – 94.
4. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. Сквозь зеркало, и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. Перевод с англ. Н.М. Демуровой, 2-е стереотип. изд. – М.: Наука, 1991.
5. Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. Библиотека «Артефакт». – [Электронный ресурс]: <http://andrey.tsx.org/>

Феномен хамства в деструктивном общении

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода рассматривается феномен хамства в коммуникации, выделяются конститутивные понятийные признаки одноименного концепта. Исследуются вербальные и невербальные приемы хамства как коммуникативной тактики деструктивного общения, предлагается прототипический сценарий соответствующей коммуникативной ситуации.

Within the cognitive-discursive approach, the phenomenon of boorishness (“hamstvo”) is considered in communication, constitutive conceptual features of the like-named concept are described. The verbal and nonverbal communication techniques of boorishness as a communicative tactics are investigated, a prototypical scenario of the corresponding communicative situation is offered.

Ключевые слова: деструктивное общение, коммуникативная тактика, коммуникативный прием, коммуникативное поведение, хамство, вербальная / невербальная агрессия, когнитивный сценарий.

Key words: Destructive communication, communicative tactics, communicative technique, communicative behaviour, boorishness (“hamstvo”), verbal / non-verbal aggression, cognitive script.

Изучение коммуникативного поведения показывает, что деструктивность обнаруживает себя практически во всех сферах межличностного взаимодействия, начиная с бытового общения и заканчивая политической коммуникацией, что позволило выделить особый тип человеческого общения, получивший название деструктивного. Под деструктивным общением мы понимаем тип общения, направленный на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризующийся чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты. Необходимо оговориться, что согласно деятельностному подходу, в рамках которого ведется наше исследование, термины «общение» и «коммуникация» рассматриваются как эквивалентные. Выделение деструктивного общения как типа общения предполагает определение ряда параметров, важнейшим из которых являются коммуникативная цель и стратегия ее реализация. В нашем случае коммуникативная цель деструктивного общения заключается в стремлении травмировать собеседника, причинить ему психологический или даже физический вред, всячески умалить его личностную значимость. Подобная коммуникативная цель выводит деструктивное общение за рамки подлинно межличностного взаимодействия, которое подразумевает индивидуализированное отношение одного коммуниканта к другому, подтверждение и возвышение его Я.

Соответственно главной коммуникативной стратегией деструктивного общения является стратегия собственного возвышения за счет унижения другого. Эта стратегия реализуется в коммуникации с помощью некоторых деструктивных тактик (совокупности коммуникативных ходов, выполняемых в определенной последовательности), к которым мы относим и хамство.

Хамство как явление массовой культуры приобрело в настоящее время невероятный размах, проблеме хамства посвящено немало статей, передач (см., например, программу «Хамство – наш последний аргумент» из цикла «НТВшники» 2010 г., порталы AngryCitizen.ru, hamstvo.net) и т.п. Интернет-поисковые системы выдают на запрос «хамство» порядка 3 млн. результатов! Хамство вполне заслуживает рассмотрения как лингвокультурный концепт, ибо отвечает всем требованиям, предъявляемым к данной категории объектов. Однако в нашей статье мы предлагаем рассмотреть только понятийную составляющую концепта «хамство», сосредоточив внимание на хамстве как коммуникативной тактике деструктивного общения, включая коммуникативные приемы и построение прототипической ситуации хамского коммуникативного поведения. В качестве материала для исследования были отобраны видеосюжеты, ручные и аудиозаписи соответствующих ситуаций общения, а также фрагменты дискурсов на Интернет-форумах, художественных и публицистических текстов в количестве более 1000 контекстов.

Для определения понятийного ядра концепта «хамство» обратимся к толковым и этимологическим словарям. «Хамство» определяется через понятие «хам»: некультурность, невежество, свойственные хаму [2]. Толковый словарь В.И. Даля приводит следующее определение слова «хам»: бранное прозвище лакеев, холопов или слуг; крепостной. Хамство ср. хамовщина ж. лакейщина. Отсюда и следующие пословицы и примеры, приводимые В.И. Далем: Из хама не будет пана. По бороде Авраам, а по делам – Хам. При нем все хамы служат, подлый народ, люди низкого рода и безусловные поклонники. Хамоватый человек – это холоповатый, неуч [3, III, ст. 1165]. Этимологически «хам» возводится к имени Хама, сына Ноя [8, IV, с. 220]. Согласно Библии, Хам повел себя непочтительно по отношению к своему отцу, Ною: «Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и выйдя, рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего. Ной проспался от вина своего и узнал, что сделал над ним меньший сын его, и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Быт.9, 20-25). Непочтительное отношение к отцу отразилось не столько на Хаме, сколько на его потомстве – четвертый сын Хама – Ханаан был проклят Ноем: «раб рабов будет он у братьев своих» (Быт.9:25), возможно именно поэтому первоначальное значение слова «хам» и было синонимично слову «раб». Очевидно, что лекси-

ческое значение слова «хам» претерпело существенные изменения в русском языке. Со временем слово «хам» стало синонимом слова «ловила». Так называли ловкого, изворотливого человека, пройдоху, проныру, умеющего устраивать свои дела, позабыв о моральных и этических нормах, выработанных предшествующими поколениями [9]. В современных толковых словарях «хам» определяется как «грубый, наглый человек» [6, с. 702], «грубый, наглый, невоспитанный человек, способный на подлости» [5], «бессовестный, наглый человек» [2], а значение «презрительное название человека, принадлежавшего к низшим классам и потому лишённого человеческого достоинства», уже относится к устаревшим. Однако словами «наглость», «грубость», «подлость» невозможно объяснить понятие «хамство». «Наглый» означает крайне нахальный, дерзко-бесстыдный [6, с. 301], «грубый» – недостаточно культурный, неучтивый, неделикатный [6, с. 119], «подлый» – низкий в нравственном отношении, бесчестный [6, с. 435]. Но наглость, хотя зачастую и граничит с хамством, может иметь и положительную эмоционально-оценочную характеристику, когда акцент ставится именно на уверенности в совершаемых человеком действиях, а не на их бесцеремонности; подлость включает в себе отрицательную оценку нравственных свойств, т.е. имеет оценочно-этическое значение – подлое и хамское поведение могут вообще не иметь между собой ничего общего. Грубость в общении зачастую бывает оправдана коммуникативной ситуацией, она может быть добродушной и простодушной, но хамство добродушным не бывает никогда. С трудностью толкования лексемы «хамство» столкнулся В.В. Набоков, пытаясь объяснить значение данного слова американским студентам-славистам. Психолог В.Г. Ромек вспоминает о дискуссии литераторов и общественных деятелей на тему хамства в прямом эфире радиостанции «Радио Свобода». Пытаясь вычленив ключевые признаки хамства, участники дискуссии сошлись на том, что хамство все интуитивно чувствуют, но никак не могут определить. Встретившись с ним, все понимают, что это есть хамство, но почему это так, точно сказать не могут [7]. Проведенный нами опрос информантов (50 человек в возрасте от 19 до 75 лет давали определение хаму и хамству) также показал, что большинство опрошенных считают основными характеристиками хама грубость (46,7 %), невоспитанность (26,7 %), агрессивность (13,3 %), наглость (6,7 %). Часть информантов (26 %) попытались как-то отграничить хамство от вышеуказанных признаков, указав, что хамство предусматривает отсутствие чувства вины за нанесение оскорбления, неуважительность к собеседнику или самоутверждение за счет собеседника. Полученные результаты также подтверждают тот факт, что большинство носителей языка испытывают трудности в толковании лексемы «хамство».

Писателю С.Д. Довлатову удалось, на наш взгляд, дать максимально точное определение хамству: «Хамство есть не что иное, как грубость, наглость, нахальство, вместе взятые, но при этом – умноженные на безнаказанность. Именно в безнаказанности все дело, в заведомом ощущении

ненаказуемости, неподсудности деяний, в том чувстве полнейшей беспомощности, которое охватывает жертву. Именно безнаказанностью своей хамство и убивает вас наповал, вам нечего ему противопоставить, кроме собственного унижения, потому что хамство – это всегда «сверху вниз», это всегда «от сильного – слабому», потому что хамство – это беспомощность одного и безнаказанность другого, потому что хамство – это неравенство» [4]. В.Г. Ромек причисляет к вышеперечисленным характеристикам хамства еще и критерий анонимности, подчеркивая тем самым «рабское» положение хама [7]. Таким образом, в конститутивных понятийных характеристиках соответствующего концепта эксплицированы следующие признаки: 1) установка на заведомую беспомощность жертвы; 2) референция к вызывающе оскорбительному поведению; 3) интенция обидеть, незаслуженно оскорбить; 4) осознание безнаказанности / анонимности совершенных оскорбительных действий; 5) получение удовлетворения от унижения и растерянности собеседника.

Интересно, что, несмотря на обилие соответствующих публикаций, в психологии и социологии до сих пор нет такого раздела, как психология хамства, но на самом деле практически каждое направление указанных наук так или иначе затрагивает эту проблему – ведь хамство является образцом девиантного поведения личности [1]. Психологи видят основную причину хамства в нарастании общей агрессивности в обществе, что в свою очередь, вызывается психологическим неблагополучием большей части населения: нестабильностью, низким уровнем зарплаты и другими стрессорами, которые вызывают накопление раздражения, направленного на всех и вся. Среди причин хамства часто называют отсутствие психологической культуры, например, умения расслабляться, сублимировать свою агрессию с помощью спорта, физической нагрузки. Не последняя роль отводится так называемому научению по моделям (*observational learning / modeling*) (термин А. Бандуры), ставящему человеческие действия в зависимость от тех образцов поведения, которые люди считают эффективными. Если человек видит, что хамское общение эффективно для достижения целей, то он с большой вероятностью будет использовать модели хамского общения в своей коммуникативной практике. Психолог Д. Кузов поясняет, что истинные хамы — это люди с так называемой эпилептоидной акцентуацией характера. У них длительно накапливаются тоскливо-злые чувства, и первая же «благоприятная» ситуация провоцирует приступ словесной агрессии [10]. Однако вербальная агрессия и хамство – явления одного поля, но разного порядка. Если один человек оскорбляет другого и факт оскорбления может быть доказан, то вступает в силу Статья 130 УК РФ «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Психологической основой хамства выступает уверенность в том, что хам не будет отвечать за свои действия (будь они вербальными или невербальными): если вдруг хам осознает, что ответственность может наступить (например, если у жертвы чиновничьего

хамства окажется влиятельный родственник или знакомый, или эпизод записывается на видео- или аудиооборудование), то ситуация в корне меняется. В нашей картотеке в абсолютном большинстве примеров чиновничьего хамства отсутствует прямая вербальная агрессия и инвективное словоупотребление. Основными приемами являются следующие: приемы невербальной пассивной агрессии – отказ выполнить требуемую просьбу (например, принять заявление), прямой пассивной вербальной агрессии – отказ разговаривать / игнорирование просьб / замечаний клиента, косвенной вербальной агрессии – ироничные или саркастические замечания в адрес клиента. Однако прием прямой вербальной агрессии – вербальное оскорбление – также используются, особенно в случаях, когда субъект осознает свою неуязвимость. Яркий случай чиновничьего хамства, послуживший причиной громкого скандала в СМИ, произошел в г. Туле в сентябре текущего года. Ветеран труда Г. Германенко заявила, что ее оскорбила заместитель губернатора региона Юлия Марьясова: «<...> И когда я только к ней обратилась, она взяла меня за грудки и стала меня от себя отгонять, в дверь толкать (курсив здесь и далее в примерах наш. – Я.В.). Я, конечно, чуть не упала, меня сзади поддержали, мне было очень плохо. Народ стал кричать: "Галина Викторовна, пишите письмо губернатору". <...> Я считаю, что Юлия Марьясова недостойна этой должности. Она меня назвала "подзаборной бабкой" — сказала, «что тут пришли эти подзаборные бабки» (<http://www.rosbalt.ru/federal/2013/10/07/1184515.html> - 07.10.2013). Несколько недель спустя Ю. Марьясова написала заявление в полицию, в котором она требует привлечь к уголовной ответственности Г. Германенко и лиц, которые допустили появление материалов в эфире ТК «ТелеТула» и ИА «Тульские новости», за клевету. Таким образом, даже если приведенный случай имел место, это теперь вряд ли удастся доказать.

Приведем следующий пример. Зашла в так называемый киоск с ребенком, купила какую-то мелочь, оплачиваю и даю 2 монеты по 5 копеек. Нормальные деньги. Продавец дает мне уже товар. Я его беру. Она: «Мы не принимаем 5-копеечные. Давайте 10 копеек» (У меня нет, наскребла мелочь). Я: «Нормальные деньги, их принимает любой банк, что ...». Она перебивает: «Я по банкам не хожу! Отдай товар и иди отсюда!». Я: «Это не мои проблемы, что вы грубите из-за 10 копеек, есть права потребителя...». Она: «Зайди только еще раз сюда!». Я: «Я имею право расплачиваться теми деньгами, которыми располагаю». Она мне в спину: «Пошла на...» (<http://www.u-mama.ru/forum/gossip/everything/27623/index.html> - 17.10.2013).

Перед нами – классическая ситуация институционального хамства в диаде «работник сферы обслуживания – клиент». В данном примере конфликт стимулируется вербальным (отказом дать монету желаемого номинала) фактором. Замечания и разумные доводы оказываются бессмысленными и наталкиваются на фразы «Я по банкам не хожу! Отдай товар и иди отсюда!». Хам признает только свои суждения, какими бы неверными или даже абсурдными они ни были. Если оппонент пытается пре-

сечь хамство («Это не мои проблемы, что вы грубите из-за 10 копеек, есть права потребителя...»), то оно перерастает в истерику, прямые оскорбления и угрозы («Зайди только еще раз сюда!», «Пошла на...»), причем присутствие маленького ребенка не сдерживает словесной агрессии хама.

Отметим, что кроме хамства в диадах «работник сферы обслуживания – клиент», «чиновник – посетитель», институциональное хамство реализуется в диаде «начальник – подчиненный». Кроме этого, можно говорить о бытовом / семейном, «культурном» и психологическом видах хамства, каждый из которых несколько отличается в сценариях соответствующей коммуникативной ситуации. Но именно в силу своей безнаказанности хамство было, есть и остается лучшей защитой, лучшим нападением и последним аргументом в споре.

Отдельную группу примеров хамского коммуникативного поведения составляют примеры хамства на дорогах, где используются, в основном, невербальные приемы: различные приемы неаккуратного вождения, создающие нервную и аварийно опасную обстановку на дорогах, а также жестовые приемы. К последним относится ряд мануальных жестов угрозы и оскорбления (погрозить кулаком, покрутить пальцем у виска, постучать рукой по лбу, выставить средний палец). Особую «популярность» в последнее время приобрел последний из перечисленных нами жестов – грубый оскорбительный жест, по мнению антрополога и исследователя жестовой коммуникации Д. Морриса, являющийся одним из самых древних из известных нам жестов.

Анализ имеющихся примеров хамства в коммуникации позволил построить следующий прототипический когнитивный сценарий (ему отвечают приблизительно 2/3 проанализированных примеров): присутствует некий раздражающий эмоциональный стимул (недовольный клиент, нарушивший правила (или просто чем-то мешающий), водитель и т.п.). Далее следует грубый или оскорбительный выпад по отношению к собеседнику (вербальный (использование грубой или сниженной лексики, *Ты*-общение) или невербальный (раздраженная интонация, использование жестов вместо вербального общения, игнорирование собеседника)), затем попытка собеседника привести логические доводы, либо образумить хама с помощью законных методов; в результате – вербальные проявления агрессии в виде угроз и оскорблений, нецензурной лексики, на которые возможны два основных типа реакций оппонента – продолжить конфликт, используя тактики и приемы хама и, возможно, перейти к активным агрессивным действиям, или проигнорировать хама, уйти с «поля битвы» (при условии, что хам не переходит к физическим агрессивным действиям). В абсолютном большинстве рассмотренных нами примеров, оппоненты предпочли второй способ, сопровождая свой уход такими фразами, как «Я найду на вас управу!», «Ну и ну! Я напишу на вас в комитет по защите прав потребителей», «Я выложу съемки в Интернет», и т.п. Однако нужно заметить, что такие угрозы «законной» расправы, как правило, остаются нереализо-

ванными именно потому, что каждый понимает, что наказать хама законными способами практически невозможно. Возможные отклонения от указанного прототипического сценария включают в себя нестандартные реакции на хамство (в одном из наших примеров женщина жалуется, что она начинает неконтролируемо рыдать, когда ей хамят), в то время как коммуникативное поведение самого хама остается практически неизменным.

Подведем итоги. Хамство представляет собой лингвокультурный феномен, бурно процветающий на всех уровнях в современном российском обществе. Коммуникативное поведение хама относится к деструктивному типу, ибо не является врожденным, носит осознанный характер и нацелено на получение психологического удовлетворения от моральных страданий жертвы. Коммуникативная тактика хамства представлена рядом вербальных и невербальных приемов, характерных для деструктивного общения в целом, что делает изучение данного феномена и выработку эффективных моделей «нейтрализующего» коммуникативного поведения личностно и социально значимыми задачами.

Список литературы

1. Архангородский М. Хамство как феномен девиантной личности. – [Электронный ресурс]: <http://hpsy.ru/public/x5020.htm>.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – [Электронный ресурс]: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – 3-е изд., испр. и значительно доп. / под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1903–1909.
4. Довлатов С.Д. Это непереводаемое слово "хамство". – [Электронный ресурс]: <http://www.sergeidovlatov.com/books/etoneper.html>.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – [Электронный ресурс]: <http://www.efremova.info/search/>(
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987.
7. Ромек В.Г. Хамство непобедимо? // ЧФ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ, Человеческий фактор. – Ярославль, 2004. – Вып. № 1(7). – [Электронный ресурс]: <http://www.gomek.ru> (дата обращения: 10.10.2013)
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – СПб.: Терра-Азбука, 1996.
9. Хамство. Определение понятия. – [Электронный ресурс]: <http://osmolovskiy.livejournal.com/636.html> (дата обращения: 07.09.2012).
10. Хамите, парниша! Как не стать жертвой психологической агрессии и не превратиться в хама самому. – [Электронный ресурс]: <http://www.kokina.ru/art2011-17.htm>

Оценка умственных способностей человека в английском языковом сознании

В статье выявляется специфика оценки интеллектуальных способностей человека в английском языке, рассматриваются типы оценки и семантические особенности оценки.

The article deals with the evaluation of a person's intellectual abilities in English language, evaluation types and semantic features of evaluation reviewed.

Ключевые слова: интеллектуальные способности человека, оценка, шкала оценок, типы оценки, объект оценки, субъект оценки.

Key words: person's intellectual abilities, evaluation, graduation, evaluation types, object of evaluation, subject of evaluation.

Целью данной статьи является выявление специфики оценки умственных способностей в английском языковом сознании. Человек, общаясь с другими людьми и будучи склонным к анализу, непроизвольно дает оценку их деятельности, поступкам, умственным способностям. В российской научной парадигме яркими представителями, изучающими вопрос оценки, являются Е.М. Вольф, В.Н. Телия, А.А. Ивин.

В.Н. Телия дает следующее определение понятию оценки: «оценка – это связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего/слушающего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» [3, с. 22 – 23].

Российские ученые выделяют следующие основные компоненты оценки: субъект оценки, объект оценки, основание оценки, шкала оценок. Также к структуре оценки некоторые ученые относят аксиологические предикаты, оценочные мотивировки, оценочные модусы, оценочный стереотип, аспект оценки. Под субъектом оценки понимается «лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки» [2, с. 21]. Объект оценки – это «лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка» [1, с. 12]. Под основанием оценки подразумевается «та позиция или те доводы, которые склоняют субъектов к одобрению, порицанию или выражения безразличия в связи с разными вещами» [2, с. 27]. Шкала оценок подразумевает «некоторую базовую переменную, т.е. общий признак, который включает признаки, расположенные по этой шкале, как части» [1, с. 56].

Ученые в России представляют типологию оценок в оппозициях, существует следующая классификация оценок: 1) положительные и отрицательные оценки: *He is clever. Cf.: He is stupid*; 2) эксплицитные и имплицитные оценки: *He is not wise. Cf.: In a recent paper for the journal Intelligence, the notorious Professor Richard Lynn has argued that intelligent people are "less likely to believe in God". (= Those who believe in God are not intelligent)*; 3) субъективные и объективные оценки: *I think he is clever. Cf.: He is considered to be clever*; 4) абсолютные и сравнительные оценки: *He is a clever person. Cf.: Tom is cleverer than Tim*; 5) эмоциональные и рациональные оценки: например, высказывание *What a fool he is!* может быть сиюминутной эмоциональной реакцией говорящего на поведение адресата или умозаключением, сделанным в результате продолжительных наблюдений за его действиями и поступками; 6) общие и частные оценки: *A good girl. A good report. Cf.: A clever girl. A clever report.*

Оценке интеллектуальных способностей человека свойственны семантические особенности. Мы придерживаемся списка семантических особенностей, выделенных Е.М. Вольф, и берем их за основу. Е.М. Вольф в книге «Функциональная семантика оценки» выделяет следующие семантические особенности оценки: субъективный и объективный факторы, оценочный и дескриптивный компоненты, функция выражения и функция замещения оценочных слов, проблема истинности оценки и свойства оценочного предиката. Описывая свойства оценочного предиката, Е.М. Вольф говорит об эмотивности (оценочности), эмоциональной и рациональной оценках, экспрессивности, аффективности и интенсификации.

К семантическим особенностям оценки интеллектуальных способностей человека мы относим субъективный и объективный факторы, оценочный и дескриптивный компоненты, функции оценки, проблему истинности оценки и асимметричность полюсов.

Любое оценочное высказывание строится с учетом субъективного и объективного фактора оценки: субъекта, то есть того, кто оценивает, и объекта оценки, то есть того, что оценивается. Субъективный компонент предполагает положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к ее объекту (иногда его представляют в виде отношений «нравиться/не нравиться», «ценить/не ценить», «одобрять/не одобрять» и т.п.), в то время как объективный (дескриптивный, признаковый) компонент оценки ориентируется на собственные свойства предметов или явления, на основе которых выносятся оценка. Как пишет Е.М. Вольф, существуют два основных направления, рассматривающих проблему соотношения объективного и субъективного. Согласно первому направлению основным в оценке субъект в его отношении к объекту, а сторонники второго направления считают, что основным для оценки являются свойства объекта [1, с. 51 – 70]. Нами не ставится цель выявления основного компонента в оценке, поэтому и объект, и субъект являются взаимодействующими основными составляющими.

В.Н. Телия выделяет субъект оценочных высказываний и субъект экспрессивно-окрашенных высказываний. Если говорящий намеревается сказать о том, что некоторое лицо не блещет умом, то он может воспользоваться рядом средств выражений. Говорящий может назвать это лицо нейтрально, то есть оценить данное качество как объективный факт, не выражая своего личного пристрастия, но он и также вправе дать свою экспрессивно-окрашенную оценку, которая может быть не основана на реальных признаках и качествах объекта. Отличие субъекта оценочных высказываний от субъекта, экспрессивно окрашенного, определяется различием в целях. Оценочные высказывания «нацелены на сообщение о ценностной значимости для автора речи обозначаемого в высказывании, с тем чтобы сориентировать реципиента в определенной жизненной коллизии или в некоторой абстрактно мыслимой ситуации, причем таким образом, чтобы этот последний принял точку зрения автора речи как объективную» [4, с. 31 – 32]. Экспрессивно окрашенное высказывание «создается с тем, чтобы воздействовать на реципиента эмотивно, с субъективных позиций – передать личное мнение автора речи» [4, с. 32].

Одними из основных особенностей оценки интеллектуальных способностей человека являются субъективный и объективный компоненты, так как человек с его умственными способностями является и субъектом, и объектом оценки. Более того, человек может оценивать не только чьи-то интеллектуальные способности, но и свои. В данном случае мы можем наблюдать не только отношение «субъект – объект», но и «субъект – субъект».

Субъективный и объективный факторы находят свое отражение в оценочном и дескриптивном компонентах значения. В оценочных высказываниях об умственных способностях человека также можно наблюдать дескриптивный и оценочный компоненты. Например, в высказываниях «Марк – умный» или «Марк – глупый», на первый взгляд нам видится лишь оценочный компонент. Из этого можно заключить, что дескриптивный компонент не присущ оценке умственных способностей. Но согласно Е.М. Вольфу, «дескриптивные признаки полностью погашаются, когда на первый план выступает субъективный аспект оценки» [1, с. 78]. Отсюда следует, что если на первый план выступает объективный аспект, то в высказывании наблюдается дескриптивный признак. Поэтому, зная, что у Марка высокий уровень IQ, мы можем сказать, что «Марк – умный», и наоборот. В данной ситуации наблюдается признак, который является собственным свойством объекта, и прилагательное *умный* здесь несет дескриптивный признак.

Можно выделить следующие наименования, сочетающие в себе дескриптивные и оценочные значения интеллектуальных способностей человека: 1) наименования человека по психическим заболеваниям, влекущим интеллектуальные отклонения (*moron, insane, mad*); 2) наименования человека как обладателя высшей степени интеллектуальной одаренности (*genius, talent, prodigy*); 3) наименования человека по интеллектуальной

деятельности, профессии, званию (*academic, boffin, expert, professor*); 4) наименования персонажей литературных и фольклорных произведений, реальных лиц, известных национально-культурному сообществу своими интеллектуальными особенностями (прецедентные имена) (*Einstein; Tom, Dick and Harry*); 5) переносные оценочные наименования целостного человека разумного, основанные на его сходстве с животными и птицами (зоосемизмы) (*hare, owl*) и с неодушевленными предметами (*cabbage*) [3, с. 16].

Оценочные слова обладают такими функциями, как функция выражения и функция замещения. Например, в высказываниях *эта книга хорошая, он глупый человек* выражается отношение субъекта к объекту оценки – здесь присутствует функция выражения. В функции замещения оценочные слова «хорошо/плохо», «умный/глупый» «указывают на те или иные совокупности свойств, являясь как бы обобщающими именами класса свойств с определенным знаком, «+» или «-» [1, с. 81].

Выполняя функцию замещения, общеоценочные слова характеризуют отношение объекта к стереотипу, точнее, степень соответствия или несоответствия ему [1, с. 81]. Так, например, когда человек нанимается на работу, то работодатель, узнав, что у человека имеется диплом о высшем образовании, думает, что человек хороший. Поэтому в высказывании «Наш новый работник хороший» работодатель может подразумевать то, что новый работник умный.

Описывая интеллектуальные способности, можно выделить единицы, замещающие понятия «умный» и «глупый», но выражающие их через единицы, обозначающие «интеллектуальные части». Л.Б. Никитина выделяет компоненты образования концепта “*Homo Sapiens*”, одним из которых является партитивность. Партитивность – это характерная для языкового отображения человека категориальная семантическая черта, представленная абстрактной оппозицией «часть-целое», в основе которой лежит мыслительный процесс разделения целого на части и соединения частей в целое [3, с. 12]. Такими единицами могут выступать слова, обозначающие части человека, которые мыслятся как его анатомические составляющие, отвечающие за интеллект, например, такие слова, как *brain, head, mind, grey matter*. В предложении “*Some of our best brains are leaving the country to work in the US*” слово “*brains*” используется для обозначения понятия «умные люди». Здесь идет речь о метафорическом использовании единиц, но важным считаем то, что единицы, обозначающие анатомические составляющие человека, замещают единицы, выражающие интеллект и все, с ним связанное.

Актуальной остается проблема истинности оценки. Е.М. Вольф дает обзор нескольких подходов к данной проблематике. На протяжении долгого времени считалось, что оценка ни истинна, ни ложна, так как не может быть верифицирована, т.е. проверена путем соотнесения с действительностью. Есть также мнение, что вопрос об истинности должен рассматриваться по-разному для разных типов оценок [1, с. 84].

Существует несколько основных подходов к проблеме истинности оценки. Согласно первому подходу, основным представителем которого является Сэнфорд, истинность оценочных суждений «не является дискретной, а должна быть представлена как континуум, на котором располагаются высказывания от истинных до ложных» [1, с. 84]. Высказывания, располагающиеся вдоль шкалы и не занимающие полюсов этой шкалы, считаются неопределенными (*vague*), поэтому им можно приписывать как истинность, так и ложность, но с поправкой на непрерывность шкалы.

Сторонники второго подхода развивают данный вопрос в рамках семантики «возможных миров» пропозициональных установок, отражающих отношение личности к положению дел. Ряд авторов придерживаются мнения, что оценочные высказывания могут быть истинными или ложными в зависимости от их отношения к «возможным мирам» субъекта оценки [1, с. 85]. Под «возможным миром» видится концептуальная система носителя языка, т.е. та информация о действительном или возможном положении вещей в мире, которой располагает индивид-носитель. Например, в диалоге «*Она умная, сообразительная*» - «*А мне показалась глуповатой*» оценки умная и глуповатая являются истинными для субъектов речи. Они могут быть субъективными оценками, но истинными.

В нашем понимании истинной оценкой будет считаться оценка, истинная для субъекта речи.

Концепту, описывающему интеллектуальные способности человека, свойственна асимметричность полюсов положительной и отрицательной оценки («*умный*» – «*глупый*»). Анализируя дефиниции и записи из словарей, мы обнаружили количественное превосходство отрицательно-оценочной лексики. Л.Б. Никитина выделила оценочные средства выражения степени интенсивности оценки: 1) лексические средства (*clever – wise – talented – genius*); 2) синтаксические средства (*He behaves stupid. – He's stupid. He's stupid. – He's a fool.*); 3) стилистические средства (*brains – grey matter*); 4) словообразовательные средства (*educated – well-educated – ill-educated*); 5) прагматические и паралингвистические средства (деинтенсификация отрицательной оценки интеллекта наблюдается в ситуации неофициального общения близких людей: – *What a fool you are, Jonny!*; интенсификация – при соответствующем интонационном оформлении высказывания и сопровождающих его жестах: – *Fool!!! – he shouted and tapped his temple with the index finger*) [3, с. 25].

Список литературы

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: КомКнига, 2006.
2. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.
3. Никитина Л.Б. Образ-концепт «*homo sapiens*» в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2006.
4. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

УДК 82.091:821.161.1-821.162.3

Корзинина А. А.

Исследование чешско-русских литературных взаимосвязей на современном этапе и место в них А.А. Фета

В статье исследуется проблема изучения чешско-русских литературных взаимосвязей на современном этапе (начало XXI века) и иллюстрируется непростая судьба творческого наследия А.А. Фета в современной Чехии. Дается обзор современных критических отзывов о поэте, анализируются причины игнорирования русской поэзии в современной Чехии, отсутствия современных чешских переводов А. Фета и отдельных крупных изданий о творчестве русского поэта в Чехии.

This paper deals with the problem study the Czech- Russian literary relationship at the present stage and illustrates the difficult fate of the creative heritage of A. Fet in the modern Czech Republic. It provides an overview of the modern Czech contemporary critical reviews about him, analyses the causes of ignoring Russian poetry in the modern Czech Republic and absence any selected publications about A. Fet.

Ключевые слова: чешско-русские литературные взаимосвязи XXI века, чешские и русские центры по изучению чешско-русских литературных отношений, восприятие, переводы А.Фета на чешский язык, русская литература в чешских переводах.

Key words: the Czech-Russian literary relationship of XXI century, Czech and Russian centers for the study of Czech-Russian literary relationship, perception, translation version of the poetry of Fet into Czech language, Russian literature in Czech translations.

Конец XX века представлял литературную Россию в Чехии именами, ранее не опубликованных русских авторов, которые для поколения чехов, изучавших русский язык и русскую литературу в школе в качестве обязательного предмета, представляли несомненный интерес. Кроме того, в конце века в сознании как чехов, так и русских людей шло переосмысление уходящей истории с ее политическими и общественными событиями, что дало право на существование литературе, посвященной культу личности, биографиям известных политиков и общественных деятелей, ранее не допущенной к печати научной и псевдонаучной литературе.

Итог тому, что интересовало, что переводили и читали чехи после знакового для чешской истории 1989 года, подводит Н. Волкова в своей статье «Заложница истории. Русская литература в Чехии», вышедшей в журнале «Знамя» в 2009 году в рамках проекта «Расширение взгляда: кого из современных русских писателей переводят в мире» [1, с. 188 – 192]. Нам она представляется наиболее подробным экскурсом в этой области.

Н. Волкова, являясь доктором филологических наук и работая в Карловом Университете в Праге, дает подробный обзор переводов из русской литературы на чешский язык, перечисляя и современных чешских переводчиков.

Восприятие русской литературы в 90-е годы складывается, как мы уже говорили, из переводов (а переводят Б. Пастернака, М. Булгакова, В. Шаламова, А. Солженицына, А. Платонова, И. Бунина), то есть все внимание переводчиков обращено на ранее запрещенную режимом русскую прозу. Очевидно, что в этот период было не до переводов поэзии, что, как известно, требует высшего мастерства переводчика. Кроме того, не будем забывать и о коммерческой составляющей переводной литературы: сферу интересов читателей формируют в 90-е годы уже издательства.

При этом большое влияние приобретают интернет издания: журналы, созданные во всемирной паутине, не нуждаются в коммерческом одобрении издателей и обладают наибольшей свободой выбора переводческого материала. Из новейших интернет изданий, имеющих и печатные аналоги, которые занимаются вопросами взаимосвязей литератур, назовем чешские журналы Texty (главный редактор Р. Кочик) и Logr (главный редактор М. Добрый). Создателями такого рода изданий, как правило, являются молодые филологи, закончившие или заканчивающие чешские философские факультеты, испытывающие потребность писать, сравнивать, публиковаться.

Обратимся к восприятию русской поэзии в современной Чехии в целом: та же Н. Волкова, ссылаясь на опрос, проведенный ею среди крупных чешских издательств, говорит о катастрофическом положении переводов из русской поэзии. Можно найти переводы из И. Бродского, В. Высоцкого, Б. Окуджавы, А. Галича, Е. Евтушенко, Б. Ахмадуллиной, А. Вознесенского, Е. Рейна и ничего из классиков русской поэзии. На вопрос к издателям, почему не переиздают хотя бы классиков, не говоря о том, что множество современных русских поэтов не знакомы чехам, получаем ответ: поэзия – дело коммерчески проигрышное. На помощь опять приходит интернет, который занял уже передовые позиции в области межкультурной коммуникации как свободно-независимый инструментальный в стирании межкультурных границ и сближении наций.

Отдельную роль в современных чешско-русских литературных отношениях играют учебники, хрестоматии и словари по русской литературе, издававшиеся весьма скромно и скудными тиражами, однако, все же сыгравшие свою, теперь уже ознакомительную, роль. Так, в 2009 году издана «Хрестоматия русской литературы» (автор С. Михлова) [9], которая заново знакомит современного чешского читателя с русской литературой. Весьма интересна подборка авторов и организация книги: авторы расположены не в хронологическом, а в алфавитном порядке (так, за Ф. Абрамовым, например, следует Аввакум, а далее А. Аверченко), что создает весьма разнообразное (нескучное) представление о многообразии русской литературы для чешского обывателя. Кроме того, сама подборка русских авторов должна быть весьма интересна чешскому читателю на переломе

XX – XXI веков: здесь можно познакомиться с С. Довлатовым, В. Пелевиным, В. Сорокиным, наравне, конечно, с А. Пушкиным и М. Лермонтовым, Ф. Достоевским и А. Чеховым, так хорошо знакомым чехам. Внимание уделяется русским авторам, писавшим для детей: В. Берестову, К. Чуковскому, С. Маршаку, Б. Житкову, Д. Хармсу. Ну и, конечно, тем авторам, которые уже не одно десятилетие представляют живой интерес для чешского читателя: О. Мандельштам, В. Набоков, И. Бродский, А. Битов, В. Шукшин, А. Солженицын. В хрестоматии даны, кроме кратких биографических сведений об авторах, фрагменты из произведений на чешском языке, а также ссылки на интернет-страницы, содержащие более подробные сведения о данном авторе, что представляется наиболее ценным в условиях современной коммуникации. Таким образом, именно такого рода издания, привлекающие своей организацией и подачей материала современного читателя, имеющего уже так называемое клиповое сознание, играют ведущую роль в ознакомлении и продвижении русской литературы в целом и, в особенности, современной русской литературы в Чехии. Фета среди выше перечисленных авторов в составе хрестоматии мы не обнаруживаем. Несмотря на то, что автор – составитель издания – русская эмигрантка в Чехии, она не берет во внимание имя крупного русского поэта – классика и не представляет его чешскому читателю.

Мода среди издателей на переводную славянскую литературу в России в начале 2000-х годов вызвала небывалую волну переводов собственно из современной чешской литературы. Самым издаваемым на русском языке в этот период был М. Кундера. Однако, такой небывалый интерес к славянским литературам (в этот же период, наравне с переводами М. Кундеры, например, очень много издавали переводы с сербского произведений М. Павича), вызвал поток некачественных (непрофессиональных) переводов (когда, например, переводчик с чешского опускает сложные для перевода абзацы оригинального текста). А, кроме того, коммерческая выгода изданий переводов чешской современной литературы побудила и к изданию книг, стилизованных под чешских авторов.

Так, в начале 2000-х годов широкую литературную известность приобрел якобы чешский автор Иржи Грошек, дебютировав на литературном поприще первым романом предполагаемой трилогии «Легкий завтрак в тени некрополя» (2001). Роман стал бестселлером в Чехии и был переведен на восемь европейских языков (в том числе и на русский). Выход книги вызвал небывалый отклик среди критики и журналистов, которые пытались рассказать читателям, что Иржи Грошек – литературная маска, творческий псевдоним и мистификация, согласно которой автор является известным чешским писателем и кинематографистом. Таким образом, этот, теперь можно сказать, успешный издательский рекламный ход вызвал небывалый интерес в России к литературной Чехии конца 90-х – начала 2000-х годов. Сами чехи много обсуждали Иржи Грошека как русского автора, проявившего интерес к их стране [10].

Все современные издатели и переводчики, как в Чехии, так и в России, говорят о кризисе переводческого мастерства, об элементарном отсутствии профессиональных переводчиков, а также, что представляется наиболее важным, редакторов и корректоров. Именно переводы стоят «на передовой» в вопросе литературных взаимосвязей, а отсутствие качественных переводов или же отсутствие переводов как таковых того или иного чешского или русского автора, играют разъединяющую роль в современных условиях, когда все внимание переводчиков и издателей обращено, прежде всего, на перевод и издание западной литературы.

Таким образом, для рядового читателя вопрос о современных чешско-русских литературных взаимосвязях может показаться мало перспективным. Вопрос этот остается очень волнующим, так как им продолжали заниматься исследователи и переводчики на протяжении XX века очень активно. И сейчас, в начале XXI века, ученые работают не менее активно и в России, и в Чехии.

В России самую активную работу ведет по-прежнему Институт славяноведения РАН (Москва), который издает единственное в стране периодическое научное издание журнал «Славяноведение», посвященный истории, культуре, литературе и языкам славянских народов. Одним из основных направлений научных исследований Института славяноведения занимается Отдел истории славянских литератур, во главе с Н.Н.Стариковой. До 2011 года он назывался «Центром истории славянских литератур до 1945 года» и возглавляла его д.ф.н. Л.Н. Будагова. Основные направления исследований Отдела – это исследование теории и истории развития литератур западных и южных славян с IX до середины XX века (с акцентом на изучение специфики общего литературного процесса в западно- и южно-славянском регионе, а также отдельных литературных эпох, стилей, направлений). Одним из ведущих направлений является исследование литературных связей, их функции и роль в интеграции и дифференциации литератур.

Особое место в исследовании чешско-русских и русско-чешских литературных взаимосвязей принадлежит Л.Н. Будаговой. Ее научный интерес лежит в области изучения чешских и словацких поэтов от К.Г. Махи и Ф. Шрамека до В. Незвала и Я. Сейферта, а также особенности развития литератур западных и южных славян (конец XIX – первая половина XX в.). Будагова исследует творчество виднейших представителей европейского и чешского авангарда, изучает специфику славянского модернизма и чешского сюрреализма. Она участвовала в публикации на русском языке произведений многих чешских писателей в качестве автора предисловий и комментариев, является инициатором проведения множества славистических конференций и редактором многочисленных трудов и сборников, а также является автором концепции трехтомного труда «История литератур западных и южных славян» [4].

Другим не менее активным ученым-исследователем в области истории славянских литератур и межславянских литературных связей, по-прежнему, остается д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Центра истории славянских литератур С.В. Никольский. Он изучает славянские литературы эпохи национального Возрождения и проблемы романтизма, вопросы художественной структуры в литературе XX века, поэтики, научной фантастики, сатиры, взаимодействия жанров. Значительное число работ С.В. Никольского посвящено творчеству Й. Волькера, К. Чапека, Я. Гашека.

Институтом славяноведения в рамках серии «*Slavica et Rossica*» в 2007–2011 годах были выпущены книги «Славянский мир в глазах России», где в отличие от большинства работ по русско-славянским связям, был рассмотрен встречный интерес России к истории и культуре родственных этносов; а также книга «Россия в глазах славянского мира», в которой рассматривается отношение славянских народов к России от средневековья до середины XX века.

Другими крупными российскими центрами по изучению чешско-русских литературных взаимосвязей являются кафедры славянской филологии в Московском университете и университете Санкт-Петербурга. В Московском университете активно ведет работу Центр по изучению славянских литератур под руководством крупного специалиста профессора А.Г. Машковой, на кафедре славянской филологии Санкт-Петербургского университета в области исследования чешско-русских литературных отношений работают такие ученые как И.М. Порочкина (в своей научной деятельности И. М. Порочкина преимущественное внимание уделяет межлитературным контактам, судьбам российской эмиграции в Чехословакии, связям Т. Г. Масарика с Россией; ею опубликовано в русской, чешской и сербской печати свыше 200 работ); Т.Е. Аникина, Н.К. Жакова (под ее руководством ведется научная работа в секции «Андреевские чтения. Славянские литературы и литературные взаимосвязи», ежегодно собирающей в рамках Международной конференции в СПбГУ как отечественных, так и зарубежных ученых, занимающихся этим вопросом; по итогам конференции выходят сборники трудов участников). Активную работу ведут молодые преподаватели-богемисты О. Сергиенко и Н. Штакельберг, уделяя внимание современным авторам.

Очень много делает в направлении развития чешско-русских взаимосвязей в целом, и литературных взаимосвязей в частности, Общество братьев Чапеков в Москве и в Санкт-Петербурге, образованное в 1995 году. Общество занимается изучением и популяризацией гуманистического творческого наследия братьев Йозефа и Карела Чапеков, а также чешской культуры в целом.

Отдельно следует отметить творческую и научную работу члена Общества, кандидата филологических наук, почетного доктора Пражского университета, члена Союза писателей Санкт-Петербурга О.М. Малевича

(1924–2013). Его жизнь была связана с изучением литератур Чехии и Словакии, в том числе – русской литературы, пережившей в Чехословакии истинный расцвет между войнами. Итоговой работой О. Малевича над этой темой можно считать двухтомник «Поэты пражского “Скита”» [5]. Однако прежде всего О. Малевич – литературовед-богемист и поэт-переводчик. Он учился на кафедре славянской филологии Ленинградского университета, а в 1961–1962 годах был стажером Карлова университета в Праге на кафедре чешской литературы. В 1964 году защитил кандидатскую диссертацию «Раннее творчество Карела Чапека». В 1968 году принят в Союз писателей СССР. Постоянно занимался переводческой работой, уделяя внимание как классике, так и современной литературе [2].

В Чешской Республике работу по изучению чешско-русских взаимосвязей осуществляют несколько центров: кафедра русистики (Институт славистики) на философском факультете университета им. Т.Г. Масарика в г. Брно, Карлов университет в Праге, кафедра славистики университета им. Палацкого в г. Оломоуц, кафедра русистики на педагогическом факультете университета г. Градец Кралове и университет в г. Ческе Будейовице. Самым крупным центром является Институт славистики на философском факультете университета им. Т.Г. Масарика, который возглавляет профессор Иво Поспишил. Он является также председателем Чешской Ассоциации славистов и Славистического общества Франка Вольмана. Область его научных интересов составляют, помимо прочего, теория и история русской литературы, теория и история славянских литератур, русский роман. Там же работает очень активно профессор Д. Кшицова, которая занимается чешско-русскими связями в области литературы и изобразительного искусства, а также русской литературой в европейском контексте. В области теории и истории русской литературы много работает Йозеф Догнал.

Институт славистики под руководством И. Поспишила выпускает рецензированный научный журнал *Slavica Litteraria*, который публикует литературоведческие статьи в области славистики. Также под редакцией Й. Догнала, Д. Кшицовой и И. Поспишила в институте выходит сборник *Litteraria Humanitas*, большое внимание в котором уделено публикациям исследований в области русской литературы. Например, отдельные тома были посвящены А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю, А.Н. Веселовскому.

Кафедры русистики университетов в городах Оломоуц, Градец Кралове и Ческе Будейовице преимущественно занимаются лингвистикой, однако следует отметить активную работу отдельных славистов, занимающихся чешско-русскими литературными взаимосвязями. На кафедре русистики философского факультета г. Оломоуца под руководством профессора М. Заградки на протяжении многих лет велись работы по изучению чешско-русских и русско-чешских литературных связей, особенно советского периода. Совместным трудом этого коллектива в 2008 году была выпущена знаковая для исследователей русско-чешских и чешско-русских литературных взаимосвязей книга «Словарь русско-чешских литературных отношений» (*Slovník rusko-českých literárních vztahů*) [14].

О. Рихтерек (университет г. Градец Кралове, педагогический факультет) – ученый, занимающийся вопросами русской литературы, с 2002 года выпускает сборник трудов по материалам международных конференций «Диалог культур». Он же является членом редакционного совета журнала «Slavica Litteraria» в институте славистики г. Брно. В университете г. Ческе Будейовице активно работает в области наших связей З. Матеушова.

В столичном Пражском университете после 1989 года работа на кафедре славистики сконцентрирована преимущественно в области лингвистики и переводоведения, в последнее время встречаются труды, опубликованные в научных сборниках по компаративистике, где в качестве компонента можно встретить русский литературный след, но это, к сожалению, лишь частные случаи. Картина того, что переводят и, что изучают, весьма разнится. Однако надо отметить, что это все старые мастера, а молодых больше занимает компаративистика в современном понимании, когда все сравнивается со всем.

Очень активную работу ведет в Праге Славянская библиотека (в составе Национальной библиотеки Чешской республики). Так, в 2003 году был проведен коллоквиум, являющийся совместной работой Славянской библиотеки и Клуба русистов Общества переводчиков, посвященный юбилею выдающегося чешского ученого И. Гонзика. Главной темой коллоквиума являлась русская литература Серебряного века, поскольку она составляла основной научно-исследовательский интерес ученого. В 2004 году Славянской библиотекой был опубликован сборник к 80-летнему юбилею И. Гонзика «Серебряный век русской литературы» [11].

Пропагандой русской культуры занимается также Клуб русских эмигрантов в Моравии, который организовывался как сообщество тех, кто уехал из России, но продолжает отождествлять себя с русской культурой. Их работа давно перешла за рамки сообщества. Она сосредоточена на научной, пропагандистской, просветительской деятельности на уровне культурных, литературных чешско-русских взаимосвязей.

Подводя итог, можно сказать, что чешско-русские литературные отношения в XX веке переживали расцвет, что было вызвано, конечно, тем фактом, что Чехословакия входила в соцлагерь и имела поддержку СССР во многих культурных, научных и литературных сферах. Развивалось в этот период очень активно преподавание чешского языка в Советском Союзе, а в самой Чехословакии русский язык был просто обязателен к изучению в общеобразовательных школах. Интерес ко всему русскому был, с одной стороны, насаждаем, а с другой, это был естественный процесс, ибо тяготение к большим культурам и литературам свойственно малым народам. Если близость чешской литературы к немецкой понятна в XIX веке (это объясняется и тем, что Чехия была в составе государства Австро-Венгрия), то в послевоенные годы, а затем и на протяжении XX века немцы в сознании народа-победителя были врагами, и чехи обратились (или

были обращены) к русской культуре. В конце XX века, когда и Советский Союз распался, и Чехословакия прекратила совместное существование, весьма естественен процесс «замкнутости на себе». Каждая нация пытается разобраться в том, что привело к событиям новейшей истории, отсюда и отсутствие взаимного интереса, а как следствие, в нашем случае, отсутствие переводов из классической русской и чешской литературы. Большой читательский спрос имеет историческая или псевдоисторическая литература о деятелях и вождях, делавших эту историю, как в Советском Союзе, так и в Чехословакии. И, конечно же, все, что было запрещено к публикации режимом, в этот период вызывает огромный интерес издателей и читателей (а это, прежде всего, западная «капиталистическая» литература и авторы, запрещенные режимом в самой стране или же соотечественники-эмигранты, публиковавшиеся на Западе).

В начале XXI века Германия, уже реабилитировавшая себя в глазах мировой общественности, опять заняла лидирующие позиции среди культурных, научных и литературных интересов чехов. Теперь, как это и было до советского периода в истории Чехии, все новшества, новинки научной и литературной сферы чехи получают в основном через немецкий язык и переводы с немецкого. Так, в 2009 году вышла книга на немецком языке о А.А. Фете, которая заняла достойное место в каталоге Национальной библиотеки в Праге, наряду с новинками, вышедшими на русском языке в России в первое десятилетие XXI века [12].

В XX веке поэзия Фета переводилась на европейские языки (немецкий, итальянский, английский, болгарский, чешский) достаточно активно. В начале XXI века уже существуют новейшие переводы на английский, немецкий, итальянский, испанский (с 2001 по 2012). Переводов Фета на чешский язык, изданных отдельной книгой, или же новейших переводов отдельных стихотворений нет. Последний перевод стихотворений Фета на чешский язык датируется 1996 годом [7]. При таком внимательном отношении в последнее время к творчеству А. Фета в России, где среди литературоведов и исследователей наблюдается переосмысление точек зрения на само имя русского поэта и, тем более, на его творчество, выявляется его влияние на отечественную поэзию в целом, остается открытым вопрос о таком невнимании к крупному русскому лирику со стороны чешских коллег, которые в разные периоды все же оставались верны русской поэтической классике. И наряду с крупными русскими поэтическими именами Пушкина и Лермонтова всегда были внимательны к творчеству других русских поэтов, переводя их отдельные стихотворения и упоминая их имена в своих исследовательских работах. Таким образом, отсутствие новейших переводов лирики Фета может быть связано с тем, что все новейшие переводы А. Фета на европейские языки – это поступательная односторонняя российская работа, поскольку все книги вышли в рамках проекта Цен-

тра книги Рудомино. Подобной чешской работы на сегодняшний день нет. Хотя об интересе к современным русским исследованиям творчества А. Фета среди чешских ученых говорит наличие русских книг, изданных в 2000-е годы, в каталоге Национальной библиотеки в Праге, что позволяет думать о том, что и для чешских исследователей эта научная ниша представляет собой большой потенциал.

Что касается исследований, то судьба А. Фета как русского классика в Чехии начала XXI века совсем иная. В 2005 году М. Заградка в своей книге «Русская литература XIX века в контексте европейских литератур» [13] посвящает Фету раздел в рамках разговора о русской поэзии второй половины XIX века. Это первое упоминание имени русского поэта в научно-исследовательской литературе Чехии в начале века после длительного игнорирования имени поэта в чешских литературоведческих трудах. А далее в 2008 году имя Фета вошло в состав «Словаря русско-чешских литературных отношений, где ему посвящена отдельная статья [14, с. 77 – 78]. Чешские исследователи упоминают имя Фета, говоря в целом о русской поэзии: ссылка на имя Фета была обнаружена в работе О. Рихтерека 2012 года «Русская поэзия как феномен чешского перевода» [6, с. 7], а также в лекциях по компаративистике И. Поспишила [8].

В заключение иллюстрируем новейшее восприятие чехами России, русской культуры и литературы цитатой из интервью Иво Поспишила, данного русскому литературному журналу «Парус»: «В целом, Россия остается для нас во многом экзотической страной, страной парадоксов и абсурдов <...> Но вместе с тем Россия является центром особой цивилизации, культуры и искусства, который связан с Европой, но и отличается от нее историческими судьбами, а также близостью к Азии. <...> В нашем прошлом больше положительного, чем отрицательного <...> в основном, несмотря на всевозможные противоречия, Россия у нас воспринимается положительно: как страна специфической культуры, которая близка нам и интуитивно понятна. Всё это дает нам право характеризовать проблему чешского отношения к России, открытой для новых перспектив взаимного доверия» [3].

Список литературы

1. Волкова Н. Заложница истории. Русская литература в Чехии // Знамя. – 2009. – № 12. – С. 188 – 192.
2. Выборочная библиография О.М. Малевича // Ежегодник Общества братьев Чапек. Санкт-Петербург – Прага, 2008. – СПб., 2008. – С. 109 – 134.
3. Иво Поспишил. Смотреть на Россию с любовью // Русское поле. – [Электронный ресурс]: <http://parus.ruspole.info/node/242>
4. История литератур западных и южных славян. – М., 1997–2001.
5. Поэты пражского «Скита». – СПб., 2005 – 2007.
6. Рихтерек О. Русская поэзия как феномен чешского перевода // Новая русистика, 2012.

7. Fet A. Jsi krajina překrásná // Texty. – 1996. – Č. 2.
8. Ivo Pospíšil Biliterárnost, poliliterárnost a větší srovnávací literární celky // Ivo Pospíšil. TEXTY pro inspiraci. – [Электронный ресурс]: http://nechodimnaprednasky.sk/stiahnut/prednasku/1420/427008/trnava_zaklady_teorie_literatury_texty.doc
9. Michlová S. Čítanka ruské literatury. – Praha, 2009.
10. Novotný V. Největšího Čecha máme v Rusku! (чешск.). – [Электронный ресурс]: <http://Reflex.cz> (22.12.2006).
11. Stříbrný věk ruské literatury. – Praha, 2004.
12. Stefan Schneider. An den Grenzen der Sprache: eine Studie zur «Musikalität» am Beispiel der Liryk des russischen Dichters Afanasij Fet. – Berlin, Frank&Timme, 2009.
13. M. Zahrádka. Ruská literatura XIX Století v kontextu evropských literatur. – Olomouc, 2005. – Č. 90 – 91.
14. Slovník rusko-českých literárních vztahů / Miroslav Zahrádka a kol. ... Ústí nad Orlicí. – Oftis, 2008.

**Ребенок и православная вера
в книге И. Шмелева «Лето Господне»**

В статье анализируется содержание религиозного опыта ребенка на примере книги И.С. Шмелева «Лето Господне», делается вывод о жизнестроительной функции веры в судьбе ребенка.

This article analyzes the religious experience of the child on the example of the book by I.S. Shmelev "Leto Gospodne", conclusion is made about the function of faith in child's life's modelling.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, «Лето Господне», религия, вера, детство.

Key words: I. Shmelev, "Leto Gospodne", religion, faith, childhood.

В этой статье мы продолжаем размышления о возможных путях прочтения духовно-нравственной русской прозы в рамках современного образования, начатые в статье «Валаам в литературе русского зарубежья», опубликованной в «Вестнике Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина» в 2012 году [13]. Современная педагогика много занимается вопросами нравственного и духовного развития и образования ребенка. Результатом общественных дискуссий по вопросам образования 1990-х – 2000-х годов стала организация диалога церкви и школы, церкви и дошкольных учреждений. В ходе диалога был осмыслен воспитательный потенциал православия, родилось новое понимание категории духовности как интегративного качества личности, проявляющегося в деятельной любви к миру, человеку и Богу. Стали разрабатываться новые концепции воспитания и образования: «Концепция православного дошкольного воспитания» [3], авторские образовательные ресурсы для школы по курсу «Основы духовной культуры» [2; 5; 8; 11; 19] и дошкольных учреждений [1; 4; 6; 7; 9; 16]. Во всех школьных программах духовного образования утверждается мысль о неразрывности его с литературным образованием. Изменилось и само литературное образование: развитие русской литературы стали связывать с христианством и его православными традициями, что способствовало значительной переработке школьных программ (программы Т. Ф. Курдюмовой [12], А. Г. Кутузова [15] и др.).

Действительно, потенциал русской классической литературы и ее наследников в деле православного образования неисчерпаем. Поэтому сегодня востребованы как специально обученные педагоги, которые ведут в школе курс «Основы духовной культуры и этики», так и педагоги, которые могли бы передать православный контекст классического литературного

памятника. Мы заботимся о том, чтобы научить ребенка читать священный текст, правильно понимать вероучение, следовать традиции, но многие из нас не имеют личного детского опыта религиозной жизни в силу разных обстоятельств. Поэтому нам трудно представить, как ребенок представляет себе православные ритуалы, как они на него действуют, какие рожают ассоциации. Столкнувшись с этой проблемой исследователь детского словотворчества и психологии К.И. Чуковский писал об откровенной материалистической детской теологии в статье «Малые дети и великий Бог» (1911 год): «Вообще это сплошное отчаяние говорить с ребятами о Боге. Они всё понимают буквально, их мышление – предметное, вещное, отвлечённых понятий у них нет, и, преждевременно сообщая им о различных качествах Божьих, мы тем самым невольно побуждаем их богохульствовать, подстрекаем, так сказать, к кощунству» [18]. Далее Чуковский рассказывает о мальчике Куке (своем семилетнем сыне Коле), который воспринимает Бога как удивительного фокусника и говорит о нем «с каким-то спортсменским азартом»: «У Него миллионы тысяч глаз!! Он бежит и лежит в одно время! Одна нога на луне, другая на крыше! Он режет Себя на кусочки и – пролезет в любую дырочку!» [18].

Классическая литература может помочь восполнить этот пробел – она дает уникальный материал, основанный на личных впечатлениях писателей о собственном детском восприятии православия и его ритуалов. Таких примеров много: «Детство» Л. Н. Толстого, «Детские года Багрова-внука» С. Т. Аксакова, «Обломов» И. А. Гончарова, «рождественские» рассказы Ф. М. Достоевского («Мальчик у Христа на елке»), А. И. Куприна («Чудесный доктор») и др. Но совершенно особенный материал мы находим в автобиографической книге Ивана Сергеевича Шмелева «Лето Господне», написанной писателем в зрелые годы, отягченные разлукой с Отечеством, когда в памяти всплывают и микроскопические детали невозвратимого прошлого. «Лето Господне» писалось в течение 10 лет: с 1934 по 1944 годы, спустя полвека после описываемых событий (И. С. Шмелев родился в Москве в 1873 году). В произведении предстает русский быт конца XIX века, насквозь проникнутый церковностью. Оказывается, что непосредственное ощущение близости Бога воспитывает любовь лучше, чем книжное поучение: ребенок пропитывается христианством, вбирает его из повседневности. Здесь уместно вспомнить слова известного педагога Петра Федоровича Каптерева: «... церковно-православное христианство есть не только известное религиозное воззрение, но и известный уже уклад жизни, своеобразный быт, сумма народных особенностей. Праздники Рождества и Крещения с колядами, елками, гаданьями, зимними катаньями и удовольствиями, праздник Пасхи с весенним солнцем, куличами и пасхами, красными яйцами, христосованием и разговением после долгого поста, Крещенское водосвятие с купаньем в проруби желающих, Великий пост, службы Страстной недели с звонами и свечками, говенье, Троица с березками, молебны, панихиды, просвирки, лампадки, колокольный звон – все

это сделалось элементом быта у русского народа, все это выражает известный уклад жизни, а не только религию» [10].

Книга Шмелева родилась из ностальгии по утраченной России. С 1928 года Иван Сергеевич стал писать для русской газеты «Возрождение», издававшейся в Париже, очерки о церковных праздниках в России («Наше Рождество», «Наша Пасха», «Наша Масленица»), потому что это был «известный уклад жизни» – уникальный, особенный, которого нет больше нигде. Постепенно из очерков собралась книга. События в ней происходят в 1880-е годы в Москве, московское житье описано в воспоминаниях семилетнего ребенка – мальчика Вани, восприятие мира которого невосвратимо и неповторимо. Зрелый рассказчик тоже это понимает, но отказываться от этого индивидуального опыта нельзя – это истоки собственного жизнестроительства.

Согласимся, что модель православной жизни в классической форме невозможна в современном мире, но изучение ее содержания поможет нам не ошибиться в попытках духовно-нравственного образования школьников.

Что же дает ребенку религия, вера в книге «Лето Господне»? «Лето Господне» – это особенное произведение, которое состоит из трех повестей, написанных в разное время. Это некий концентрум, передающий процесс узнавания мира ребенком, осознания глубины жизни и своего места в ней, когда одни и те же события и праздники осмысляются с высоты своего хоть и небольшого, детского, но личного практического или эмоционального опыта.

Открывают произведение «Праздники» (1927 – 1931). Все события в этой части упорядочены вокруг церковного и земледельческого календарей – от Великого Поста до масленицы. В повести описан не полный цикл годовых церковных праздников, а именно те, что особенно памятливы ребенку и особенно торжественно или широко отмечались в его семье. Все части повести имеют «праздничные» названия: «Великий Пост», «Благовещение», «Пасха», «Розговины», «Троицын день», «Яблочный спас», «Рождество», «Святки», «Крещение», «Масленица». Для ребенка эта последовательность символизирует жизненный порядок. Каждый праздник проходит в свое время и вбирает в себя приметы «своего» времени года, его чарующую прелесть и красоту, демонстрирует свои дары для физической и духовной жизни человека. Семилетний человек в первую очередь воспринимает физическую сторону жизни и потребности своих инстинктов – цвета, запахи, вкусы, погодное обрамление праздника. Но он уже пытается понять духовное назначение праздника через доступные ему эмоциональные ощущения.

Так, начало Великого Поста семилетним Ваней осмысляется как трудное, скорбное, покаянное время через соответствие погоды и интерьера: «Я просыпаюсь от резкого света в комнате: голый какой-то свет, холодный, скучный. Да, сегодня Великий Пост. Розовые занавески, с охотниками и утками, уже сняли, <...> и оттого так голо и скучно в комна-

те. Сегодня у нас Чистый Понедельник, и все у нас в доме чистят. Серенькая погода, оттепель. Капает за окном – как плачет» [17]. Плачет, потому что «мучается сын Божий». Герою уже доступно осознание и духовного смысла праздника: «И радостное что-то копошится в сердце: новое все теперь, другое. Теперь уж "душа начнется", – Горкин вчера рассказывал, "душу готовить надо". Говеть, поститься, к Светлому Дню готовиться», потому что «за вереницею дней Поста» будет «Святое Воскресенье, в светах» [17].

Доступным способом ребенок объясняет себе ритуал особенной молитвы поста – стояния: «Таинственные слова, священные. Что-то в них... Бог будто? Нравится мне и "яко кадило пред Тобою", и "непщевати вины о гресех", – это я выучил в молитвах. И еще – "жертва вечерняя", будто мы ужинаем в церкви, и с нами Бог. И еще – радостные слова: "чаю Воскресения мертвых"! Недавно я думал, что это там дают мертвым по воскресеньям чаю, и с булочками, как нам. Вот глупый! И еще нравится новое слово "целомудрие", – будто звон слышится? Другие это слова, не наши: Божьи это слова...» [17].

Природная и духовная жизнь для ребенка нераздельны, он делает прямые сравнения человеческой и природной жизни: «И кругом уже все – такое. Серое небо, скучное. Оно стало как будто ниже, и все притихло: и дома стали ниже и притихли, и люди загрустили, идут, наклонивши голову, все в грехах. Даже веселый снег, вчера еще так хрустевший, вдруг почернел и мякнет, стал как толченые орехи, халва-халвой, совсем его развезло на площади. Будто и снег стал грешный» [17].

По смыслу все правильно и выходит. Ребенку доступны и нравственные чувства: осознание греха и стыд за него. Наставник Вани Горкин увидел скорлупу от до срока съеденного пасхального яйца и сокрушался, что «весь пост изгажен»: «Вот ты умник, ты дотерпел, знаю. И молочка в пост не пил, небось?». Выясняется, что молочка-то Ваня не пил, но съел «кусочек ветчинки» и теперь мучается, признаться в этом или промолчать: «...Мне стыдно, я совсем не могу дышать, и радостная скорлупка в луже словно велит сознаться. И я сквозь слезы, тычась в коленки Горкину, говорю: – Горкин... я... я... я съел ветчинки... Он садится на корточки, смотрит в мои глаза, смахивает слезинки шершавым пальцем, разглаживает мне бровки, смотрит так ласково... – Сказал, покался... и простит Господь. Со слезкой покался... и нет на тебе греха. Он целует мне мокрый глаз. Мне легко. Радостно светится скорлупка» [17]. Тут важно, чтобы рядом с ребенком был наставник – учитель ли, родитель ли, который, не торопясь, поговорил бы с маленьким человеком. Скорее всего, не будь у самого Шмелева в детстве умного наставника Михаила Панкратьевича Горкина – Горки – неизвестно, как сложилась бы его духовная жизнь.

Самый любимый детский праздник – Рождество – самый главный и в церковном календаре: Спаситель родился. Для ребенка это самое чудесное и таинственное время, впечатление от него остается на всю жизнь, и при-

рода этому соответствует: «Рождество... Чудится в этом слове крепкий, морозный воздух, льдистая чистота и снежность. Самое слово это видится мне голубоватым. <...> Синеватый рассвет белеет. Снежное кружево деревьев легко, как воздух. Плавает гул церковный, и в этом морозном гуле шаром всплывает солнце. Пламенное оно, густое, больше обыкновенного: солнце на Рождество. Выплывает огнем за садом. Сад – в глубоком снегу, светлеет, голубеет. Вот, побежало по верхушкам; иней зарозовел; розово зачернелись галочки, проснулись; брызнуло розоватой пылью, березы позлатились, и огненно-золотые пятна пали на белый снег. Вот оно, утро Праздника, – Рождество. В детстве таким явилось – и осталось» [17].

Ночное бдение и общая молитва в церкви преображают ребенка: «Идешь из церкви. Все – другое. Снег – святой. И звезды – святые, новые, рождественские звезды. Рождество! Посмотришь в небо. Где же она, та давняя звезда, которая волхвам явилась? Вон она: над Барминихиным двором, над садом! Каждый год – над этим садом, низко. Она голубоватая. Святая. Бывало, думал: "Если к ней идти - придешь туда. Вот, прийти бы... и поклониться вместе с пастухами Рождеству! Он – в яслях, в маленькой кормушке, как в конюшне... Смотришь, смотришь – и думаешь: "Волви же со звездой путешествуют!..". А, маленький, я думал – волки. Да, добрые такие волки, – думал. Звезда ведет их, а они идут, притихли. Маленький Христос родился, и даже волки добрые теперь. Даже и волки рады» [17].

Колоссальное значение для ребенка имеет праздничный стол, главное свойство которого для него – постоянство, а, значит, и годичное ожидание желанных блюд и яств, ведь каждому празднику соответствует своя еда, вкушаемая только в это время. Ребенок – не чревоугодник, но его детские инстинкты откликаются прежде всего на это материальный момент праздника. Вот постный стол: «Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пас-тила рябиновая, постный сахар – лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам... а кутья с мармеладом в первую субботу! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а... великая кулебяка на Благовещение, с вязигой, с осетринкой! А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, с маринованными огурчиками..., а "грешники", с конопляным маслом, с хрустящей корочкой, с теплою пустотой внутри!.. Неужели и т а м, куда все уходят из этой жизни, будет такое постное! И почему все такие скучные? Ведь все – другое, и много, так много радостного» [17]. Ваня вспоминает, что «всегда в Чистый Понедельник на ужин ... пареный кочан капусты с луковой кашей и грибами»; «спокон ве-

ку» только на Вознесение пекли лесенки из теста – «Христовы лесенки» – и ели их осторожно, перекрестясь: «Кто лесенку сломает – в рай не вознесется, грехи тяжелые»; перед Пасхой пекли «жаворонков», на Крестопклонной – «маковые кресты» – особое рассыпчатое печенье с запахом миндаля; на Пасху – «пасочки» и куличи; «А по субботам, с Пасхи до Покрова, пекли ватрушки. И дни забудешь, а как услышишь запах печеного творогу, так и знаешь: суббота нынче».

Теперь эта традиция утрачена, но через этот текст мы понимаем ее очень важную функцию – для ребенка она символизирует жизненную устойчивость и порядок.

Очень важна для ребенка и общая подготовка к празднику – уборка, чистка и особые ритуалы, для которых у него есть простые практические объяснения – зачем так делается. Так, перед Пасхой на стенах в доме и на дворе выжигали крестики страстной свечой: «Кажется мне, что на нашем дворе Христос. И в коровнике, и в конюшнях, и на погребнице, и везде. В черном крестике от моей свечки – пришел Христос. И все – для Него, что делаем. Двор чисто выметен, и все уголки подчищены, и под навесом даже, где был навоз. Необыкновенные эти дни – страстные, Христовы дни. Мне теперь ничего не страшно: прохожу темными сенями – и ничего, потому что везде Христос» [17]. Это наивное, но точное понимание спасительной защиты – раз крестик выжженный есть, то и Христос здесь.

Главный урок, который получает ребенок из наблюдений за подготовкой и ожиданием праздника, – это определенность и устойчивость жизни, непоколебимый порядок бытия, который требует неукоснительного исполнения, а еще ответственности и терпения – праздник получить «нельзя сразу, а надо приуготовляться, а то духовной радости не будет».

Вторая и третья части автобиографической трилогии – «Радости» и «Скорби» писались в 1934 – 1944 годах. В них настрой героя иной: Ваня уже не ребенок, а «отроча» – он постился, принял причастие, и мир видится ему уже более сложным и люди – разными. С одной стороны, он «приучается к делу», уже не только смотрит на подготовку к праздникам, а и сам деятельно помогает, все запоминает, все расспрашивает, в 7 лет знает, на какой доход живет семья, каких трудов стоит достаток. С другой стороны, учится нравственности: ценить и благодарить хороших людей, понимать, что люди делают не так, неправильно, переживать и понимать утраты. Это уже сложная духовная жизнь.

В первой части Ваню восхищает нерукотворная красота природы, а здесь он понимает, что с природное совершенство могут повторить и человеческие руки и начинает ценить труд и мастерство. Отец его подрядчик, нанимает плотников, гоняет плоты, по Москве много всего настроил, Ваня этим гордится и на всю жизнь запомнил рассуждение Горкина, что профессию плотника ни с какой другой и сравнивать нельзя: «плотник и ку-

пальни ставит, и дачи строит, при живом дереве всегда, на воле, и сравнения никакого нет. А инструмент взять: пила, топорик, струбцинка... и рубанки тебе, и фуганки, и шершебель... не сравнивать никак. Сапожник на "липке" весь век живет, а плотник – вольная птица: нонче он тут, а завтра под Коломну ушел... и со всяким народом сходишься, – как можно!». Вспоминает он и о Мартыне-плотнике, который «самому государю был известен... песенки пел топориком», рассказывает, как плотник Ондрейка на его глазах из драночек «священного голубка» сделал на праздник: «...Трепещут лучинки-крылья, – совсем живой! Его он вешает под подозром сени, крылышки золотятся и трепещут, и все дивятся, – какие живые крылья, "как у Святого Духа!". Сквозные, они парят». «Из плотников, – рассуждает Ваня, – много самых больших святых: и Сергей Преподобный был плотником, и святой Иосиф. Это самое святое дело» [17]. Таким мастерам под силу и ледяной дворец построить, что и сделала плотничья артель отца в Москве на Рождество.

Получается в книге так, что ребенку, имеющему скудный личный опыт общения с людьми, очень помогает библейская история в правильной оценке поступков людей. Ваня много видит, думает и понимает, что в людях хорошего и плохого. В доме живет Горкин – был он плотником, состарился, и отец оставил его жить в доме при Ване – очень он правильный, добрый, справедливый, всеми уважаемый старичок. Он Ване и рассказывает священную историю. Горкин для Вани – «священный»: «За каждым ангел, а за Горкиным – Ангел над Ангелами, – Архистратиг. Стоит невидимо за спиной и радуется». Любит Ваня людей мастеровитых, пусть и простых – старичка Егорыча, который делал «масленицы» (на прянике как живые «и елки, и медведики, и горы, и цветы» и солнечная паутинка; умер Егорыч – и «масленицы исчезли. Никто без него не сделает»); Михаила Иванова, который со своей старухой живет в лесу и возит в дом вербу, уголь березовый – «очень они приятные и дымом от них пахнет» и многих-многих еще. Но не любит «грубого» и злого крестного – богача Кашина и его сына – своего ровесника – за грубость, надменность, чванство.

Библейская история как универсальная история человеческого бытия и всех возможных событий, которые могут произойти с человеком, восполняет недостаток жизненного и эмоционального опыта ребенка. Рассказанная Горкиным история Спасителя помогает Ване пережить и первую самую горькую утрату – смерть отца. Этому страшному событию посвящена третья повесть книги – «Скорби». Ваня очень искренне переживал смерть Спасителя. Примечательно переживание Вани во время молитвы в дни поста. «"Он воскреснет! И все воскреснут!" – думается во мне, и горячие струйки бегут из души к глазам. – Непременно воскреснут! А это... только на время страшно..."» [17].

Православный жизненный уклад дает ребенку очень позитивное мироощущение – защиты, радости, счастья, небесного заступничества: «Потому-то, милоч, не страшно нам ничего, под таким-то Покровом. Нам с тобой не будет ничего страшно: работай-знай – и живи, не бойся, заступа у нас великая», – так говорит Горкин; «...мне ничего не страшно», «меня заливают радостью и грустью, и хочется мне чудесного»; «...а завтра будет чудесный день! И потом, и еще потом, много-много, – и все чудесные»; «...и во всем, что ни вижу я, что глядит на меня любовно, слышится мне – так-так. И безмятежно отстукивает сердце – так-так...» [17].

«Ревнунтель» веры Горкин – великий педагог, он дал наставление Ване на всю жизнь: «”Православная наша вера, русская... она, милоч, самая хорошая, веселая! и слабого облегчает, уныние просветляет, и *малым радость*“. И это суцая правда» ([17]. – Курсив наш. – Т. М.).

Список литературы

1. Алексеева Г.Г. Нравственное воспитание на основах православия. Авторская программа для дошкольного и младшего школьного возраста // Сборник программ по Закону Божию для церковно-приходских воскресных школ. – М., 1999. – С. 93 – 126.
2. Алексеева Г.Г. Духовно-нравственное и патриотическое воспитание школьника: программа для общеобразовательных школ. – Шиханы, 2000.
3. Алексеева Л.В. Концепция православного дошкольного воспитания // Просветитель. Вестник духовного просвещения. – 1994. – № 1. – С. 34 – 55.
4. Афанасьева С.Ю. Основы христианской культуры. Занятия для детей младшего возраста (5-7 лет). – Калининград, 2002.
5. Бородина А.В. История религиозной культуры: Основы православной культуры: учебник для основной и старшей ступени общеобразовательных школ, лицеев, гимназий. – М., 2003, 2006.
6. Вишневецкая В.Н. Программа духовно-патриотического воспитания детей 5–7 лет «Свет Руси»: пособие по реализации государственной Программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 – 2005 годы». – М., 2004.
7. Гладких Л.П., Зиновий, архим. (Корзинкин А.А.), Меньшиков В.М. Основы православной культуры. Мир – прекрасное творение: научно-методическое пособие для педагогов детских садов. – Курск, 2008.
8. Гончарова Т.И. Основы православной культуры: учеб. пособие. – Владивосток, 2006.
9. Духовно-нравственное воспитание старших дошкольников. Методические рекомендации для воспитателей дошкольных образовательных учреждений / сост. Н.П. Шитякова, Т.Г. Феоктистова. – Челябинск, 2002.
10. Каптерев П.Ф. Религия детей // Воспитание и обучение. – 1905. – № 9. – С. 289 – 316.
11. Лебедева О.В. Семейные ценности и традиции русской православной культуры. – [Электронный ресурс]: semyarossii.ru/component/k2/item/333-семейные-ценности-и-традиции-русской-православной-культуры.html.
12. Литература: Программа для общеобразовательных учреждений. 5 – 11 классы / под ред. Т.Ф. Курдюмовой. – М.: Дрофа, 2010.

13. Мальцева Т.В. Валаам в литературе русского зарубежья // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 4. – Т. 1. Серия филология. – С. 208 – 216.
14. Православная культура: Концепции, учебные программы, библиография / сост. Д.Е. Самогаев; под общ. ред. иеромонаха Киприана (Яценко) и Л.Л. Шевченко. – М., 2003.
15. Программа по литературе для образовательных учреждений (5 – 11 класс) / авт.-сост. А.Г. Кутузов, Е.С. Романичева, А.К. Киселев, И.И. Мурзак, А.Л. Ястребов; под ред. А.Г. Кутузова. – [Электронный ресурс]: http://ku4mina.ucoz.ru/_ld/0/4_KbQ.pdf
16. Султанова Н.Н., Цилько Н.В. Программа «Духовно-нравственное воспитание дошкольников». – Печоры, 2003.
17. Шмелев И.С. Лето Господне. – [Электронный ресурс]: http://modernlib.ru/books/shmelev_ivan_sergeevich/leto_gospodne/read
18. Чуковский К.И. Малые дети и великий бог // Речь. – 1911. – 10(23) июля. – [Электронный ресурс]: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/detibog.htm>
19. Янушкявичюс Р.В., Янушкявичене О.Л. Основы нравственности. – М., 2000.

Сведения об авторах

Агеева Юлия Петровна – аспирант, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск); yulia_ageeva@mail.ru

Балашова Елена Анатольевна – доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, кандидат филологических наук (г. Калуга); e-balashova@rambler.ru

Баринова Ирина Александровна – доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Пермь); barinova.i.a@yandex.ru

Бачалиашвили Ольга Вячеславовна – соискатель, Столичный институт иностранных языков (Москва); Olga.Bachaliashvily@mail.ru

Борецкая Ульяна Анатольевна – аспирант, Московский государственный областной гуманитарный институт (Москва); u-andreeva@mail.ru

Волкова Яна Александровна – доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Волгоград); yana.a.volkova@gmail.com

Дробышева Марина Николаевна – доцент, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург); victorybear@mail.ru

Дронь Дарья Юрьевна – аспирант, Башкирский государственный университет (г. Уфа); Dron-darya2013@ya.ru

Каменский Михаил Васильевич – доцент, Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета, кандидат филологических наук, доцент (г. Ставрополь); stavdev@mail.ru

Корзинина Анастасия Анатольевна – соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); ankor07@inbox.ru

Котова Юлия Вадимовна – аспирант, Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск); yulya.rouge@mail.ru

Лебедева Татьяна Евгеньевна – доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург); te_lebedeva_1210@mail.ru

Макарова Инна Сергеевна – доцент, Высшая школа экономики, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург); inna-makarova@mail.ru

Макаревич Ольга Владимировна – ассистент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород); philologolga@gmail.com

Максимова Татьяна Владимировна – соискатель, Курский государственный университет (г. Курск); segretezza@mail.ru

Мальцева Татьяна Владимировна – профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург); kaflit@yandex.ru

Махрова Галина Александровна – аспирант, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск); mahrova.ampleewa@yandex.ru

Меновщикова Юлия Васильевна – преподаватель, Сызранский медико-гуманитарный колледж (г. Сызрань); uv.menov@bk.ru

Михайлова Мария Владимировна – старший преподаватель, Московский государственный лингвистический университет (Москва); nemashasky@mail.ru

Мохаммадиан суге Мохаммад – аспирант (Иран), Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород); reportash@gmail.com

Радюк Александра Владимировна – аспирант, Московский государственный институт международных отношений МИД России (Москва); rad_al@bk.ru

Осьмухина Ольга Юрьевна – профессор, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, доктор филологических наук, доцент (г. Саранск); osmukhina@inbox.ru

Сидоров Олег Гаврильевич – начальник Управления информационной политики и коммуникативных технологий, заведующий кафедрой журналистики, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск); ilin_s@mail.ru

Тактарова Анна Валерьевна – преподаватель, Ростовский государственный университет путей сообщения (г. Ростов-на-Дону); TaktarovaAnna@rambler.ru

Топка Лариса Владимировна – доцент, Иркутский государственный лингвистический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Иркутск); lavtop@list.ru

Трифонова Анастасия Владимировна – учитель, Смоленская специальная (коррекционная) общеобразовательная школа I и II видов (г. Смоленск); treefa@rambler.ru

Ушкалова Маргарита Викторовна – аспирант, Курский государственный университет (г. Курск); rita_ushk@yahoo.com

Филиппова Ирина Николаевна – доцент, Московский государственный областной университет, кандидат филологических наук, доцент (Москва); inf.perevod@gmail.ru

Чугунекова Алена Николаевна – ведущий научный сотрудник, институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, кандидат филологических наук, доцент (г. Абакан); chugunekowa@yandex.ru

Шинкарева Надежда Юрьевна – аспирант, Институт гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (Москва); gromovaav@mail.ru

Шкурат Лилия Сергеевна – доцент, Липецкий государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Липецк); sh.lilia.s@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра литературы и русского языка, каб. 316.
- отправить по электронной почте: E-mail: vestnikfilol@yandex.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-36

E-mail: vestnik_lgu@list.ru

Для заметок

Научный журнал

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

№ 4

Том 1. Филология

Оригинал-макет Н. П. Никитиной

Подписано в печать 20.12.2013. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,75. Тираж 500 экз. Заказ № 971

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а